

К. 11-613
А628

НАРОДНЫЕ
ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ,
ПРЕДРАССУДКИ
И
ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

НАРОДНЫЕ
ОБЫЧАИ, СУЕВѢРІЯ, ПРЕДРАЗСУДКИ
И
ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Собраны въ 1861 — 1888 годахъ.

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО И МОСКОВСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВЪ, САРАТОВСКОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ И
САРАТОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

А. Н. МИНХА.

•

УДОСТОВѢНО ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
СЕРЕБРЯНОЙ МЕДАЛИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ВЕЗОВРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 д., № 45).

1890.

**НАРОДНЫЕ
ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ,
ПРЕДРАССУДКИ
И
ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

СОБРАНЫ В 1861–1888 ГОДАХ

САРАТОВ
• 1994 •

РЕПРИНТНОЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЗДАНИЯ
1890 ГОДА

Книга издана по инициативе Саратовской областной научной библиотеки и областного методического центра культуры и творчества. Она явилась продолжением общей работы по популяризации фольклора, истории, культуры, этнографии Саратовского края. Изданная впервые более ста лет тому назад, книга стала библиографической редкостью. Подлинный экземпляр книги хранится в фонде Саратовской областной научной библиотеки.

Для специалистов в области истории, этнографии и фольклора, работников учреждений культуры и всех, кто интересуется историей края.

Автор вступительной статьи —
профессор Саратовского университета
В. К. АРХАНГЕЛЬСКАЯ.
Художник Е. И. БОЧАРОВ.

A 628643

М $\frac{1805080000}{176(02)-94}$

- © А. Н. Мних, 1890
- © В. К. Архангельская, 1994
- © Саратовский областной методический центр культуры и творчества, 1994

ПАМЯТНИК ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

В экземпляр книги «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии»¹, подаренный Радищевскому музею, А. Н. Минх сделал две вклейки: своей фотографии и более двух страниц собственноручно написанного «Предисловия ко 2-му тому дополнений». Оно является ничем иным, как краткой автобиографией, с показом жизненных обстоятельств, неизменно ставивших А. Н. Минха в близкие отношения с народом.

«Почти всю жизнь провел я с нашим народом», — начинает А. Н. Минх свое «Предисловие». Детство прошло в еще крепостной деревне, принадлежавшей отцу. И далее идут сведения об участии в войне с Турцией, приблизившем молодого юнкера-добровольца к рядовым: «...как близки были мы с солдатами; как знали их жизнь, характер, нужду и радости; как часто, сидя у бивачных костров, слушаешь их разговоры и рассказы; сколько раз, бок о бок, приходилось видеть нашего солдата — и в темную, бурную ночь в цепи на аванпостах у Черного моря под Евпаторией, — и в бою под ядрами и пулями у Сак, Чеботарей... под бомбами и гранатами в Севастополе...; — и на отдыхе... когда, после выпитой кружки, далеко несется по степи лихая эскадронная песня...» Видел их ранеными, а после войны вез солдат-георгиевских кавалеров в Петроград, чтобы «представить их государю». По окончании стрелковой офицерской школы инструктор А. Н. Минх «опять попал в самые близкие отношения с солдатами, обучая их грамоте, стрельбе и обращению с оружием... Открылась воля, и я был вызван в 1861 г. в свою губернию мировым посредником, а затем стал мировым судьей.

Прошло 36 лет сряду, в которые я, почти без промежутков, близко жил с русским простонародьем: воином и пахарем; нетрудно было, любя этот народ, посвятив себя той деятельности, которую я избрал, и как помещику, хорошо узнать в это долгое время русского человека, его качества и недостатки, его радости и горе, его понятия и заблуждения, вообще весь строй его жизни».

Эта запись сделана в марте 1890 г. в Полчашиновке, имение автора.

Александр Николаевич Минх (1833—1912) занимает почетное место среди собирателей фольклора Саратовского Поволжья

¹ Минх А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии: Собраны в 1861—1888 годах. — СПб., 1890. — 152 с. — (Зан. имн. Рус. геогр. об-ва по отделению этнографии; Т. 19, в. 2). Экземпляр книги хранится в отделе редких книг Зональной Научной библиотеки Саратовского университета. В дальнейшем: «Народные обычаи...».

XIX в., таких как А. Ф. Леопольдов, Н. И. Костомаров и А. Н. Мордовцева, М. Е. Соколов.

Книга «Народные обычаи...» родилась не вдруг, она имеет свою, довольно длительную историю. Во Введении А. Н. Минх пишет, что многое из вошедшего в нее печаталось в двух томах «Саратовского сборника», в «Древностях» и в местной периодической печати. В самом деле, в «Древностях» А. Н. Минх объяснил многие понятия в их бытовом функционировании у поволжских народов: «Бука» (у мордвы), «Бык-гора», «Веснянки» (у мордвы), «Гадание» (у мордвы), «Жениханье» (у малороссов), «Колядашки» (у мордвы), «Кони» (обрядовые лепешки у мордвы), «Кузьминки», «Лукша» (обрядовый пирог на мордовской свадьбе), «Молян» (у мордвы), «Обрядная курица», «Очепок» (у малороссов), «Панара» (у мордвы), «Повойник», «Петров крест», «Сырыг-трава», «Погребальные обряды мордвы», «Приворот», «Проклятый», «Разрыв-трава», «Собина», «Сыпчина» (у мордвы)². Многие из этих слов можно найти в оглавлении к книге.

О суевериях русских крестьян А. Н. Минх рассказал в этнографических частях очерков «Коленская волость Аткарского уезда»³ и «Саратовский уезд»⁴; — в последнем и о поселении, свадебном обряде, праздниках и суевериях немцев Ягодной Поляны. Эти материалы, а также очерк Ф. С. Голицына «Мордва в Хвалынском уезде»⁵ составили ядро книги «Народные обычаи...».

При этом из очерков в книгу А. Н. Минх не были перенесены тексты тех песен (хороводных, любовных, плясовых), которые непосредственно не связаны с обрядовыми действиями на Троицу и Русальную неделю, и оставлены лишь обрядовые, русские и малороссийские. Автор расстался и с текстами свадебных песен («Саратовский уезд»): видимо, считая их общеизвестными, он только назвал их. Он стремился сделать книгу цельной в тематическом и жанровом отношении, сосредоточиться на обычаях, поверьях.

К истории труда А. Н. Минха «Народные обычаи...» непосредственное отношение имел выдающийся этнограф А. Н. Пыпин. В своем благожелательном отклике на «Саратовский сборник» (1881 г.) он указал на настоятельную необходимость для науки развития местных изучений, отличающихся крайней неполнотой, сведений о современном народном быте, местных песнях, описаний местных обычаев, преданий. (Разрядка моя. — В. А.). «Для историков и этнографов поныне составляет немалую задачу объяснение взаимных и исторических от-

² Древности//Тр. имп. Моск. археол. о-ва. 1885. — Т. 10. — С. 204—217.

³ Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губ. — Саратов: Изд. Саратов. стат. ком. 1881. — Т. 1. — С. 65—117.

⁴ Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губ. — 1882. Т. II. — С. 203—327.

⁵ Саратовский сборник. — Т. 1. — С. 177—195.

ношений племен великорусского и малорусского», — писал он. Саратовский край рассматривался А. Н. Пыпиным как «одна из крупных частей Нижнего Поволжья», со своей историей, в которой должны быть учтены времена татарской орды, подвигов низовой вольницы, Степки Разина, Пугачевщина. «Мало исследована и старина народных преданий, которая еще может быть найдена и сохранена»⁶. В других рецензиях на этнографические издания, связанные с Поволжским регионом, в ряду его особенностей он называл бурлачество и свивший здесь гнездо раскол⁷.

За всей этой программой просматриваются разные этнографические и исторические аспекты труда А. Н. Минха «Народные обычаи...» и предшествующие ему обращения к обрядам русским, мордвы, малороссов и «Древностям».

А. Н. Пыпин имел непосредственное отношение и к издательской судьбе книги А. Н. Минха. Ее рукопись, посланная автором в феврале 1887 г. «в дар и полное распоряжение» этнографического Отделения Русского географического общества, поступила на отзыв саратовцу А. Н. Пыпину. На заседании Отделения 28 апреля он характеризовал А. Н. Минха как человека, известного в этнографической литературе, знакомого с ее научными требованиями, а его «Сборник» как заслуживающий «особенного внимания»: в нем «множество подробностей для определения народных верований и обычаев, драгоценных для исследователя народной жизни Поволжья». В заслугу автору он ставил обращение к этнографическим чертам и быту не только русских, но также малороссов, мордвы, чуваш, немцев, преданиям о разбойничестве, нашедшим здесь приют в связи с окраинным положением края. Особенную ценность книги А. Н. Пыпин видел и в том, что факты в ней переданы «в их реальной бытовой обстановке», рассказы «беспрестанно сопровождаются примерами, указанием мест и лиц, объяснением обстоятельств, в которых применяется то или другое поверье и суеверие». По мнению рецензента, труд заслуживал «издания его в цельном виде, как специальный сборник народных преданий и поверий». А. Н. Пыпин рекомендовал «почитать давние труды А. Н. Минха в этой области избранием его в члены-сотрудники Отделения», что и было сделано⁸.

Книга А. Н. Минха отвечала и научным, и социально-практическим требованиям времени. Она содержала материал о подлинном быте крестьян четырех основных этносов определенного региона — русских, малороссах, мордве и немцах (частично чувашей и татар), быте, исполненном суеверий и поэзии. Этот труд мог содействовать познанию народа. «Этнография не есть наука

⁶ Вестник Европы. — 1881. — № 7. С. 438—440.

⁷ См.: Вестник Европы, 1881, № 11; 1884, № 10; 1885, № 7 и др.

⁸ Журнал заседания Отделения этнографии от 27 марта — 28 апреля 1887 года//Изв. Русского географ. с-ва. — Т. XXIII. — С. 400—402.

книжная», этнографические исследования — нравственная обязанность общества, — писал А. Н. Пышин⁹. В письме А. Н. Минху от 4 февраля 1888 г. он писал, что «просвещенные люди» на местах могли бы часть своего досуга посвятить изучению народа, «который всё ещё остается для нас сфинксом и от которого в конце концов зависит всё наше государственное и национальное значение»¹⁰.

Книга А. Н. Минха вписывалась в свою эпоху: в последней трети XIX в. материалы о бытовых суевериях, мифологических представлениях народа постоянно публиковались в местной периодической печати. Одни авторы собирали их, потому что были обеспокоены возможностью их исчезновения, другие видели в них темные стороны народного быта и сознания, с которыми нужно бороться. Ученых интересовал феномен «культурных переживаний» — сохранение отголосков далекого прошлого в современных понятиях всего общества.

Обозначилась тенденция видеть в них лишь чисто внешние проявления бытовой жизни, дань поэтической традиции. Так, Н. И. Костомаров писал, что народ перестает придавать значение старым обычаям и обрядам: «они остаются только какою-то художественною обстановкою жизни», но никак не строгим законом, убивающим свободу мысли¹¹.

Книга А. Н. Минха «Народные обычаи...», как и многие другие работы, опровергала мысль Н. И. Костомарова, что с вхождением в жизнь новых понятий и обычаев старина теряет свое значение. Ее материалы показывали жизнь крестьян всех национальностей, опутанной нелепыми суевериями, приметами, предрассудками, сопровождающими каждый их шаг, светлые дни отдыха, праздников и трудовых будней, радости и горя. Предрассудки передаются как завещание предков, необходимое в повседневной жизни. Объяснение этому он ищет в отсутствии «не только образования, но и грамотности» (с. 13). Но оказывается, «вера эта и предрассудки еще до сих пор встречаются и в нашем барском быту», признает А. Н. Минх в очерке «Желепская волость Аткарского уезда»¹² и повторяет в книге (с. 47—48). Если в очерке «Саратовский уезд» он писал, что «благодаря развивающейся грамоте народ бросает мало-помалу свою веру в чародейную силу... ведьмы и колдуны совсем перевелись в Полчиановке»¹³, то в книге читаем иное: «Мне довелось (в 1887 г.) го-

⁹ О задачах русской этнографии//Изв-в имп. Русского геогр. о-ва.— Т. XXI. — 1885. — С. 480—481.

¹⁰ Государственный архив Саратовской области. — Ф. 407. — Е. х. 444.

¹¹ Цит. по статье: Покровский П. А. Потеряла ли свою законную силу бытующая старина в сознании русского народа?//Тр. Этногр. отд. имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. — 1887. — Кн. 7. — С. 55.

¹² Саратовский сборник. — Т. I. — С. 104—105.

¹³ Саратовский сборник. — Т. II. — С. 289—290.

ворить с молодыми парнями 20—25 лет из с. Полчаниновки и д. Федоровки (Саратовского у.): они вполне верят в колдунов, в их порчу и навешивание кил» (с. 16). О скептическом отношении к приметам, поверьям А. Н. Минх не пишет.

Заметим, что А. Н. Пыпин, не раз с тревогой писавший об исчезновении старины и необходимости ее собирания, о книге А. Н. Минха говорил: «...в крае, далеком от центров, сохранилась свято народно-бытовая и народно-поэтическая старина»¹⁴.

В параллельном описании А. Н. Минхом проявлений в бытовой практике этносов элементов традиционной культуры заметна тенденция к выявлению нечасто встречающегося или отмеченного особенной древностью. С другой стороны, он отмечает обычаи, изжившие себя. Так, отказавшись от излишних подробностей в описании похоронного обряда, А. Н. Минх пишет: «приведу только несколько обычаев, которые встречаются реже в других местностях России» (с. 130). Действительно, редок идущий «со старины» обычай крестьян д. Алексеевки Аткарского уезда вывешивать на 6 недель белый платок на окно той избы, где был покойник, чтобы его летающая вокруг и плачущая о своих грехах душа могла им утереться (с. 130).

Как об ушедших или уходящих обычаях, совершаемых на сороковины, А. Н. Минх пишет о проводах души с плачем за воротами крестьянами д. Бедняковки Аткарского у. (было в 60-е годы) или обычае мордвы олицетворять душу умершего в живом человеке и провожать ее с молитвами о хозяйственном благополучии (с. 136).

Расположение материала — от одного народа к другому — делает чтение книги увлекательным. Познакомившись с рассказами о колдунах русских крестьян, читатель переходит к «чаровникам» и «чаровницам» малороссов, к оригинальным способам гаданий у тех и других, к особенностям рождественских обычаев у русских и мордвы, у малороссов и русских и т. п. Он увидит не только многовариантность таусиней, колядок у русских и украинцев, но и особенность этих древних песенок у последних: насыщенность их христианской образностью. Нельзя не заметить отчетливой направленности колядок мордвы на хозяйственное и семейное благополучие: «Коляда! Родился бы хлеб соломой с оглоблю, с дугу колосом, с колядковую лепешку зерном!.. Давай, баба, лепешки! Если не дашь, родишь сына — паршивый будет, по полкам бегать будет, с полки упадет в лукошко, а из лукошка на быка...» (с. 91—93). Пасхальный обычай малороссов освящать в церкви «всю провизию или уже непременно поросенка и свиное сало в добавление к куличу и сыру» А. Н. Минх считает привезенным с родины (с. 101). Действительно, у украинцев и белорусов «в число пасхальных блюд входил

¹⁴ Изв. Русск. геогр. о-ва. — Т. XXIII. — С. 402.

поросенок, который освящался в церкви»¹⁵. В то же время и русские, и малороссы с. Широкий Уступ Аткарского уезда на другой день «обходят с иконами и хоругвями, взятыми из церкви, кругом села для охраны его от всяких несчастий и пожара...» (с. 101).

Характерным для русского народа пасхальным обычаем А. Н. Минх считает «рели» (качели) и катание яиц на улице. По его мнению, немцы (Ягодная Поляна) усвоили его у русских (с. 102). На магический смысл раскачивания вверх и вниз в древности — стимулирование роста растительности¹⁶ — А. Н. Минх не указывает, видимо, качели стали простым развлечением.

Так, из описаний «поверий, обычаев и обрядовой жизни» (с. 1) читатель увидит, что «типы народностей», населяющих Саратовскую губернию, в самом деле «резко отличаются друг от друга и в редких случаях сливаются (за полным исключением немцев и татар) в общерусский характер» (с. 3).

Ни разу А. Н. Минх не обмолвился о враждебном отношении друг к другу живущих рядом национальностей. Было иное: на Новый год «русские крестьяне из соседних селений навещают своих знакомых немцев», на что колонисты отвечают тем же (с. 100).

Книге А. Н. Минха более ста лет. До нее (в 1848 г.) А. Терещенко напечатал, помимо русской, «Свадьбу переселенцев-малороссов, находящихся в Саратовской губ.»¹⁷. История и быт мордвы сел Оркино, Сухой Карабулак Саратовского уезда, отраженные в преданиях и поверьях, ее поэтические произведения нашли место в капитальном труде А. А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник» (СПб., 1910), дополненном большим очерком А. Н. Минха «Извлечение из историко-географического описания Озерской волости» (о мордв с. Оркино, с. 681—720).

В 1922 г. вышел «Саратовский этнографический сборник», включивший материалы о быте, обрядах, народном творчестве саратовской мордвы. Автором этого научного труда стал М. Т. Маркелов, ученик проф. Б. М. Соколова, мордвин. В предисловии «От редактора» Б. М. Соколов писал, что первый выпуск «кладет начало опубликованию... обширного материала по изучению быта и творчества разноплеменного населения Саратовского края», накопленного за последние три года¹⁸.

¹⁵ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. — М., 1979. — С. 111.

¹⁶ Там же, с. 118.

¹⁷ Быт русского народа. Сочинение А. Терещенко. В VII частях. Ч. II. — СПб., 1848. — С. 565—593.

¹⁸ Саратовский этнографический сборник. — П. I/Под ред. проф. Б. М. Соколова. — Саратов: Изд. морд. подотд. губотд. по делам нац. при Сарат. Губисполкоме. — Саратов, 1922.

Однако планам подобного рода монографических исследований не суждено было осуществиться. Изучения саратовских чувашей, мордвы, татар, украинцев, немцев вылились в статьи¹⁹, доклады. Вместе этнос Поволжья был представлен в Этнографическом музее Саратовского края, открытом в 1920 г. по инициативе того же Б. М. Соколова. Он стал «зеркалом прошлой и современной жизни всех национальностей края...»²⁰, русского, украинского, мордвы, чувашей, татар и немцев.

Сборники русского (частично мордовского) фольклора разных жанров по материалам экспедиций Б. М. Соколова, Саратовского музея краеведения, Саратовского университета, с научными статьями, комментариями издавались на протяжении 30—90-х годов.

Книга А. Н. Минха «Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии» остается поэтическим памятником традиционной крестьянской культуры народов Поволжья в ее национальной специфике и взаимовлияниях на протяжении XIX — начала XX вв. Она не потеряла своего научного значения и интереса для широкого читателя, желающего знать историю своего народа.

В. Архангельская

¹⁹ Печатались в Трудах Нижне-Волжского областного Общества краеведения.

²⁰ Саратовские известия. — 1921. — 14 мая.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этнографическое Отдѣленіе И. Р. Географическаго Общества поручило мнѣ наблюденіе за изданіемъ настоящаго очерка. Трудъ г. Минха привлекъ вниманіе Отдѣленія какъ опытъ цѣльнаго этнографическаго очерка края, до сихъ поръ весьма недостаточно изслѣдованнаго, — опытъ, который не беретъ на себя дать исполнѣ научныя объясненія предмета, но имѣетъ особенную цѣну какъ собраніе матеріала, сдѣланное мѣстнымъ старожиломъ, близкимъ къ народной средѣ.

Мы передали трудъ г. Минха вообще безъ измѣненій, сокративъ лишь нѣкоторыя цитаты по общимъ вопросамъ Этнографіи и исключивъ нѣсколько вариантовъ сообщенныхъ у автора апокрифическихъ рукописей: этнографическія сличенія, уже собранныя другими въ гораздо бѣльшемъ количествѣ, принадлежать спеціальнымъ общимъ изысканіямъ въ области народнаго міра и обычая; варианты «Сна Богородицы» или «Хожденія по мукамъ», произведеній не разъ изданныхъ, давали только варианты безграмотнаго искаженія текстовъ, не представляя интереса по существу. Апокрифы объ Адамѣ и ап. Павлѣ переданы авторомъ по извѣстнымъ текстамъ вѣроятно для общаго ознакомленія читателя съ характеромъ подобныхъ произведеній. Мы оставили также безъ измѣненій записи малорусскихъ пѣсенъ, — возможные неточности записи будутъ видны специалистамъ, между тѣмъ при исправленіи могли бы исчезнуть какія-либо отличія мѣстнаго говора.

Трудъ г. Минха конечно не исчерпываетъ предмета, но онъ именно важенъ какъ болѣе или менѣе цѣльный опытъ мѣстной этнографической любознательности, распространеніе которой послужило бы съ большою пользою для общихъ изслѣдованій въ этой области народовѣдѣнія. Когда печатаніе настоящаго очерка было уже въ ходу, авторъ доставлялъ въ Этнографическое Отдѣленіе дополненія, которыми уже неудобно было воспользоваться: когда новые матеріалы г. Минха соберутся въ бѣльшемъ количествѣ, Этнографическое Отдѣленіе по всей вѣроятности также воспользуется ими для своихъ изданій.

А. Пыпинъ.

Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губерніи.

(Собраны въ 1861—1888 годахъ)

Введеніе.

Изложенные здѣсь рассказы и очерки собраны лично мною и, подъ моимъ руководствомъ, лицами, на которыхъ я вполне могъ положиться*), а также княземъ Ф. С. Голицынымъ, почтеннымъ изслѣдователемъ Хвалынскаго края. Многое изъ нашего общаго труда вошло въ первые два тома «Саратовскаго Сборника» (изданнаго Саратовскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ), въ мѣстныя Губернскія Вѣдомости, частью же помѣщены въ «Древностяхъ», изданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Всѣ собранныя здѣсь данныя относятся къ 1861—88 годамъ. Помѣщая народные рассказы, я отмѣчаю, гдѣ и когда они слышаны.

Прежде чѣмъ описать повѣрья, обычаи и обрядовую жизнь Саратовскаго края, я набросаю короткій этнографическій очеркъ народностей, населяющихъ эту губернію. *Русскіе* составляютъ у

*) Сотрудниками моими за всѣ 28 лѣтъ собранія приводимыхъ данныхъ были: священникъ П. Оргійскій, писмоводитель А. Е. Дворниковъ, священникъ А. М. Розановъ, священникъ Ив. Н. Лебединскій, учитель И. А. Троицкій, учитель И. В. Зеленева, пасторъ Канъ, писмоводитель С. Е. Крашенинниковъ, учитель А. Л. Леонтьевъ, священникъ П. Е. Гераклитовъ, волостной писарь П. П. Лебедевъ, земскій докторъ Н. И. Кондратьевъ, учитель С. Т. Красинниковъ, А. Н. Бубнова, С. И. Синева, писмоводитель М. А. Волковъ, учитель П. А. Тугариновъ, волостной писарь Г. Г. Шнейдеръ и земскій докторъ М. И. Шмукверъ.

насть преобладающее большинство надъ другими племенами во всѣхъ уѣздахъ губерніи, кромѣ Камышинскаго, гдѣ число нѣмецкихъ колонистовъ, вмѣстѣ съ малороссіянами, составляютъ $\frac{3}{5}$ общаго населенія. Численность всѣхъ русскихъ въ губерніи составляетъ около $\frac{3}{4}$ всего населенія края; всѣ они—выходцы и переселенцы изъ внутреннихъ губерній государства. Вторую этнографическую группу составляютъ *Малороссы*, пришельцы изъ Украйны и переведенцы изъ Воронежской губерніи; они сѣли здѣсь послѣ 1717 года *), преимущественно вольными солевозцами, съ 1731 г., и паковецъ крѣпостными переведенцами помѣщиковъ: графа Воронцова и друг., уже въ концѣ прошлаго столѣтія; изъ документовъ Шацкого Архива 1761 г. (журналы Тамб. учен. архивн. комиссіи) видно, что они еще до 1760 года самовольно селились въ крѣпостныхъ дачахъ Нарышкина при рѣкахъ Хопрѣ, Медвѣдицѣ, Терсѣ, Елави и впадающихъ въ нихъ рѣчкахъ, распахивали земли, сѣяли хлѣбъ, косили сѣно, строили для скота хутора и заводили пчельники. Вообще малороссы населили южную половину губерніи, уѣзды: Саратовскій, Аткарскій, Балашовскій, Камышинскій и Царицынскій. *Нѣмцы* — выходцы изъ разныхъ государствъ Германіи, явились сюда съ 1765 года и составляютъ по численности третью группу населенія; они заняли въ Саратовской губерніи слѣдующіе уѣзды: Саратовскій, Аткарскій, Камышинскій и въ Царицынскомъ — колонію Сарента. Послѣ этихъ трехъ народностей четвертое мѣсто занимаетъ *Мордва*, населяющая сѣверную часть губерніи, уѣзды: Петровскій, Хвалынскій, Кузнецкій, Вольскій и частью Саратовскій. Ихъ два колѣна—*Эрзя* и *Мокша*, отличающіеся только нарѣчіемъ: «у морды — двѣ морды (два языка), а шкура одна», говоритъ русская поговорка въ Хвалынскомъ уѣздѣ. Остальные породцы составляютъ меньшинство общаго населенія. *Татары* живутъ въ уѣздахъ Вольскомъ, Хвалынскомъ, Куз-

*) Полагаютъ, что малороссіане появились въ южныхъ предѣлахъ Саратовской губерніи только въ началѣ XVIII столѣтія: въ 1717 году вторгнулись въ Саратовскій край кубанскіе татары и произвели въ немъ, и безъ того немногочисленному, сильное опустошеніе; Петръ Великій приказалъ тогда, для предупрежденія подобныхъ вторженій, устроить отъ Дмитріевска (нынѣшняго Камышина) къ Пловдѣ, или отъ Царицына къ Дону, сторожевую линію, поселивъ на ней исключительно малороссіанъ.

нецкомъ и Петровскомъ; *Чуваши* находятся въ уѣздахъ Кузнецкомъ, Петровскомъ, Хвалынскомъ и Вольскомъ; *Мещера*, одни изъ самыхъ старыхъ поселенцевъ этого края, сидѣвшіе здѣсь еще во второй половинѣ XVI-го вѣка, составляютъ самую незначительную группу населенія Саратовскаго края, почти совершенно сливающуюся русской народностью и утратившую племенные обряды и обычаи; бродячее племя *Цыганъ* (барышники и ковокрады) живутъ преимущественно осѣло въ городахъ Петровскѣ, Вольскѣ, Аткарскѣ и Царцынѣ. Сравнивая заселеніе Саратовскаго края, мы видимъ въ этнографическихъ группахъ (кромѣ Велаякороссовъ) осѣданіе народностей въ излюбленныхъ мѣстностяхъ, а именно: малороссы занимаютъ преимущественно степныя мѣста—югъ губерніи; почти тоже дѣлаютъ нѣмцы, которыхъ нѣтъ въ сѣверной половинѣ края, хотя послѣднее можно приписать правительственной мѣрѣ, опредѣлившей при Императрицѣ Екатеринѣ II *округъ для поселенія иностранныхъ*; мордва садится на сѣверѣ губерніи, въ бывшихъ тогда лѣсистыхъ мѣстахъ, и положительно не переходитъ въ южную часть края; наконецъ татары и чувашы тоже занимаютъ сѣверный лѣсистый край нынѣшней Саратовской губерніи.

Типы этихъ народностей рѣзко отличаются другъ отъ друга и въ рѣдкихъ случаяхъ сливаются (за полнымъ исключеніемъ нѣмцевъ и татаръ) въ обще-русскій характеръ.

Русскій мужикъ, какъ человѣкъ рабочій, неопрятенъ: грязное бѣлье и рваное платье, нечистота въ избѣ, — вотъ что встрѣтимъ шесть дней въ педѣлю въ каждой деревнѣ и почти у каждаго крестьянина. Въ праздникъ только смѣнить онъ чистую рубашу, порты и *онучи*, надѣнетъ новую сермягу или полушубокъ, обуется въ сапоги или новыя лапти; баба обмоетъ лавки и вычиститъ избу. Одежа русскаго человѣка — поскопная *), рѣдко холщевая (льняная) рубаша, поясъ изъ шерстяного шнурка, порты изъ синей полосатой *набойки* (крашеный холстъ), *онучи* (кусокъ холста или шерстяной доскутъ, которымъ обертываютъ ноги), лапти или сапоги, шапка или картузь; лѣтомъ—сермяга, зипунъ (халатъ, спускающійся до колѣнъ) изъ чернаго или сѣраго толстаго сукна русской шерсти;

*) *Поскопъ* добывается изъ волоконъ копыли; ее выбираютъ въ половинѣ іюля.

зимою—полушубокъ изъ бѣлыхъ или дубленыхъ овчинъ, и тулупъ. Въ праздникъ молодые парни надѣваютъ красныя кумачевыя или цвѣтныя ситцевыя рубахи, суконныя, напковые или верблюжьи (изъ верблюжьяго сукна) *чуйки* (халаты) на опашъ или новыя армяки, подпоясывая послѣднiе краснымъ шерстянымъ кушакомъ; зимою—дубленые полушубки, подпоясанные тоже цвѣтными кушаками. Головной уборъ въ праздникъ составляетъ: лѣтомъ суконный картузь и рѣдко войлочная (полярковая) шляпа съ короткими полями; зимою, у щеголей,—сѣрыя барашковыя шапки (крымки) съ суконнымъ дождемъ. Въ извозѣ, зимой, мужикъ надѣваетъ преимущественно *малахай*, овчинную дубленую шапку; въ непогоду малахай спускается и завязывается подъ бородою, закрывая затылокъ, шею и даже щеки; лѣтъ десять тому назадъ стали употреблять вмѣсто малахаевъ башлыки. У зажиточныхъ крестьянъ сапоги зимою замѣняются войлочными валенками; бѣдному служатъ тѣже лапти, но опучи—шерстяные. Въ холодъ и въ извозѣ мужикъ надѣваетъ *варежки*, вязанные изъ шерсти, а на нихъ *рукавицы* изъ дубленой овчины. Бабы и дѣвки надѣваютъ въ праздникъ сарафаны (*сукманы*) изъ шерстяной ткани, окрашенной синею краской, или же изъ ситцу,—послѣднiй обыкновенно яркихъ красныхъ цвѣтовъ,—при чемъ перетягиванiе груди по срединѣ сарафаномъ и передникомъ сильно портитъ ихъ, придавая имъ некрасивыя формы. Около десятка лѣтъ сарафанъ начинаетъ исчезать въ русскомъ народѣ и появляется безобразный покрой мѣщанскаго платья съ кофтой. Голова бабы повязана яркимъ платкомъ съ завязанными сзади, подъ косой концами; подъ платкомъ надѣтъ у бабы *новейникъ*: родъ шапочки съ жгутомъ приходящимся прямо надъ теменемъ; *кички* совершенно исчезли въ нашемъ краѣ. Дѣвки или ничего не надѣваютъ на голову, распуская одну косу, въ которую влетаютъ *косники*—шелковую ленту или полосу какой-либо другой ткани, чаще же накладываютъ на голову косынку или платокъ, завязывая концы подъ подбородкомъ; обувь составляютъ чулки, лапти, *коты* (съ толстой подошвой) и башмаки; на работѣ онѣ большею частью ходятъ босыя.

Входъ въ русскую крестьянскую избу обыкновенно со двора; у зажиточныхъ бываетъ и съ улицы, тогда устраивается крыльцо съ навѣсомъ. Изба состоитъ изъ двухъ частей: сѣней и собственно

избы (горницы); послѣдняя рубится отдѣльнымъ срубомъ изъ сосновыхъ полубрусинъ, преимущественно *тройника* (т. е. трехъ саженой длины) или круглыша чернотѣся; стѣни прилаживаются изъ круглыша или досокъ, всегда *холодные* (безъ печи), и у богатыхъ мужиковъ служатъ часто связью двухъ срубовъ (избъ); въ стѣняхъ устраивается иногда небольшая кладовая или чуланъ. Фундамента на бутѣ у избъ не дѣлается, а ставится она на *стульяхъ* — деревянныхъ толстыхъ столбикахъ или большихъ камняхъ; пространство между нижнимъ *вѣнцомъ* и землею набивается глиной или землей между двухъ плетней — дѣлается *завалина*; на зиму баба *уштываетъ* избу, т. е. обмазываетъ ее снаружи глиной, въ особенности пазы, и заваливаетъ *завалину* наземномъ или старой соломой, чтобы не дуло. Изба состоитъ изъ одной горницы, раздѣленной у зажиточныхъ крестьянъ легкой досчатой перегородкой на два отдѣленія. Въ заднемъ углу, у входа, становится русская печь, обращенная челомъ къ *свѣту* (окну); печь эта топится по *бѣлому* или *черному*: въ первомъ случаѣ она имѣетъ трубу, выходящую надъ крышей, въ послѣднемъ же трубы нѣтъ и дымъ, выходя изъ устья печи, наполняетъ избу и уходитъ въ отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ подъ потолкомъ и затыкаемое тряпкой, и въ растворенную дверь. Русская печь дѣлается большая, четырехугольная, немного ниже росту средняго человѣка, настолько помѣстительная, что на ней могутъ въ зимній холодъ расположиться свободно человѣка два, три, а внутри нѣсколько хлѣбовъ, а подъ часть и самъ хозяинъ, когда ему вздумается выпарится. *Устье* печи — полукруглое, просторное; передъ нимъ *предпечье* съ *шесткомъ*, послѣднее есть продолженіе дна печи передъ устьемъ въ предпечьи; на немъ становятся вынутые изъ печи горшки съ пищею; устье закрывается желѣзнымъ *заслономъ*. Печь не доходитъ до полу; съ боку — пустое пространство между печкой и стѣной, называемое *запечьемъ*, забирается деревомъ, туда кладутся ухваты, сковородники, кочерги и проч. При топкѣ употребляется желѣзная кочерга на деревянномъ древкѣ; для посадки хлѣбовъ — широкая деревянная лопата, а для установки горшковъ со щами, похлебкой и кашей — *ухваты*. У печи помѣщается *ушатъ* или лохань, на трехъ ножкахъ, и надъ нимъ виситъ на веревочкѣ умывальникъ или глиняный горшокъ и полотенце. Около печи, на половину

избы закрываютъ потолокъ *палати*: помостъ изъ досокъ, устроенный на перекладинахъ на аршинъ ниже потолка, куда забирается спать семья и гдѣ обыкновенно хранятся незатѣйливыя принадлежности крестьянской постели и носимая одежда. Около входной двери у стѣны помѣщается лавка или ларь, называемые *конникомъ*; отъ него тянется по двумъ другимъ стѣнамъ красная лавка, здѣсь въ *переднемъ углу* лицевой стороны избы помѣщается рѣзной кивотъ съ иконами, а часто простая трехъ-угольная полка, на которой помѣщается образъ; въ этомъ же углу *) становится столъ, накрытый въ праздникъ, при гостяхъ, а также за обѣдомъ и ужиномъ толстой скатертью или *столешникомъ*. Въ русскихъ избахъ грязно, напротивъ у малороссійянъ и пѣльцевъ всегда чисто и опрятно (такъ и у молоканъ), воздухъ въ ихъ жилищахъ не бываетъ такимъ спертымъ и прогорклымъ, какъ у русскихъ. Украшенія въ нашихъ русскихъ избахъ рѣдки; иногда попадаются прибитыя къ стѣнѣ лубочныя картины духовнаго содержанія: страшный судъ и дьяволъ въ видѣ огромнаго змѣя, раздѣленнаго красными и зелеными полосами съ надписью на каждой: злоба, пьянство, блудъ, и прочихъ грѣховъ; тутъ же лубочныя портреты великихъ полководцевъ съ расположенными около ногъ лошади войсками, которымъ «богомазъ» однимъ почеркомъ кисти далъ общій красный воротникъ, закрывая подбородки, плечи и грудь; тутъ же мыши кота хоронятъ, русскія пѣсни и сказки въ лицахъ, съ изложеніемъ безграмотнаго текста. Въ настоящее время старая лубочная живопись начинаетъ исчезать, замѣняясь болѣе отчетливой. Русская изба въ особенности грязна зимой, когда жилье наполняется овцами, телатами, иногда свиньями, которыя тутъ ночуютъ; сюда же вводятъ въ зимніе холода и коровъ для удою. Не приведи Богъ загнанному мятелю, непривычному путнику заночевать въ небогатой избенкѣ русскаго мужика: его задушитъ одна нестерпимая вонь живыхъ существъ—человѣка и скота, заѣдятъ клопы и блохи, засынятъ тараканы.

Въ каждомъ дворѣ живетъ одна. рѣдко нѣсколько семей. Послѣ освобожденія крестьянъ, съ 1861 г., семейные раздѣлы стали повсемѣстно часты, и потому теперь встрѣтить въ избѣ двѣ семьи,

*) Уголъ этотъ считается почетнымъ и важнаго гостя или почтеннаго старца всегда сажаютъ «подъ образа».

даже родныхъ сыновей, рѣдкость; въ крѣпостное время помѣщики запрещали раздѣлы, зная по опыту, что большая семья всегда споритъ и потому зажиточнѣе, такъ какъ дворъ состоитъ изъ большого числа *тягловъ*, т. е. работниковъ и работницъ (мужъ и жена составляли *тягло*). Каждый дворъ имѣетъ старшаго: *большака*, *главу* или *домохозяина*, который распоряжается всѣмъ въ домѣ и остальной семьей; ему всегда почетное мѣсто за столомъ, въ *переднемъ углу*, подѣ образами. Лѣто крестьянинъ цѣлый день въ полѣ: съ ранней весны идетъ посѣвъ ярового; въ короткое *междунарье* (время посѣвъ ярового сѣва и пашкою *паровъ* подѣ озимъ) крестьянинъ норовитъ «сходить въ извозъ»; тамъ настаётъ *мѣтка паровъ* и покосъ, за ними подошла уборка ржи, посѣвъ *озимаго поля*, а тамъ уборка ярового хлѣба, возка сноповъ и *ломка* (пашка) *жнивьевъ* подѣ яровое будущаго года. Въ ясную осень тянется молотьба и продолжается все *нервозимое*; зимою — извозъ; и такъ проходитъ изъ году въ годъ у нашего крестьянина. Старшій — дѣдъ или отецъ семейства — есть полный вѣстеликъ въ домѣ; за нимъ второе лицо — старшій сынъ, остальные ничто больше, какъ работники; женщина стоитъ на заднемъ планѣ, она не имѣетъ голоса, должна безирекословно слушаться старшаго и своего мужа; отношенія ея къ послѣднему какъ работницы къ хозяину; часто достается ей отъ него, но побои мужа не ставятся ему въ укоръ *) и за уриды сыплются они на несчастную за какой-либо проступокъ, а больше совершенно безвинно, подѣ пьяную руку. Жена не имѣетъ доли въ доходахъ своего *хозяина*; на обувь и наряды у нея свой доходъ: посѣвъ конопли и льна, отъ которыхъ достается ей *посконъ* и *льнище*, идущіе на холсты, зерно же поступаетъ хозяину; сверхъ того у нея нѣсколько овецъ, подарокъ отца или тестя, *сѣбина* (Аткарскій уѣздъ), доходъ съ которыхъ идетъ ей. Дѣти до 8-лѣтняго возраста ничего не дѣлаютъ; оставленные почти безъ всякаго призора, босякомъ, въ однихъ рубашонкахъ бѣгаютъ они и играютъ по улицамъ; но около 10 лѣтъ становятся въ лѣтнюю пору

*) Волостной судъ и сельскій сходъ преимущественно оправдываютъ мужа, исколотившаго свою жену. Со введеніемъ мировыхъ учреждений, крестьянамъ пришлось не по нутру наказанія за подобные проступки и они высказывались, что это «не ладный законъ — бабъ баловать», и что «мужъ вѣдь всегда полѣнъ въ своей женѣ и долженъ учить се, такъ и въ законѣ Божіемъ сказано».

подмогой отцу и матери: дѣвочки остаются няпками при малыхъ ребятахъ, а мальчишки идутъ въ *поднаски* (помощники пастуховъ), смотрятъ за стадами овецъ, телятъ и свиней, помогаютъ отцу въ полѣ, бороньбѣ и проч.; вотъ почему крестьяне не оставляютъ дѣтей на лѣто въ школѣ, дѣвочекъ же совершенно неохотно и рѣдко отдаютъ туда.

Малороссіяне тѣхъ селеній, въ которыхъ они живутъ отдѣльно отъ русскихъ, удержали свой говоръ, нравы, обычаи и въ нѣкоторой степени свою одежду; тамъ же, гдѣ они поселены съ русскими, они усвоили многое изъ ихъ одѣянія: даже будничная родная *плахта* (лоскутъ матеріи, узко обхватывающій бедра женщины и едва спускающійся ниже колѣнъ) стала замѣняться юбкой, но говоръ и типъ не поддаются еще обрусѣнію. Малороссы народъ красивый и между дѣвушками встрѣчаются хорошенькія съ бойкими черными и карими глазами. Нашъ народъ зоветъ ихъ *хохлами* и *хохлушками*. Разсматривая каждое селеніе, въ которомъ русскіе сидятъ съ малороссами, мы неизмѣнно видимъ, что эти двѣ народности не смѣшиваются и живутъ отдѣльными частями поселенія, часто раздѣленными рѣчкой или оврагомъ. Эти двѣ части села ведутъ всегда отдѣльные хозяйства, снимаютъ врозь участки земель, и смѣшанные браки вообще встрѣчаются очень рѣдко.

Отличительная черта малороссіянъ отъ русскихъ — опрятность и лучшая обстановка жилья: въ ихъ *хатахъ*, хотя иногда и нѣтъ совершенно деревяннаго пола, но онъ всегда чисто выметенъ, горница свѣтлѣе, такъ какъ у каждаго малоросса, даже въ небольшой хатѣ, три-четыре окна; у всѣхъ изъбъ есть дымовыя трубы и *черной* топки, какъ у русскихъ, нѣтъ. Каждый годъ, къ Троицыну дню, всѣ хаты безъ изыятія хохлушки обмазываютъ снаружи, часто и внутри, гливой, бѣлятъ и расписываютъ какой-нибудь яркой краской; солома на ихъ крышахъ подрѣзана всегда аккуратно. Въ пищѣ малороссіяне тоже отлвчаются отъ русскихъ: любимыя блюда хохла — свиное соленое сало, вареники, галушки и неизмѣнно пшеничный хлѣбъ; они заготавливаютъ на зиму изъ свекловницы, квася ее особымъ образомъ, *бураки*, изъ которыхъ варятъ *борщи*. Малороссіянки пекутъ *бублики* (крендели), которыми торгуютъ въ праздничные дни на базарахъ или около церквей. Хохолъ лаuteй не носитъ.

Мордва— большею частью средняго роста, съ выдающимися скулами, рѣдкой бородой, сѣрыми или голубыми глазами, иногда узкими и въ большинствѣ случаевъ больными; между женщинами и дѣвушками нерѣдко попадаются красивыя лица. Одежда мужчинъ состоитъ изъ холщевой бѣлой рубахи — *понѣра*, съ синей оторочкой по косому вороту и съ красной вышивкой по подолу, и набойчатыхъ холщевыхъ портовъ; на головѣ, не смотря на время года, носятъ они бѣлыя баранья шапки, часто съ прорваннымъ верхомъ; на ногахъ постоянно лапти и рѣдко сапоги, которые въ нынѣшнихъ семьяхъ хранятся какъ заветная вещь и надѣваются лишь по годовымъ праздникамъ или на свадьбѣ; зимой и лѣтомъ носятъ они полушубки, надѣвая зимою поверхъ ихъ тулупы или армяки изъ домашняго сукна. Одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой, узкой, холщевой рубахи — *понѣра*, въ родѣ мѣшка, вышитаго по всѣмъ швамъ, груди и подолу, красной шерстью; рубаха эта дѣлается съ открытой грудью и стягивается на груди большимъ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ съ пряжкой; сверхъ рубахи надѣваютъ *шушпанъ*, родъ узкаго халата, съ разрѣзаннымъ передомъ; *шушпанъ*, какъ и *понѣра*, имѣетъ короткіе по локоть, узкіе рукава и по всѣмъ швамъ, груди, плечамъ и подолу разшитъ красной шерстью п гарусомъ, съ блестками и мишурою. Кромѣ того, до 1850 годовъ (с. Оркино, Саратовскаго уѣзда) женщины носили *покай*, родъ шушпана, только сшитаго спереди и имѣвшаго совершенно видъ мѣшка; *покай* весь вышивался красными шерстями, блестками и нерѣдко золотомъ, такъ что бѣлыя холстовыя полосы оставались не болѣе какъ въ $\frac{1}{4}$ аршина ширины и весь *покай* блестѣлъ словно парчевый. Передъ закрывается краснымъ узкимъ передникомъ, иногда съ грудью, иногда и безъ груди; послѣднія и низъ передника вышиваются или обшиваются кружевами и прошивками; такіа перетягивается поясомъ, на который привѣшиваютъ для разныхъ мелкихъ вещей *лакомку*, и сверху краснымъ шерстянымъ кушакомъ. На голову бабы надѣваютъ что въ родѣ мѣшка, спереди твердо вышитаго разными шерстями, преимущественно красной, блестками и мишурою: это — *шымпанъ*, въ который они убираютъ голову совсѣмъ съ ушами, такъ что и волосъ нигдѣ не видно, кромѣ какъ на вискахъ, гдѣ они выпускаютъ пряди, которыя щеголихи завиваютъ въ кудри; сзади шымпанъ стяги-

вается завязкой и спускается на спину бѣлымъ холщевымъ или коленкоровымъ четырехъ-угольнымъ концомъ, длиною вершковъ въ шесть, и тяжело вышитымъ по краямъ; надъ ушами къ шлыгану привѣшиваются маленькія мѣдныя бляшки или пугови, по три на сторону. Женская обувь состоитъ большею частью изъ лаптей и рѣдко изъ тяжелыхъ, неуклюжей формы, бабшаковъ — *коты*. Мордовки щеголяютъ украшеніями: огромныя мѣдныя или оловянныя серьги; на пальцахъ — масса мѣдныхъ и оловянныхъ колецъ, въ особенности у дѣвушекъ; бусы, стеклярусы или нанизанныя на шнурокъ раковинки ридовъ въ 9 окружаютъ шею, спускаясь на грудь, причемъ на каждомъ изъ нихъ непременно крестъ или серебряная мелкая монета. Нарядъ дѣвушекъ и молодыхъ (*урьва*: первый годъ замужества) отличается отъ бабьего только тѣмъ, что они не носятъ *шлыгановъ*, а заплетаютъ волосы въ одну косу, вплетая въ нее узенькую ленточку съ кистью красныхъ шерстяныхъ нитокъ съ блестками на концѣ. Дѣвушки рѣдко покрываютъ головы платками (непременно красными); лѣто и зиму, несмотря на сильные холода, ходятъ они большею частью съ открытыми головами. Нѣкоторыя женщины нюхаютъ, а иныя курятъ изъ трубокъ махорку.

Улицы въ мордовскихъ селеніяхъ большею частью неправильны и узки; большинство избъ стоятъ на улицу бокомъ или задомъ, или же вовсе на дворѣ; крыты онѣ соломой; строятся обыкновенно изъ чернолѣсья, тонкихъ и корявыхъ бревешекъ; стѣны обмазываются глиной, въ нихъ прорубаютъ небольшія окна, большею частью разной величины. Въ рѣдкихъ избахъ есть досчатые полы; толка преимущественно по *черному*, даже въ тѣхъ, гдѣ есть трубы. Знаю, кромѣ людей, помѣщаются въ избѣ телята, ягнята, поросята, куры, и воздухъ мордовскаго жилья пропитанъ одуряющей вонью; къ тому же не достаетъ и дневного свѣта, такъ какъ маленькія окна промерзаютъ насквозь; всюду грязь, нечистота, по щелямъ тысячи таракановъ, вездѣ виситъ паутина; обитатели этихъ грязныхъ жилищъ часто страдаютъ кожными и глазными болѣзнями. Колыбель младенца, *лаусъ* (корзинка или загнутый изъ дубка ящикъ), набита соломой или трухой, покрытой ветошкою или старымъ шубиномъ; все это рѣдко просушивается и еще рѣже мѣняется.

Пѣмцы до снхъ поръ въ нашемъ краѣ составляютъ совершенно обособленный типъ; они не смѣшиваются браками ни съ одной народностью. Улицы въ ихъ селеніяхъ (*колонкисъ*, какъ называютъ русскіе)—прямые и пересекаются такими же поперечными, образуя кварталы; способъ постройки и расположеніе дворовъ колонисты усвоили отъ русскихъ крестьянъ, но внутреннее расположеніе жилищъ, обстановка и чистота рѣзко отличаются отъ крестьянскихъ: у нихъ нѣтъ ни русскихъ палатей и паръ, ни громадной печи; полы всегда выметены и при входѣ усыпаны свѣжимъ пескомъ. Пѣмцы большіе охотники до пестраго убранства комнатъ: столы, скамейки, сундуки, шкафы, часто ставни и двери, большею частью, пестрятъ яркими красками. Въ каждомъ домѣ стоитъ въ углу лучшей комнаты высокая двухспальная кровать съ пестрымъ пологомъ, массою подушекъ и ловко взбитымъ пуховикомъ вмѣсто одеяла; здѣсь помещается глава семейства съ своей супругой, остальные члены размѣщаются на почъ на полу, или въ другой комнатѣ на постели, но безъ полога. Одежда колонистовъ-мужчинъ состоитъ: лѣтняя — изъ картуза, бѣлой рубахи, темносиннихъ, коричневыхъ или черныхъ холщевыхъ панталонъ, черной или пестрой жилетки, съ стеклянными или металлическими пуговицами, изъ кафтана, длиннополаго сюртука или куртки темной матеріи; лаптей они не носятъ; бороду и усы брѣютъ. Жепцины носятъ лѣтомъ короткія темносинія холщевыя домашняго издѣлія, въ будни, и цвѣтныя по праздникамъ, юбки; передники, бѣлыя рубашки и кофты преимущественно темныхъ цвѣтовъ; на головѣ платокъ, а на ногахъ бѣлые, синіе или пестрые чулки — своей работы. Зимомъ вѣмцы ходятъ въ овчинныхъ тулупахъ, полушубкахъ и мѣховыхъ шапкахъ. Между дѣвушками встрѣчаются очень красивыя, но почти все молодые мужчины худощавы и узкогруды. Колонисты большею частью грубы и псевджливы, характеръ ихъ настойчивъ и упрямъ. Они составляютъ весьма живучую и плодovitую расу: у меня въ рукахъ документы по движенію населенія Ягодно-Полянскон волости, Саратовскаго уѣзда (опубликованные мною въ «Саратовскомъ Сборникѣ», т. II), изъ которыхъ видно, что въ двухъ нѣмецкихъ селеніяхъ этой волости: Ягодной-Полянѣ и Побочной, по 5-й ревизіи 1788 года числилось 400 душъ мужск. пола и 400 женскаго, итого 800 душъ обоого пола; къ

1 января 1879 г. въ этихъ двухъ колоніяхъ считалось 4153 души мужскаго пола и 4186 женскаго, всего 8339 душъ обоого пола нѣмцевъ; слѣдовательно населеніе увеличилось въ 90 лѣтъ болѣе чѣмъ въ 10 разъ, не включая выселившихся съ 1857 года изъ этихъ двухъ колоній въ Самарскую губернію 1.724 ревизскихъ душъ, что дало-бы значительную цифру прироста. Болѣе половины здѣшнихъ колонистовъ почти совершенно не говорятъ по-русски, что же касается до женщинъ, то едва ли найдутся двѣ или три въ каждомъ селеніи, умѣющихъ сказать нѣсколько русскихъ словъ. Колонисты на русскихъ не женятся, обрядовая жизнь не поддавалась до сихъ поръ обрусѣнію и сохранилась болѣе столѣтія совершенно своеобразною.

Изстари существуют въ нашемъ простомъ народѣ свои повѣрья и предрасудки; глубоко пустили они корни въ той средѣ, куда не заглядывало не только образованіе, но и грамотность, гдѣ дѣти жили, думали и смотрѣли, какъ ихъ прадѣды, гдѣ недавно еще слышалось: «къ чему грамота, мы и наши дѣды жили безъ нея, да безъ хлѣба не сидѣли; грамотные люди отцу, матери не почетники, они имъ говорятъ: мы въ лѣсу росли, пеньку молились». П дѣти вѣрили грубымъ рассказамъ о колдунахъ, вѣдмахъ, домовыхъ, лѣшихъ, проклятыхъ, русалкахъ и проч. «Дѣдушка мой самъ мнѣ говорилъ, — рассказываетъ въ с. Колѣбѣ, Аткарскаго уѣзда, пожилой крестьянинъ, — что былъ на свадьбѣ и видѣлъ *колдуна*: сидѣлъ онъ на почетномъ мѣстѣ и всѣ ему кланялись, угощали его на славу и ни въ чемъ не перечили, а то испортить; трѣ изъ нашего села *кличутъ* *) отъ него, да двое ходятъ на четверенькахъ. Жилъ онъ долго, нажилъ денегъ пропастъ, а какъ сталъ умирать, такъ *конскі ломали* **); въ полночь всталъ онъ изъ гроба и бѣгалъ за дѣлкомъ, который читалъ

*) Кличутъ *кличуши* или испорченные, чаще всего женщины. *Кликанье* есть истерическій прерывистый крикъ. *Кличуши* были очень часты въ крѣпостное время, когда большая часть лѣнивыхъ бабъ притворялись испорченными, чтобы не ходить на барщину; ихъ пронзительный, судорожный крикъ, лаяніе, нудактанье часто раздавались въ деревенскихъ церквяхъ во время Херувимской и передъ причастіемъ, производя на насъ, дѣтей, непріятное впечатлѣніе. Теперь съ уничтоженіемъ крѣпостного права *кличуши* стали очень рѣдки. Кличуши были и въ старину на Руси. Изъ дѣлъ бывшаго Волыскаго духовнаго правленія (Труды Сарат. ученой архивной Коммисіи, т. II, вып. 2. 1888) видно, что 13 мая 1773 г. послѣдовалъ указъ св. синода о воспрещеніи духовенству пѣть молебны и читать слово Божіе надъ *кличущими* и прочими пороченными людьми, о которыхъ «не иное должно имѣть разсужденіе, какъ о прямомъ притворствѣ, и обманѣ, и суетврѣи».

**) Есть повѣрье, что *колдунъ* не можетъ умереть безъ того, чтобы не сложили крышу надъ тѣмъ домомъ, гдѣ онъ копается. *Конькомъ* называется верхъ крыши.

псалтырь; а зарывали его, такъ въ могилу заколотили осиновою колъ, чтобы не могъ встать» *).

Въ Саратовской губерніи народъ вполне вѣритъ, что колдунъ можетъ *портить* людей, *наговаривъ* на воду, на хлѣбъ, *пустивъ по ветру* или *вынувъ слюду*. Порчу считают двойною — или на смерть, или съ возможнымъ выздоровленіемъ: въ послѣднемъ случаѣ надо обратиться къ испортившему или другому сильнѣйшему *знахарю*; плохой можетъ только раздражить сидящую въ больномъ нечистую силу.

Въ Полчаиновской волости, Саратовскаго уѣзда, много еще твердо вѣрятъ въ чародѣйскую силу *колдуновъ*. Изъ разсказовъ видно, что эта сила дѣйствуетъ только на другихъ, но сами себѣ они никогда и ни во что превратить не могутъ, т. е. не въ состояніи быть *оборотнями* (по повѣрьямъ другихъ мѣстностей края, колдунъ можетъ обратиться въ звѣря, въ птицу, рыбу и проч., что увидимъ ниже). Вѣрятъ вполне, что колдуны имѣютъ при себѣ какія-то записки или маленькія книжки, которыхъ никто не видитъ и не знаетъ, что въ нихъ написано; записки эти они всегда носятъ въ тайнѣ, подъ пяткой въ сапогѣ или лаптѣ; если колдунъ неграмотный, то можетъ также дѣйствовать какъ грамотный, такъ какъ достаточно того, что онъ носитъ при себѣ эти таинственные письмена. Причиняютъ эти лхиѣ люди вредъ обыкновенно тѣмъ, на кого злы. Онѣ «портятъ», *навышиваютъ килу* какъ скотинѣ, такъ и человѣку **), и *сажаютъ бѣса* черезъ наговоръ на какую-либо

*) *Забиваніе колы съ могилу* встрѣчается и у румынъ: они вѣрятъ, что рыжій челоѣкъ послѣ смерти можетъ являться собакой или лягушкой, а также обращаться въ клона или блоху и пить кровь молодыхъ дѣвушекъ; чтобы избѣжать этого, румыны крѣпко заколачиваютъ гробъ рыжаго покойника, а могилу прокалываютъ коломъ.

**) Крестьяне Полчаиновской волости (1885 г.) до сихъ поръ вполне убѣждены, что колдунъ можетъ *подвесить килу* (шишку, опухоль, грижу) какъ челоѣку, такъ и животному, глазомъ, по лѣтру или наговоромъ. Они называютъ пѣсколко такихъ злыхъ людей: въ дер. Федоровкѣ Игната Семенова Арсапохина (наказаннаго 10 ударами розогъ за угрозы, по рѣшенію волостнаго суда 17 мая 1885 г., № 40), въ дер. Кашиаровкѣ Ивана Тимофеева и другихъ, вполне убѣжденные въ указываемыхъ ими случаяхъ. Тотъ, у кого покажется кила или шишка, идетъ къ извѣстному *знахарю*, какъ напр. къ Степану Жукову и другимъ, которые *отвязываютъ килу*. Въ 1886 г. умеръ въ дер. Федоровкѣ крестьянинъ Федотъ Евстифѣевъ; между его братьями и вдовой покойнаго Афросинѣей затѣвается тяжба о раздѣлѣ имущества; черезъ пѣсколько времени одинъ изъ

вещь или же просто однимъ взглядомъ: въ наговоренной вещи засядетъ нечистый духъ, и колдунъ либо передаетъ ее самъ въ руки, или бросаетъ, куда ему вужно; въ послѣднемъ случаѣ, въ перваго подпявшаго входитъ нечистая сила и дня черезъ два или три онъ начинаетъ бѣситься. Вотъ почему крестьяне очень осторожны при находкахъ: нашедши на дорогѣ или въ полѣ какую-либо вещь, онъ творитъ молитву и сдуваетъ съ нея нечистую силу; тогда наговоръ исчезаетъ и вѣтъ опасности взять находку въ руки. Когда человѣкъ подвергнется *порчѣ* и въ немъ сидитъ нечистый духъ, то другіе, легковѣрные, приходятъ къ нему ворожить: кто о прощаніи, кто о своей будущности, а иной просто изъ любопытства, и если нечистый духъ захочетъ открыть тайну, то *сказываетъ*, но бываютъ случаи, что и *не сказываетъ*. Прежде чѣмъ идти ворожить, надо обязательно узнать имя и отчество нечистаго духа (имя это непременно мужескаго рода, будь испорчена баба или дѣвка) и тогда, подходя къ нему, надо назвать его именемъ, отчествомъ и сказать: «я-де пришелъ или пришла поворожить о томъ-то»; духъ начинаетъ биться, кричать и черезъ нѣсколько минутъ падаетъ со всего размаху на полъ; съ полъ-часа лежитъ совершенно бездыханный, неподвижный трупъ; въ это время, говорятъ, духъ вылетаетъ изъ человѣка и рыскаетъ по свѣту, отыскивая то, о чемъ просили. Наконецъ духъ возвращается и входитъ опять въ тѣло испорченнаго, члены начинаютъ шевелиться, руки и ноги размахиваются, глаза открываются большіе, бѣлые, горящіе огнемъ; одержимый бѣсомъ быстро вскакиваетъ и, садясь въ углу на скамьѣ, начинаетъ сказывать, что то-то найдется или нѣтъ, того-то нужно ожидать.

Говорятъ (Полчанниковская волость), что для открытія въ селѣ колдуновъ существуетъ слѣдующій способъ. Въ продолженіи всего Великаго поста, каждый понедѣльникъ надо рубить дрова и всякій разъ бросать по нѣсколько полѣнъ на подловку (чердакъ),

братьевъ, Давида Евстифеевъ, умираетъ отъ грыжи, потомъ начинаетъ болѣть скотина другого Евстифѣева Михаила (бывшаго волости старшиною), на шеяхъ коровъ показываются шишки, и вскорѣ заболѣваетъ грыжей и Михаилъ: явилось въ народѣ позное убѣжденіе, что это вдова Афросинья по злобѣ портитъ и навѣшиваетъ на нихъ кны. Миѣ едва удалось уговорить Михайлу обратиться не къ знахарю, а къ врачу, и теперь онъ поправился.

а въ заутреню на Пасху собрать всѣ эти колѣнья, затопить печь; узнавъ объ этомъ черезъ посредство нечистой силы, колдуньи непременно явятся просить чародѣйскаго огня, противиться ихъ требованію не слѣдуетъ. Есть еще повѣрье въ народѣ, какъ узнавать колдуновъ: надо на Вербное Воскресенье взять покрупнѣе восковую свѣчку и зажигать ее всю Страстную недѣлю на столнѣхъ и на Пасху у заутрени; затѣмъ надрѣзать кору на яблонѣхъ и заткнуть эту свѣчу за корой, внизъ фитилемъ, оставить такъ до слѣдующей Пасхи, на цѣлый годъ; тогда передъ заутреней ее вынимаютъ, такъ чтобы никто этого не видалъ, идутъ съ ней къ заутрени и зажигаютъ ее, послѣ чего она становится чудодѣйствующей: стоитъ лишь повернуть эту свѣчу фитилемъ къ низу, то колдуны, находящіеся въ церкви, станутъ къ верху ногами.

Къ концу зимы 1881 года явилась въ село Песчанку (Саратовскаго уѣзда) какая-то *знахарка* изъ г. Петровска; къ ней, за недостаткомъ медицинской помощи въ нашемъ околоткѣ, обращались многіе изъ крестьянъ. Эксплуатируя народъ, знахарка эта объявляла, что по тайной наукѣ ей извѣстно, что въ Песчанкѣ много *колдуновъ* и *вѣдьмъ*, предлагая за 10 рублей выгнать ихъ всѣхъ. Отвѣтъ сельчанъ былъ очень практичный: «мы дадимъ 10 рублей, да ихъ души лягутъ повинностью на міру; такъ пусть лучше останутся».

Мнѣ довелось (въ 1887 году) говорить съ молодыми парнями 20—25 лѣтъ, изъ с. Полчаниновки и дер. Федоровки (Саратовскаго уѣзда): они вполне вѣрятъ въ колдуновъ, въ ихъ порчу и навѣшиваніе килъ. «Завелись и у насъ въ Полчаниновкѣ колдуны Христофоръ Романовъ и Филать Семеновъ; послѣдній, когда въ свадебномъ поѣздѣ лошади не трогались съ мѣста и становились на дыбы, подошелъ къ нимъ и крикнулъ: «ей вы,—я самъ тутъ!» и поѣздъ тронулся во всю прыть; на другой свадьбѣ заставлялъ Филать гостей обнимать и цѣловать *сохи* (столбы, поддерживающіе навѣсы на дворахъ). На сходѣ хотѣли его побить за колдовство,—такъ носъ закрывается; извѣстно, что ежели колдуну разбить носъ до крови, обтереть эту кровь тряпкой и сжечь ее, то колдунъ не будетъ ужъ въ силахъ колдовать».

Многихъ изъ атамановъ разбойниковъ народъ считалъ колдунами. Я не буду приводить слишкомъ извѣстныя легенды о Степѣхъ

Разинѣ, но передамъ разсказъ села Белгазы-Маматовки (Аткарскаго уѣзда): «Въ рѣкѣ Белгазѣ подѣ селомъ, между Жадовымъ и Страховымъ оврагами, никогда не кричали лягушки, хотя ихъ здѣсь и много, между тѣмъ какъ крикъ ихъ раздается по остальной части рѣчки». Народъ объясняетъ это явленіе слѣдующимъ обстоятельствомъ: «Лѣтъ сто тому назадъ, когда въ окрестностяхъ Маматовки водились разбойники, одна изъ шаякъ получила извѣстіе, что ночью пріѣдетъ въ Белгазу проѣзжіи богатый купецъ съ товарами; разбойники расположились караулить его немного выше села въ Жадовомъ оврагѣ (другіе же говорятъ въ Страховомъ), черезъ который пролежала дорога. Ночь была темная, лягушки страшно кричали въ рѣкѣ и озерахъ; разбойники просидѣли въ оврагѣ до свѣта и не слышали никакого движенія по дорогѣ. Понутру же узнали они, что купецъ проѣхалъ Белгазу передъ разсвѣтомъ и догадались, что виною ихъ неудачи былъ громкій крикъ лягушекъ. Атаманъ былъ колдунъ и въ досадѣ наложилъ на лягушекъ *заклятіе*, чтобы онѣ сто лѣтъ не кричали; могучее слово атамана копылось недавно: года четыре (разсказъ 1868 года) какъ лягушки стали кричать снова». Последнее подтверждали мнѣ священники Михаилъ Павловичъ и Андрей Михайловичъ Розановы; они говорили, что дѣйствительно лягушки стали кричать въ Белгазѣ не болѣе четырехъ лѣтъ, прежде же Михаилъ Павловичъ, жившій здѣсь съ 1826 года, ни разу не слышалъ ихъ крику.

Въ селѣ Голицинѣ, Аткарскаго уѣзда, въ 1807—1812 годахъ разбойничалъ нѣкто Голяевъ; преданіе считаетъ его колдуномъ, который *заговаривалъ* ружья, сабли, и былъ способенъ *оборачиваться* въ разныхъ животныхъ, причемъ перѣдко изъ-подъ носа своихъ преслѣдователей улеталъ въ видѣ птицы — яснаго сокола. Въ народѣ часто встрѣчаемъ преданія о колдовствахъ разбойниковъ: «Плывутъ они, бывало (разсказываютъ въ г. Хвалынскѣ), по Волгѣ на кошмѣ (войлокѣ), а сами въ карты играютъ». На Чагрѣ (въ 25 верстахъ выше г. Хвалынска) былъ въ старину разбойникъ Водкинъ, умѣвшій заговаривать пули; поймали его въ дер. Оедоровкѣ и связали ему руки; онъ попросился къ Волгѣ папиться и, подойдя къ водѣ, нырнулъ въ рѣку, очутился на противоположномъ берегу, поблагодарилъ караульных, что напоили, и скрылся. Въ Вольскомъ уѣздѣ представляютъ легендарной личностью раз-

бойника Андриюшку Голощава, приписывая ему сверхъестественныя свойства. Село Лохъ, Саратовскаго уѣзда, полно баснословными преданіями о знаменитомъ атаманѣ разбойниковъ—*Кудеярѣ*, перескакивавшемъ на богатырскомъ конѣ своемъ Соколѣ съ Маруповой на Кудеярову гору, заколдовывавшемъ оружіе и творившемъ множество другихъ чудесъ. Лоховчане и окольные жители вѣрятъ, что Кудеяръ, уже древній старецъ, еще живетъ до сихъ поръ въ невидимой землянкѣ своей горы около с. Лоха. Народъ увѣренъ, что многіе острожники умѣютъ заговаривать кандалы, которые при этомъ соскакиваютъ у нихъ съ рукъ и ногъ. Въ такомъ убѣжденіи были жители с. Колѣна (Аткарскаго уѣзда) и окрестностей, въ 1860 годахъ, о дезертирѣ Петрушкѣ (Петръ Александровъ Тенловъ), извѣстномъ грабителѣ того времени; его считали колдуномъ и утверждали, что при преслѣдованіи онъ исчезалъ мгновенно изъ глазъ. Въ прошломъ столѣтіи (дѣло Шацкаго архива 1770 г.) вѣрили, что ежели колодникъ достанетъ мертвую человѣческую руку, то можетъ навести ею сонъ на караульныхъ. Въ народныхъ разсказахъ о волжскихъ разбойникахъ перѣдко встрѣчается, что пойманные и засажены въ крѣпкія стѣны остроговъ, они спасались колдовствомъ: «начертать на полу тюрмы мѣломъ или углемъ лодку и весла, сядутъ въ нее и вынесутся на широкую раздольную Волгу».

Малороссы называютъ колдуновъ *чаровники* и *чаровницы*. Въ с. Сокурѣ (Саратовск. уѣзда) малороссіянка Прасковья Кухарева, старуха 90 лѣтъ, говоритъ, что слышала отъ своихъ родныхъ старожилъ, что въ Сокурѣ въ прежнее время было много колдуновъ, которые посредствомъ сближенія съ злыми духами околдовывали женщинъ, дѣвушекъ и мужчинъ, причемъ разсказываетъ слѣдующій случай. Малороссъ с. Сокура, крестьянскій парень Петръ Кутейниковъ, крѣпко полюбилъ красавицу малороссіянку Улиту Кухареву и желалъ взять ее за себя; Улита же Петра не любила и на вечерницахъ смотрѣла на него съ отвращеніемъ и относилась къ нему съ пренебреженіемъ, отдавая преимущество передъ всѣми другими парнями, полюбившемуся ей, Егору Передеріеву. Замѣтивъ это Кутейниковъ задумалъ отомстить Кухаревой самымъ жестокимъ образомъ, почему и обратился къ чаровнику, крестьянину Игнатію Иванову Скиданову, повѣдавъ ему тайну своего сердца и

давъ приличное вознагражденіе. Скидановъ приказалъ ему вырѣзать изъ косы Улиты нѣсколько волосъ и привнести ему. Кутейникову скоро представился случай выполнить это приказаніе: Кухарева была повѣнчана и оставалось лишь совершить обрядъ *покрыванія* (см. ниже: Малороссійская свадьба), на который и пришелъ Кутейниковъ съ злымъ умысломъ похитить волосы Улиты. Ему удалось отрѣзать клочекъ волосъ изъ ея косы и убѣжать сей-часъ же къ чаровнику Скиданову, которому онъ и передалъ ихъ, прося какъ можно безчеловѣчнѣе отомстить красавицѣ за отвергнутую любовь его. Скидановъ взялъ эти волосы и замазалъ ихъ въ чело печи, сказавъ Петру, чтобы шелъ домой и былъ спокоенъ, такъ какъ все исполнится по его желанію. Въ тотъ же вечеръ, какъ только волосы Кухаревой были замазаны въ чело печи, несчастная дѣвушка начала грустить и тосковать, такъ что свѣтъ Божій сталъ ей не милъ. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, изнывшая отъ неопредѣленной тоски Улита умерла, оставивъ вдовцомъ любимаго и любившаго ее мужа. Когда покойницу *взрѣзали* (вскрыли), то сердце ея оказалось все исколото, какъ бы иглами. Было это лѣтъ 50 тому назадъ. (Разсказъ 1886 года).

За колдуномъ слѣдуетъ *знахарь*, почти тоже что колдунъ: его почитаютъ на свадьбахъ и вообще народъ имѣетъ къ нему большое уваженіе. *Знахарь* и *знахарка* (мѣстамъ называется *бабушки*) лѣчатъ отъ разныхъ болѣзней, снимаютъ порчу и угадываютъ, кѣмъ что украдено и гдѣ положено. Эти знахарки (бабушки или лѣкарки) приносятъ много зла своимъ леченіемъ: такъ во многихъ деревняхъ Саратовской губерніи (напр. село Галахово, Аткарь, уѣзда), до развитія медицинскихъ средствъ земства въ 1870-хъ годахъ, гнѣзился сифилисъ, который народъ называетъ *французской* или *дурной* болѣзью, проявлявшійся часто въ застарѣлыхъ вторичныхъ и третичныхъ формахъ; единственное средство употреблявшееся знахарками противъ этой болѣзни, отчасти и теперь не выведенное въ народъ, было обычное деревенское леченіе *окуркомъ*: это страшное зло, превосходящее часто своими дурными послѣдствіями самую болѣзнь, съ трудомъ искореняется въ народѣ, который вѣрится въ этотъ способъ леченія. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: когда *дурная* болѣзнь (часто просто простуда) вступить въ горло или проявится въ другихъ застарѣлыхъ формахъ, то

больной идетъ къ знахаркѣ, которая *сажаетъ его на окуръ*, хотя бы это былъ ребенокъ, для чего она беретъ киповаръ, толчетъ ее и сыплетъ въ жаровню или горшокъ съ горячими углями; больной садится надъ этимъ куревомъ и его покрываютъ шубами, онъ вдыхаетъ этотъ дымъ и до тѣхъ поръ сидитъ на *окурѣ*, пока съ нимъ не сдѣлается дурно и десны до того ослабѣваютъ, что зубы шатаются. Окуръ дѣлается одинъ разъ, потомъ больного кладутъ въ постель и накрываютъ шубами. Если больной послѣ окура выйдетъ на холодъ или выпьетъ холоднаго, то бывають случаи смерти. При этой болѣзни и многихъ другихъ въ особенности глазной, лекарки часто прикладываютъ сумему, что встрѣчается какъ у русскихъ такъ и мордвы Саратовской губерніи.

Проклятый (повѣрье села Колѣна Атварскаго уѣзда) — тотъ, кого прокляла мать за непочтеніе къ ней. Живутъ они въ водѣ или лѣсу, ночью выходятъ на дорогу и предлагаютъ прохожему проѣхать на ихъ лошадяхъ, но тотъ, кто къ нимъ сидеть, остается у нихъ навсегда.

Лѣтъ 200 или 300 тому назадъ, — рассказываютъ дѣды своимъ вручатамъ (с. Колѣно), — жили въ Кіевѣ лѣшіе, разошлись они по землѣ. *Лѣшій* — тотъ же проклятый человекъ; живутъ они въ болѣшихъ лѣсахъ и болотахъ, постоянно кохочутъ; кто ихъ понадесть, того защекочутъ до смерти *). *Проклятые, опившіеся, утопленники, колдуны* и прочіе по смерти выходятъ изъ могилъ и бродятъ по свѣту; ихъ, говорятъ, земля не принимаетъ: «тѣло ихъ все тлѣетъ, а тѣнь бродитъ по свѣту; и дивныя дѣла творятъ ихъ тѣни».

Малороссы тоже вѣрятъ въ лѣшнихъ, проклятыхъ и русалокъ. *Лѣшіе*, по словамъ старожиловъ малороссовъ с. Сокура (Саратовскаго уѣзда; 1886 г.), живутъ въ лѣсахъ при рѣчкахъ: «это люди, проклятые своимъ матерями еще въ ихъ чревѣ и пропавшіе послѣ рожденія не крещеными». Нѣкоторые изъ старожиловъ видѣли въ лѣсахъ лѣшнихъ. Приведу два рассказа о подобныхъ встрѣчахъ:

*) Чудь называютъ лѣшаго: метцъ-хиннъ; живетъ онъ въ лѣсахъ, а въ водѣ ведъ-хиннъ (водной). Тѣ же представленія о лѣшемъ какъ у русскихъ, существуютъ и у блороссовъ.

«Въ лѣсу была пригородъ; пастухи варили поздно вечеромъ кашу и пошли загнать быковъ; возвращаясь, видятъ, что какой-то человекъ хлебасть кашницу; они спросили его, кто онъ, и тотъ отвѣчаетъ имъ, что его отецъ и мать проклинали по лѣсамъ ходить; затѣмъ онъ исчезъ. Пастухи не рѣшились ѣсть кашницу послѣ лѣшаго и отдали ее воламъ». Лѣшаго видѣлъ также крестьянинъ малороссъ с. Сокура, Ефимъ Осиповъ Шевченко: «Насъ онъ ночью воловъ на лѣсной полянѣ; по случаю холода развелъ костеръ и сѣлъ возлѣ него погрѣться; вдругъ слышитъ въ дали отчетливый кохотъ, который постепенно приближался; смѣхъ прерывался иногда глухими стопами — уффы! и затѣмъ вовсе замолкалъ. Шевченко струхнулъ не на шутку, такъ что волосы поднялись у него дыбомъ, и онъ хотѣлъ уйти, но лишь поднялся съ мѣста, какъ увидалъ не въ далеку идущаго къ нему человека, совершенно голаго и обросшаго длинными волосами, который, не доходя до него сажень трехъ, сказалъ: «Дай мнѣ кусокъ хлѣба, я сильно голодею; но брось его лѣвой рукой на отмань». Шевченко исполнилъ просьбу лѣшаго, тотъ схватилъ хлѣбъ, сѣлъ его, затѣмъ захохоталъ, свиснулъ, уфнулъ и исчезъ изъ виду».

По разсказамъ старожиловъ-хохловъ, лѣтъ 150 тому назадъ въ с. Сокурѣ было громадное и глубокое озеро, вокругъ котораго росъ лѣсъ сокорникъ (осокорь); въ этомъ озерѣ водились *русалки*. Въ глубокую полночь, при лунномъ сіяніи, всплывали на поверхность озера красивыя нагія дѣвы съ распущенными длинными волосами и съ кохотомъ плескались водою; но преимущественно показывались они на *Русальское воскресенье*, которое бываетъ въ четвергъ послѣ Троицына и Духова дней, и очень чтится всѣми малороссіянеками, называющими его не иначе какъ *Великъ-день*, въ который они не берутся ни за какую работу. Въ этотъ *русальскій день* дѣвки не ходили купаться, потому что русалка на смерть защекочетъ въ водѣ, причемъ несчастная жертва умираетъ съ кохотомъ. Старуха Прасковья Максимова Кухарева разсказываетъ, приводитъ свидѣтелями многихъ старожиловъ, случай, бывшій въ Сокурѣ съ малороссіявкой Аксиньей Черпиченко, которая на русальское воскресенье рано утромъ полоскала бѣлье и была втащена русалками въ воду, гдѣ они и защекотали ее до смерти. Малороссы вѣрятъ, что противъ русалокъ есть средство, для чего

дѣвки рвали въ четвергъ *полюнь* и вилетали ее въ косы: русалка не станеть щекотать ту, у которой волюнь *).

Простой народъ убѣжденъ, что въ каждомъ домѣ живетъ невидимая сила — *домовой*; онъ больше хозяина и потому въ народѣ его часто называютъ *хозяиномъ* (Колѣвская волость). Домовой припередливъ: не влюбилъ онъ скотини — сбывай ее поскорѣе. Случилось вотъ что (с. Колѣно): купить мужикъ, наиримѣрь, сѣрую лошадь, пройдетъ нѣсколько дней, лошадь начинаетъ худѣть, ѣсть мало, вмѣсто корма лежитъ въ колодѣ навозъ; значитъ, домовый не любитъ лошадь (масть не въ руку), хозяинъ долженъ ее продать и купить такую, которая бы нравилась домовому. Если онъ полюбитъ лошадь, то у нея на другой же день *заплетена грива* **) и по вечерамъ, безъ помощи хозяина, домовый посѣтъ сѣ гумна вязанки сѣна. Домовой предвѣщаетъ добро и худо посредствомъ разныхъ звуковъ, слышныхъ изъ фундамента или изъ печки, гдѣ онъ обыкновенно живетъ; часто *душитъ* онъ ночью ***); покажется утромъ спящея пятаю на тѣлѣ, никто не разувѣрять мужика или бабу, что ихъ *не щипалъ домовый* (Аткарскій уѣздъ). Стоять вмѣстѣ только смѣлость, какъ вѣрять народъ, ощупать домового, когда онъ *душитъ* ночью, и спросить: «къ худу или добру», то можно узнать, что онъ предвѣщаетъ: сжали домовый — мхнатый, тѣпый и скажетъ: «къ добру» то хозяинъ смѣло можетъ ожидать благополучія, въ противномъ случаѣ несчастья. По понятіямъ крестьянъ с. Полчашиновки (Саратовскаго уѣзда) домовый занимаетъ видное мѣсто въ народной демонологіи: это — печистый

*) Въ бродячихъ мертвецовъ и проклятыхъ вѣрятъ Греки, называя ихъ *вриколаки*, Албанцы — *вурвулаки*, Сербы — *вуркодлаки*: это отлученные отъ церкви, колдуны и проклятые родителями. Греки вѣрятъ, что особенно вредные изъ нихъ сосутъ человеческую кровь и питаются печенью. Вѣрованіе въ русалокъ мы встрѣчаемъ у болгаръ и у сербовъ (или, самовилы). Въ Литвѣ сильно распространена вѣра въ русалокъ. У новгородцевъ *русальская недѣля* идетъ тогда за Троицынымъ днемъ. У бѣлоруссовъ праздникъ русалокъ начинается на другой день послѣ Троицы; тамъ вѣрятъ, что русалки живутъ въ рѣкахъ и озерахъ и появляются также въ рощахъ, гдѣ качаются на вѣткахъ деревьяхъ.

**) У лошадей часто сбивается грива; народъ и многіе кучера дотога вѣрятъ, что это ночная работа домового, что ни за что не распутаютъ ее, чтобы не обидѣть домового и не навлиять бѣды на лошадь.

***) Коммартъ — народъ принимается за проказы домового и тотъ, съ кѣмъ подобный случился, говоритъ, что его ночью *душилъ* домовый.

духъ и крестьянинъ убѣжденъ, что вѣтъ жилого дома, гдѣ бы не существовалъ домовой; живетъ онъ больше въ избѣ подъ печкой, на чердакѣ и въ конюшнѣ подъ колодой; отъ него все добро и зло хозяину и домашнему скоту. Когда крестьянинъ переходитъ изъ старой избы въ новую, то непременно долженъ звать съ собою домового, говоря: «домъ домовый, пойдемъ жить со мной». Нѣкоторые изъ полчанинцевъ (разказы 1880 года) увѣрили, что видѣли домового: «Было это въ старой избѣ; довелось выйти въ сѣни, вдругъ на перекладинѣ вижу—лежитъ фигура, похожая на человѣка, черная какъ уголь, длинная сажени въ три, почти въ длину всего переклада; только увидала меня, какъ тотъ часъ скрылась неизвестно куда». Есть повѣрье у мѣщанъ г. Саратова, что можно видѣть домового; для этого нужно между заутреней и обѣдней на Пасху влѣзть на подловку (чердакъ): онъ сидитъ около трубы—старый, сѣдой, стриженный, съ свинной щетиной на головѣ; но кто его увидитъ, долго не проживетъ. — Въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ на заговѣнье (наканунѣ поста) домохозяинъ или жена его относятъ на чердакъ кусокъ мяса или чашку молока *заговѣться хозяину* (домовому); на утро, какъ увѣряетъ народъ, тамъ ничего не останется *).

«Летаетъ *огненный змѣй* по свѣту, разсыпается онъ въ полночь на крышѣ дома, гдѣ покойникъ, и является плачущимъ — мужу умершей и женѣ умершаго; обращается въ оплакиваемаго, поздоровадается и начнетъ говорить, только шепотомъ, и не велитъ никому сказывать; привноситъ съ собой лакомства и деньги; по утру лакомства обращаются въ камни, а деньги въ черенки». Приведу разказъ, которому вѣрятъ простонародье с. Колѣна

*) Тоже вѣра въ домового встрѣчается у черногорцевъ: ежели трудно дышать во снѣ, то они говорятъ, что давитъ *мора* (кикимора) — нашъ домовый. Шведы и норвежцы тоже вѣрятъ въ существованіе домового, по ихъ воображенію маленькаго, трудолюбиваго старичка; въ ночь подъ Рождество въ каждомъ домѣ оставляютъ ему: рождественскую кашу, табакъ и одежду. — Чудь вѣрятъ въ домового — *кудинъ ижандъ*, котораго при переходѣ въ новую избу просятъ съ поклонами, обращенными къ печкѣ (за которой онъ живетъ), перейти жить съ ними въ новое мѣстѣ. По понятіямъ Чудь, онъ ночью садится на грудь и давитъ спящаго. — Корела называетъ домового *куттинъ-кетно*; они вѣрятъ тоже, что онъ душитъ ночью спящаго человѣка и что плохо лошади, которую онъ не взлюбитъ.

(1865 г.): «Мертвецы ходятъ къ тѣмъ, кто о нихъ тоскуетъ; у одной женщины отдала въ солдаты мужа, котораго она очень любила; стала она плакать и тосковать; только какъ-то ночью является онъ къ ней; та обрадовалась, угощаетъ его водкой и закуской, спрашиваетъ, какъ и откуда онъ пришелъ; тотъ отвѣчаетъ, что бѣжалъ изъ службы и не велѣлъ никому сказывать, что приходилъ къ ней. Къ утру мужъ ушелъ и солдатка къ удивленію увидала, что все, чѣмъ она его угощала, осталось цѣло, между тѣмъ сама видѣла, какъ онъ ѣлъ и пилъ. Посѣщенія эти продолжались недѣлю; наконецъ она стала сомнѣваться въ мужѣ и высказалась одной набожной старушкѣ; та дала ей святыхъ мощей и велѣла окропить домъ святой водой. Приходитъ ночь, начинаютъ стучаться въ двери и окна, говоря: «нусти, это я пришелъ». Солдатка отвѣчаетъ: «войди». За дверью все стучится, но никто не входитъ, слышится раздраженный голосъ: «Зачѣмъ ты сказала старой чертовѣ, что я хожу къ тебѣ; погоди, я съ вами сдѣлаюсь!» Тутъ стали представляться ей всевозможные ужасы: то домъ трещить, какъ будто разрушается, то *огненный клубъ* пописнетъ подъ окномъ; и это продолжалось до пѣтуховъ, сряду три ночи, наконецъ прекратилось.—Послѣ узнали, что мужъ этой женщины умеръ вскорѣ по поступленіи въ службу и во время ночныхъ посѣщеній былъ уже мертвецомъ».

Много разсказовъ есть въ Саратовской губерніи объ *оборотникахъ* и *вѣдьмахъ*: это — мужчины или женщины, которые знаютъ чернокнижіе и съ помощью злыхъ духовъ могутъ обращаться въ разныхъ животныхъ. Эти люди, какъ вѣритъ народъ (Колѣнская волость), въ полночь курьются три раза черезъ огонь на печномъ *шесткѣ*, съ 12 ножами и вилами между пальцами, послѣ чего вылетаютъ въ трубу сорокой и по своему желанію дѣлаются птицей или другимъ животнымъ, ходятъ въ этомъ видѣ по селу, кусаютъ народъ или вовсе заѣдаютъ людей. «Случилось разъ, что *вѣдьма* обратилась въ свинью и напала на парня, который былъ очень силенъ; онъ отрѣзалъ ей ухо и ногу, принесъ домой и положилъ на окно, не сказавъ объ этомъ никому; по утру домашніе увидали на окнѣ челоуѣческое ухо и кисть руки; начались разспросы. Младшій сынъ разсказалъ, какъ было дѣло: «Иду я вечеромъ поздно съ вечеринки, одинъ безъ товарищей, не дождавшись конца; на встрѣчу

бѣжить свинья, прямо на меня, да подѣ ноги; я испугался, сотворилъ молитву и читаю Богородицу, а свиньи мнѣ все подѣ ноги катятся; я перекрестился, спялъ съ пояса ножикъ, ухватилъ свинью за ухо и отрѣзалъ его; она все на меня бросается, хочеть ѣсти; попалась мнѣ палка, я пу ее колотить по погамъ, да съ досады отрѣзалъ ей ногу; побѣжала отъ меня свинья, кониляя, съ визгомъ па гумно къ Матренѣ, вдовой старухѣ, чтѣ живетъ на задахъ; принесъ я ухо и ногу домой, да положилъ па окно,—билъ я свинью, а не человека». Старикъ догадался: «знаю, говоритъ, это оборотень, чтѣ ходитъ по деревнѣ и заѣлъ-было въ прошломъ году нашу свяху», и объявилъ сейчасъ же міру. Сдѣлали обыскъ и нашли старуху Матрену на печи всю обвязанную и больную; ее освидѣтельствовали: у ней не оказалось уха и па правой рукѣ кисть отрѣзана». Это происшествіе рассказывалъ въ с. Колѣнѣ старикъ 75 лѣтъ, вполне вѣрившій въ достоверность этой басни.

Въ с. Полчанниковѣ, Саратовскаго уѣзда, одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ рассказывалъ (въ 1880 году) слѣдующій случай: «Довелось мнѣ въ молодости быть съ товарищемъ на берегу пруда по Сокуркѣ, котораго теперь и слѣдовъ нѣтъ; было уже поздно и мы хотѣли сходить домой, такъ какъ лошади, которыхъ мы стерегли, спокойно паслись на лугу; пройдя немного, слышимъ мы вдругъ, не вдалекѣ отъ насъ, какое-то жалобное завываніе, точно крикъ какого-то большого животнаго; мы прислушивались съ полчаса, намъ стало страшно, въ особенности товарищу, который былъ моложе меня; я рѣшился узнать, что это такое, и пошелъ туда, гдѣ слышался этотъ крикъ, который раздавался все громче, по мѣрѣ того, какъ я подходилъ; сдѣлалъ я еще нѣсколько шаговъ, и передомной словно изъ земли выросла человѣчья фигура, высокая, съ длинными черными, всклокоченными волосами, съ громадной головой и рогами. Я былъ увѣренъ, что передо мною чортъ и, страшно испугавшись, сталъ творить молитву, сначала про себя, а потомъ вслухъ; онъ не пропадаетъ, но только, что я успѣлъ досказать послѣднія слова, какъ привидѣнію мгновенно бросилось въ воду и печезло. Не помню, долго ли я со страху стоялъ тутъ оцѣпенѣвши, и затѣмъ едва дошелъ до товарища, которому ничего не могъ тутъ рассказать; только на другой день очнулся и передалъ видѣнное мною одпосельчанамъ». Подобный же раз-

сказать сообщенъ другимъ старикомъ: онъ видѣлъ такое же явленіе, на томъ же мѣстѣ, но только не темную, а свѣтлую фигуру, тоже исчезнувшую въ водѣ.

Полчаниновцы говорятъ, что *вѣдьма* бываетъ всегда *оборотнемъ* и можетъ являться въ разныхъ видахъ. Такъ рассказываютъ, что видѣли долгое время бѣгавшую по селу, по вечерамъ, свинью, которую нѣсколько разъ собирались убить, но та, завидя народъ, убѣгала куда-либо въ глухой уголъ и исчезала мгновенно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будто бы видѣли ночью бочку, которая прокатилась черезъ все село и тоже скрылась: «все это вѣдьмы-оборотни». Вѣдьмы портятъ также, какъ и колдуны, людей и домашній скотъ; разпица ея съ колдуномъ и знахаремъ та, что послѣдніе бываютъ по наукѣ, а первая по наслѣдству, такъ, что вѣдьма родится отъ вѣдьмы; отличительный паружный признакъ ея — хвостъ.

Въ с. Озеркахъ, Саратовскаго уѣзда, до сихъ поръ есть повѣрье о томъ, какъ узнавать вѣдьмъ: стоитъ лишь надѣть все совершенно новое — бѣлье, платье и обувь, и идти въ праздникъ къ обѣднѣ; ту изъ бабъ, которая—вѣдьма, онъ увидитъ стоящею задомъ къ алтарю и лицомъ къ выходной двери. Тотъ, на комъ есть что-либо хотя разъ надѣванное изъ одежды, не увидитъ этого, и всѣ бабы, будь между ними и вѣдьма, будутъ стоять лицомъ къ алтарю и иконамъ. Кто увидитъ вѣдьму, описаннымъ способомъ, проживетъ не долго; злые духи и сама вѣдьма отомстятъ смертію за открытіе тайны; поэтому вародъ боится ходить во всемъ новомъ въ церковь, чтобы нечаяннымъ образомъ не увидать вѣдьму, повернутой задомъ къ алтарю; въ свою очередь вѣдьмы, зная эту боязнь смерти и что поэтому никто не явится во всемъ новомъ, смѣло посѣщаютъ храмы божіи, не боясь быть открытыми.

Въ с. Широкомъ-Буеракѣ (Саратовскаго уѣзда) существуетъ повѣрье, что вѣдьмы по ночамъ доятъ коровъ и *отымаютъ* тѣмъ у нихъ молоко: если вѣдьма выдонитъ корову, то у нея пересыхаетъ вымя и она не станетъ болѣе давать молока. Указываютъ на старуху, которая жила до сихъ поръ; разъ ее поймали ночью и отрѣзали косу; она же утверждаетъ, что это мужъ ея выдралъ волосы. Объ этой вѣдьмѣ существуетъ въ с. Широкомъ слѣдующій рассказъ (1886 г.): «Разъ лѣтомъ почевалъ на одномъ крестьян-

скомъ дворѣ проѣзжіи дегтары. Спалъ онъ на своей телегѣ, проснулся до зарю и слышитъ, что кто-то доитъ корову; думал, что это хозяйка, онъ опять легъ и проспалъ до разсвѣта; видѣть — баба пдетъ съ дойницею опять къ коровѣ и дегтары догадался, что ночью доила корову вѣдьма; дѣйствительно хозяйка могла надоть всего съ кружку молока. Онъ сказалъ ей о случившемся и объяснилъ, какъ узнать ту вѣдьму, что отымасть молоко у коровъ, для чего посоветовалъ ей надоевний послѣ вѣдьмы естатокъ мелока вылить на сковороду и поставить на жаръ (горничія уголья): тогда вѣдьма сама сейчасъ же придетъ къ ней. Баба такъ и сдѣлала, и дѣйствительно къ ней тотчасъ же явилась та старуха съ обрѣзанной косою, которая и теперь слыветъ вѣдьмой въ Широкомъ.

Малороссы убѣждены въ существованіи вѣдьмъ и превращеніи ихъ въ разныхъ животныхъ: собакъ, свиней и проч. Старуха Кухарева (село Сокуръ, 1886 г.) передаетъ, что, бывъ еще молодой, пошла почевать по приглашенію къ односельчанкѣ; въ полночь услышала она шорохъ, стала приглядываться и видѣть, что хозяйка съ черпакомъ, наполненнымъ какой-то жидкостью, входитъ изъ сѣней въ хату; затѣмъ натерлась этою жидкостью, сѣла на ковергу, открыла трубу и вылетѣла въ пещ. Кухарева до того перепугалась, что, закрывшись съ головою, не видала, когда та вернулась, и побоялась спрашивать ее о ночномъ путешествіи. Рассказываютъ еще въ Сокурѣ, что тамошній крестьянинъ Кондратій Филипенко шелъ близъ полночи домой изъ шинка; вдругъ изъ-за угла хаты выбѣжала свинья и начала бѣгать вокругъ него; Филипенко, хотя и струсилъ, но бросился на свинью, поймалъ ее и хотѣлъ, бывшимъ при немъ ножичкомъ, отрѣзать ей ухо, какъ свинья заговорила человѣческимъ голосомъ: «куманекъ, будь такъ ласковъ, пусти меня, я тебѣ завтра выкупъ дамъ, четверть водки; я—Настасья, жена Михайлы Здражевскаго, и никогда не буду шутить съ тобою». Филипенко сжалился и пустилъ ее.

По убѣжденію хохловъ, вѣдьмы выдаиваютъ коровъ; чтобы узнать, кто изъ бабъ въ селѣ вѣдьма, нужно, по словамъ старухъ, взять отъ великаго четверга кусочекъ сыру и беречь его до Свѣтлаго Христова Воскресенія; въ Пасхальную же утреню положить за щеку и смотрѣть на молящихся: какъ только священникъ ска-

жеть: «Христосъ воскресъ», то всѣ вѣдѣмы оборотятся задомъ къ иконамъ и на головахъ ихъ будутъ стоять дощичи (посуда въ которую доятъ коровъ) *).

Мордва Саратовскаго уѣзда (село Оркино, Кучугуры тожъ) вѣрятъ до сихъ поръ въ домовыхъ (*юрнѣ-ава*), лѣсныхъ (*вирѣ-ава*), водяныхъ (*вядѣ-ава*) и проч. Мордва крайне суевѣрна и до сихъ поръ не отрѣшилась еще отъ прѣжнихъ, языческихъ суевѣрій; вездѣ въ природѣ видитъ она таинственную силу духовъ, трепещетъ отъ шума вѣтра въ глухомъ лѣсу или треска дерева; вѣрять, что колдуны, вѣдуны, знахари и знахарки могутъ принимать на себя видъ волковъ, собакъ, кошекъ, свиней и другихъ животныхъ; вѣрять, что по селу, въ глухую полночь, ходятъ оборотни и пугаютъ народъ; рассказываютъ, что по почамъ по с. Оркину ходитъ *бука* (родъ оборотни), съ виду похожій на коня сѣна, бродитъ онъ преимущественно по площади, вокругъ церкви, гоняясь за прохожими; онъ издастъ звуки, похожіе на рычаніе сердитой собаки и, лишь только появится изродъ на крикъ неповагагося *буки* челоуѣка, онъ оставитъ его и провадетъ среди толян: «въ землю проваливается, въ тартаръ», — говоритъ Мордва. Однажды, говорятъ, *бука* появился въ с. Оркинѣ среди хоровода парней и дѣвокъ, тѣ подняли крикъ; сбѣжавшійся народъ началъ бить *буку* дубинами, но тотъ вдрутъ пропалъ.

Мордва боится и бонется мертвыхъ; между ними нѣтъ такого смѣльчака, который бы пошелъ ночью на гумно, что лежитъ недалеко отъ кладбища: «ну, какъ мертвецъ-то встанетъ». Въ былые годы скоростипжно умершихъ, онойцевъ, утопленниковъ и самоубійцъ хоронила Мордва внѣ кладбища: ихъ зарывали далска отъ села, въ лѣсу, и Мордвинъ бонется ходить туда, потому что похороненный тамъ *убивецъ* бродитъ по лѣсу и пугаетъ своимъ страш-

*) Бѣлоруссы вѣрятъ, что *чаровницы* отнимаютъ молоко у коровъ; замѣтивъ, что корова не дастъ молока, хозяйка беретъ *чидзизку* и варитъ ее въ горшкѣ съ св. янскимъ зельемъ (собраннымъ на Куналу), отъ чего чаровница тотчасъ заболѣетъ и сама придетъ къ ней просить чего-нибудь взаими; этимъ способомъ хозяйка сейчасъ узнаетъ ее, но не должна ничего давать ей и ежели чаровницѣ не удастся ничего захватить съ собою, хотя бы щепку или песчинку, то начинаетъ сохнуть, хвораетъ и скоро умираетъ. Шведы и норвежцы вѣрятъ, что вѣдѣмы 1 мая выдѣиваютъ коровъ.

нымъ крикомъ, въ особенности подь вечеръ; на дѣлѣ это кричить филиппъ, поселившійся въ дикомъ лѣсномъ ущельѣ, но Мордва и слушать не хочетъ такого толкованія. Вѣрять они, что *убивецъ* потому ходитъ, что «вѣкъ жизни его не кончился», и будетъ ходить онъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ время, когда бы онъ долженъ былъ умереть своей естественной смертию: тогда ляжетъ онъ въ могилу и не станетъ больше бродить, кричать и пугать народъ.

Подобно Мордвѣ и русское народное воображеніе создастъ, кромѣ колдуновъ, домовыхъ, вѣдьмъ, лѣшихъ и оборотней, много другихъ нечистыхъ или злыхъ духовъ, живущихъ на мельницахъ подь водяными колесами и проч.; простолюдинъ (Колѣнская волость) убѣжденъ, что ежели человѣкъ удавится или утопится, то на немъ ѣздятъ по ночамъ *они* (т. е. нечистые духи).

Народъ вѣрять у насъ въ таинственную силу природы и волшебное дѣйствіе многихъ растений и предметовъ. Таково повѣріе о *разрывъ-травѣ*, связанное съ легендами о *кладахъ*. Желające добыть кладъ (повѣрье Колѣнской волости) берутъ подь вечеръ *Ивана Купала* (24 іюня) свѣчи отъ покойниковъ, тѣ самыя, которыя раздаются мірянамъ во время навихиды надъ усоншимъ и утаеннымъ при этомъ случаѣ, идутъ къ тому мѣсту, гдѣ предпологаютъ пайти кладъ. Взявши ладанцу, окуриваютъ кругомъ то мѣсто до трехъ разъ, вынимаютъ изъ ладаницы уголь, кладутъ его на землю и издуваютъ оговъ, чтобы зажечь восковую свѣчу; какъ покажется огонекъ, то надъ нимъ держать немного ломы, щупы, лопаты и начинаютъ рыть кладъ. Но чтобы добыть кладъ безошибочно и безъ труда отыскать мѣсто, гдѣ онъ зарытъ, надо имѣть *разрывъ-траву*, которая цвѣтетъ въ полночь на *Ивана Купалу*; никто не видитъ какъ она цвѣтетъ и чтобы добыть ее надо большихъ трудовъ и смѣлости; по словамъ рассказчиковъ, жизнь при этомъ находится въ опасности. Къ вечеру подь *Ивана Купалу*, надо поймать цѣтуха и держать его подь платьемъ, въ которомъ намѣренъ идти за травой, до тѣхъ поръ пока на селѣ во всѣхъ избахъ покажутся огни, потомъ нести его подь полою въ лѣсъ и, дождавшись того времени, когда цѣтухъ пропустъ три раза, начать рвать *вспыхнувшій цвѣтъ*, не обращая вниманія на то, что будетъ представляется глазамъ; тутъ нечистая сила прибѣгаетъ ко всѣмъ хитростямъ, чтобы помѣшать человѣку достать

желаемую траву; тотъ, кто устоитъ противъ всего и сорветъ цвѣтъ, долженъ безъ оглядки бѣжать домой, не отбѣгая ни на какіе вопросы, тогда трава останется у него; но ежели скажетъ хотя одно слово, то все пропадетъ и онъ возвращается съ пустыми руками». Большинство считаютъ разрывъ-траву тайнымъ свѣтящимся цвѣтомъ *папоротника* *).

Кромѣ *разрывъ-травы* слывутъ въ народныхъ повѣрьяхъ еще два растенія: *спрыгъ* и *Петровъ крестъ*. Спрыгъ-траву никто не видалъ, а знаютъ, что она нужна для воровъ и разбойниковъ; разсказываютъ, что Степѣя Разяпъ и Пугачъ ищли ее подъ каждымъ погтемъ; многіе разбойники прежнихъ временъ вкладывали подъ поготъ листокъ спрыгъ-травы и не трогали его до тѣхъ поръ,

*) Многіе ученые объясняютъ значеніе названія *папоротни* отъ пера или крыла птицы и находятъ связь въ мнѣніи о цвѣтѣ его съ Перуномъ. Потѣбнн, говоря о *Курляцкихъ огняхъ* (Древности, изд. Импер. Моск. Архео. Общ., 1868, т. I), указываетъ, что человекъ не могъ помирится съ мыслью, что *папоротъ* не цвѣтетъ и приписалъ ему таинственный, роскошный, огненный цвѣтокъ, который трудно увидѣть, или какъ говорятъ малороссы: «папоротъ цвѣте безъ усякого цвѣту». Папоротъ, по стариннымъ повѣрьямъ, цвѣтетъ въ полночь подъ Ивановъ день: въ него поднимается свѣтлая цвѣточная почка, она движется и прыгаетъ; въ полночь почка съ трескомъ разрывается и разпускается огненный цвѣтокъ, блескъ котораго освѣщаетъ все кругомъ; цвѣтеніе сопровождается землетрясеніемъ, громовыми ударами и ослѣпительной молніей; нечистая сила, въ разныхъ видахъ и разными страшными голосами, старается испугать сѣльчака, добывающаго цвѣтокъ папороти, и если онъ испугается, то онъ для него потерявъ. Въ одной сказкѣ чортъ говоритъ: «Я напустилъ 70 чертенятъ на царскую дочь, они сосутъ у нея грудь; вылезитъ же ее тотъ, кто сорветъ *жаръ-цвѣтъ* (цвѣтъ папороти), это такой цвѣтъ, что когда цвѣтеть, то море колыхается и ночь бываетъ яснѣе дня». Цвѣтъ папоротника показывалъ своему обладателю, какъ «цвѣтутъ въ землѣ клады»; ему приписываютъ свойства *разрывъ-травы* (*Spring-wurzel*, *Johannis-wurzel*, у иѣмцевъ); послѣдніи считаютъ корнемъ папоротника (*filix mas*) и разрываютъ заборы; коса, напавши на нес, ломается; если лошадь въ желѣзныхъ путахъ набредетъ на нес, то путы распадаются.

Жители озерной области: Новгородской, Псковской и Олонецкой губерній, говорятъ, что подкараулилъ минуту, когда цвѣтетъ папоротникъ, такъ трудно, что это случится лишь тогда, когда «ракъ свиснетъ или клопъ избу подкочаетъ». Подъ Ивана Купалу, говорятъ бѣлоруссы, цвѣтетъ въ полночь папоротникъ (на него нисходитъ огонь Перуна) и встѣхиваетъ яркимъ цвѣтомъ; адскія силы ищутъ сорвать этотъ цвѣтъ. Клады въ эту ночь являлись на поверхности земли въ видѣ свѣтящихся огоньковъ, возка и проч.; на сторожъ каждаго клада стоитъ чортъ. («Живописная Россія» т. III, 1862, ст. Куркора).

пока онъ самъ «не испарится». Воръ, обладатель сирингъ-травы (Spring-wurzel, у вѣмцевъ), подноситъ палецъ къ замку и онъ тотчасъ же *спрыгиваетъ* (отпирается). Говорятъ, что *цѣпль ореховаго дерева* имѣетъ ту же силу, какъ и сирингъ-трава. Корень травы *Писровъ крестъ* отыскиваютъ между заутреней и обѣдней на Ивана Купалу; онъ имѣетъ видъ наперснаго креста и приноситъ большое счастье. Народное повѣрье приписываетъ всѣмъ лѣкарственнымъ травамъ, собираемымъ между заутреней и обѣдней на Ивана Купала, особенно цѣлебное дѣйствіе *).

Много повѣрій и преданій слышимъ о *кладахъ* въ Саратовской губерніи. Масса кургановъ, разбросанныхъ по стенамъ этого края, бродившіе здѣсь разбойники и находки денегъ, зарытыхъ въ лѣсахъ, даютъ богатую пищу народному воображенію. По убѣжденію народа, всякій кладъ зарывался въ старину съ *заклятіемъ* и надо зпать слово, способное его разрушить, тогда онъ *объявится*; иначе исчезнетъ—*уйдетъ въ землю или метнется въ сторону*. Въ Песчанки (Озерской волости Саратовскаго уѣзда), при раскопкѣ члѣпанн Саратовскаго Губ. Стат. Комитета кургана въ 1880 году, крестьяне увѣрили, что здѣсь лежитъ зарытый кладъ, такъ какъ профѣзіе видѣли по ночамъ появлявшагося здѣсь челоуѣка, а иногда свѣтился здѣсь огонекъ. Изстари ведутся легенды о *кладахъ*, давво уже ищеть и роеть ихъ русскій народъ. Первые годы освобожденія крестьянъ такъ заняли умы, что о нихъ помину не было, но съ 1864 года охотники до подобной *наживы*, не только крестьяне, но и лица духовнаго званія принялись опять за розыски зарытыхъ сокровищъ. Такъ въ 1864 г. церковный причетъ и нѣсколько дворовыхъ людей принялся разрывать около с. Колѣна, въ «Рѣкодубѣ», пещеру, извѣстную уже лѣтъ 10 тому назадъ, и Дубовомъ оврагѣ, около дер. Копдрашевки (Колѣнской волости), урочище при рѣчкѣ Студенкѣ: не найдя ничего, они приписывали неудачу колдовству, отъ котораго кладъ *не дается до времени*, еще не наступившему (кладъ положенъ съ *зарокомъ*). Во второй половинѣ 1860-хъ годовъ, кладопскатели д. Алексѣевки (Колѣнской во-

*) Въ Повгородской губерніи знахарки собираютъ съ ночи подѣ Ивана Купала разныя цѣлебныя травы, почему Купала славеть въ народѣ подѣ названіемъ *лютыя коренья* или *добрія травы*.

лости) разыскивали у колдуновъ *планъ* клада, зарытаго въ Алексѣевомъ оврагѣ, но узнали отъ нихъ только, что въ немъ связано, будто здѣсь зарыты два клада — одинъ въ мѣдной кубѣ, другой глубже, въ пересѣкѣ (расплетеной пополамъ бочкѣ): несчастные Гаврила и Алексѣй были безъ отдыха по цѣлымъ почамъ, безъ малѣйшаго устѣха, и не только даромъ утомили свои силы, но едва не сошли съ ума, не говоря уже объ упадкѣ ихъ хозяйства. Въ с. Оркинѣ, 80-лѣтній старикъ мордвинъ рассказывать, что видѣлъ около Караульной горы торчащій изъ земли край колокола; онъ сталъ его отрывать, но въ то же время позвали его, работавшія вблизи женщины; когда же онъ вернулся, то не нашелъ никакого слѣда: *кладъ ушелъ въ землю*. Подобный рассказъ слышалъ я въ Лоху въ 1880 году: «Пастухъ, пасшій овецъ въ окрестностяхъ с. Лоха (Саратовскаго уѣзда), замѣтилъ торчащее изъ земли ушко котла; онъ сталъ копать и обозначилось уже другое ушко; вдругъ выскочилъ изъ кустовъ залцъ, прямо къ овцамъ, тѣ шарахнулись и разбѣжались; собравъ пхъ, пастухъ вернулся, но котла и слѣда не было — *онъ ушелъ въ землю*. Недалеко отъ с. Оркина стоятъ двѣ конусообразныя возвышенности, называемыя *Караульными* горами; по преданію здѣсь жили разбойники на сосѣдней горѣ Кявинъ-Гардазъ (каменный дворъ). Мордва рассказываетъ, что между обѣими горами *Караульныхъ* *пандъ* (горъ), въ долинѣ разбойники имѣли землянки и у нихъ былъ колоколъ, въ который звонили при тревогѣ для сбора шайки; въслѣдствіе, они зарыли все награбленное и самый колоколъ въ землю. Существуетъ у Мордвы легенда, что разъ въ годъ, на Пасху между заутреней и обѣдней, колоколъ и землянки являются въ прежнемъ видѣ: въ одной изъ послѣднихъ горитъ огонь, а на полу и по угламъ лежатъ кучи золота, серебра и разныхъ вещей; тогда же можно войти въ эту землянку до трехъ разъ и брать драгоценности, но при попыткѣ вернуться послѣ третьяго раза, дверь за волшебнымъ смѣльчакомъ затворяется и къ нему является хранитель этихъ сокровищъ, требуя отъ него собственную душу, или душу младенца, или того, что для него всего дороже. Мордва рассказываетъ, что входившіе туда пропадали или иѣмѣли и потомъ отъ испугу скоро умирали; а если кто бралъ деньги и возвращался благополучно, то деньги эти впродъ не шли: червонцы были *неразмын-*

нме и возвращались назадъ, а за потраченные цѣлныя золотыя взявшій ихъ платился ущербомъ въ хозяйствѣ и смертью семейныхъ, наконецъ и самъ онъ дѣлается жертвою сухотки и умираетъ.

Богата легендами *Кудеярова Гора* въ с. Лохѣ, Саратовскаго уѣзда, гдѣ по народному повѣрью хранятся въ пещерѣ за желѣзными дверями громадная сокровища разбойника *Кудеяра*, но золотой ключъ отъ нея лежатъ въ Симовомъ родникѣ и достать ключъ можетъ лишь тотъ, кто вычерпаетъ этотъ родникъ; къ тому же и самъ Кудеяръ стережетъ свои сокровища. Отъ горы *Крулой*, на восточномъ склонѣ которой расположено село Полчанновка, къ сѣверу, по Саратовскому уѣзду, черезъ Ягодно-Полянскую волость, село Оркино (Кучугуры тожъ), село Сокуръ, деревни: Косолаповка (Яруга тожъ), Красную-рѣчку и Гремячку, на села Лохъ и Новыл-Бурасы тянется сильно волнистая мѣстность съ глубокими долами и ярами, поднимающимися возвышенностями, особенно характерными около с. Оркина, гдѣ высятся два конуса *Караульных пандъ* (панда по-мордовски гора), *Высокая*, *Кявель Гардасъ* (Каменный дворъ) и другія, и село Лохъ, о которомъ я скажу ниже, эти волнистыя возвышенности служатъ водораздѣломъ двухъ бассейновъ Волжскаго и Донскаго. Въ старину вся эта мѣстность была покрыта сплошными лѣсами, тянувшимися далеко къ сѣверу и отмѣченными на картѣ Олеарія 1636 года. Лохъ—большое село Саратовскаго уѣзда, въ 75 верстахъ отъ города Саратова, недалеко отъ границъ Петровскаго уѣзда; его обступили лѣсныя возвышенности, поднимающіяся сажень на 60 надъ уровнемъ доловъ; изъ нихъ: Кудеярова, Марунова и Караульная горы замѣчательны сохранившимися о нихъ народными легендами и кромѣ того Кудеярова гора имѣетъ пещеру; она расположена, въ одной верстѣ на сѣверовостокъ отъ с. Лоха и находится въ ряду другихъ горъ, обступившихъ село съ трехъ сторонъ, подымаясь сажень на 60 изъ долины, и спускается круто въ узкій долъ *Маіоровъ*, по другую сторону котораго поднялась тоже высокая и крутая возвышенность *Марунова*. Рядомъ съ Кудеяровой, немного ближе къ селу, находится очень высокая—Караульная гора; на песчаной ея вершинѣ, между мелкимъ и рѣдкимъ чернолѣсьемъ растутъ нѣсколько старыхъ сосенъ. У подошвы Кудеяровой горы, между нею и Маруновой, бьетъ родникъ, называемый *Симовымъ*; вода его течетъ на

юго-востокъ, образуя ручей *Соколку*, на которомъ расположено с. Лохъ и на протяженіи 3 — 4 верстъ его теченія стоятъ 7 мельницъ лоховскаго общества; за селомъ Соколка соединяется съ другимъ ручьемъ *Лошокъ*, образующимъ по теченію нѣсколько маленькихъ озерковъ; соединенныя воды Соколки и Лошка впадаютъ въ рѣчку Чардымъ, текущую въ Волгу. Въ Лошкѣ ловится рыба—форель, которая называется здѣсь, какъ и рѣчка—*лошокъ*, и попадаются иногда довольно крупныхъ размѣровъ.

Въ Кудеировой горѣ находится пещера съ двумя отверстіями, ведущими внутрь горы: одно изъ нихъ называется *Трубой* и расположено на самой вершинѣ горы, но такъ завалено щебнемъ, что отверстіи не видно и осталась только яма, глубиною въ сажень; прежде, какъ говорятъ лоховчане, отверстіе было свободно и опускалось на глубину около 30 сажень внутрь горы отвѣсно; тогда было видно, что стѣнки Трубы, дикаго камня, ясно несутъ на себѣ слѣды копоти отъ дыма, почему можно думать, что это отверстіе дѣйствительно когда-то служило выходомъ для дыма изъ внутреннихъ помѣщеній пещеры; это отверстіе, по словамъ старожиловъ (въ 1880 году), лѣтъ 20 тому назадъ завалили солдаты стоявшаго въ с. Лохѣ Бутырскаго полка. Другое отверстіе находится ниже, на склонѣ горы, обращенномъ на югъ, приблизительно сажень 40 отъ дна долины; послѣднее имѣетъ теперь около $\frac{3}{4}$ аршина вышины и около 18 вершковъ ширины и помѣщается въ ямѣ; человѣкъ можетъ теперь только пролѣзть въ него ползкомъ не болѣе 5 сажень; входъ этотъ ведетъ далеко внутрь горы извилистымъ корридормъ; раньше, какъ говорятъ лоховчане, можно было проникнуть по немъ сажень до 60-ти, а дальше проходилъ заслоненъ унавишими камнями, но что затѣмъ онъ обрывается пропастью, изъ которой поднимаются газы, гасиція свѣчу, и на днѣ которой бурлить какъ будто вода и несетъ холодомъ. Входъ въ пещеру годъ отъ году обваливается, запосется щебнемъ и пескомъ отъ весеннихъ потоковъ; въ 1870-хъ годахъ смѣльчаки живописцы, работавшіе въ лоховской церкви, могли проникнуть только на 24 сажени внутрь горы; они нарисовали планъ своихъ изслѣдованій, но куда они его дѣвали, неизвѣстно.—Про Кудеирову гору и пещеру сохранилось много преданій у лоховскихъ и околныхъ жителей: рассказываютъ, что въ Лоховскихъ дачахъ когда-то жили разбой-

ники, атаманомъ которыхъ былъ Кудеяръ (Костомаровъ относитъ его ко времени царствованія Ивана Грознаго). Недалеко отъ Кудеяровой горы, въ концѣ Маіорова дола, указываютъ урочище носящее названіе *Пуика*: здѣсь, говорятъ, находили ружейные стволы и теперь еще попадаются куски пережженного желѣза; по народному сказанію здѣсь были кузницы Кудеяра, на которыхъ и изготовлялось оружіе для его войска. Самъ же Кудеяръ жилъ въ пещерѣ внутри высѣченной Кудеяровой горы, въ которой было вырыто много тайныхъ ходовъ и устроены роскошныя помѣщенія и кладовныя, наполненныя разными драгоценными вещами; внутри жилище пещеры (дворецъ, какъ выражаются рассказчики) было окружено корридормъ. Уходя въ набѣтъ или на разбой, Кудеяръ скрывалъ и заваливалъ входъ, такъ что никто не могъ отыскать его. Народная легенда говоритъ, что этотъ подземный дворецъ цѣлъ до сихъ поръ и въ кладовыхъ его множество богатствъ, спрятанныхъ за желѣзными дверями; двери заперты замками величиною въ поросенка; богатства сторожить *приставъ*, нечистый духъ въ образѣ сѣдаго старца. Кто высушитъ Симовъ родникъ, тотъ найдетъ ключи отъ Кудеяровыхъ пещеръ. Народъ вѣритъ, что у крестьянина Ерина (Еринова, давно умершаго) была старинная записка, въ которой подробно описана пещера и ея богатства; Еришъ былъ одинокъ и, когда умеръ, то записка пропала. При Кудеярѣ входъ въ пещеру и вся мѣстность, гдѣ былъ станъ разбойниковъ, охранялись стражей; при чемъ на Караульной горѣ Кудеяръ ставилъ караулы, наблюдавшіе за окрестностью. О Симовомъ или Симоновомъ родникѣ существуетъ особое преданіе: Кудеяръ и товарищъ его Симъ вздумали однажды состязаться въ силѣ и ловкости своихъ коней; положено было перескочить съ Маруновой горы на Кудеярову. Кудеяръ на своемъ конѣ перескочилъ, но Симъ оборвался и упалъ въ долину: въ томъ мѣстѣ, гдѣ овъ провалился подъ землю съ конемъ, и ударилъ родникъ, носящій донынѣ его имя. Нѣсколько верстъ отсюда, въ Петровскомъ уѣздѣ, указываютъ въ дачахъ Мих. Вас. Устинова курганъ, гдѣ Кудеяръ похоронилъ свою жену или любовницу, зарывъ съ нею въ могилу все драгоценности, принадлежавшія покойницѣ.

Добавлю рассказы окольныхъ жителей новѣйшей легендой. Шелъ однажды лоховчанинъ около Кудеяровой горы, сдѣлалось

уже темно, онъ запутался и поналъ въ какую-то землянку; видѣть, въ ней сидитъ сѣдой старикъ; на вопросъ старика, откуда онъ и что ему нужно, онъ отвѣчалъ, что былъ на Кудеяровой горѣ, шелъ въ Лохъ и, когда стемнѣло, сбился съ дороги; на это старецъ отвѣтилъ, что онъ на Кудеяровой горѣ, а Кудеяръ онъ самъ. Въ это время влетѣла громадная птица, сѣла старику на голову и стала клевать ее до мозга; страдалецъ сидитъ и стонетъ: «О, Господи». Долго долбила птица голову сѣдовласаго Кудеяра, наконецъ улетѣла къ разсвѣту; несчастный вздохнулъ и разсказалъ пришельцу, что болѣе вѣка, какъ обреченъ онъ сторожить свои сокровища въ горѣ и по карѣ Божіей, за разбой, каждую ночь прилетаетъ эта огромная птица и клюетъ ему голову; конца не видитъ онъ этому мученью. Въ землянкѣ лежитъ краюха хлѣба, которая никогда не убываетъ.

Въ началѣ сентября 1887 года приставъ 5-го стана Саратовскаго уѣзда Ф. А. Гарявъ прислалъ ко мнѣ крестьянина Пензенской губерніи, Краснослободскаго уѣзда, с. Новой-Самаевки, Никифора Егорова Милина, лѣтъ 55, который на мои разспросы объяснялъ, что у товарища его, оставшагося дома, есть документъ 1605 года, подписанный Кудеяромъ Кудеяровымъ, гдѣ описано, что противъ Кудеяровой горы и той поры или хода, который ведетъ во внутреннюю пещеру, немного выше родника, на противоположномъ берегу рѣчки, въ склонѣ горы находится заваленный входъ съ примѣтами, ведущій въ три погреба, въ которыхъ хранятся большія богатства: одинъ наполненъ золотомъ, другой серебромъ, а третій—конской сбруей; въ этой же старой грамотѣ значится, что нѣсколько верстъ отъ входа есть рытое озеро и около него грядки; указаны и другія примѣты. На этотъ кладъ положенъ былъ Кудеяромъ *зарокъ* на 200 лѣтъ. Кудеяръ былъ «хозяиномъ» и, чеканилъ монету изъ своей руды; онъ самъ спряталъ сокровища въ этихъ погребахъ. Рыть входъ должны рабочіе въ печетномъ числѣ. Въ Пензенской губерніи, говорилъ Милинъ, есть пять становницъ Кудеяра; онъ съ товарищемъ, у котораго хранятся эти бумаги, ходилъ по этимъ мѣстамъ, но примѣты не сходятся. Теперь онъ пришелъ одинъ въ с. Лохъ и всѣ примѣты сходятся съ тѣмъ мѣстомъ, которое лежитъ саженихъ въ 300 отъ села Лоха противъ Кудеяровой пещеры и Симова родника; верстахъ въ двухъ съ

чѣмъ-то есть и рытое озеро съ грядами около него. Со дня за-
рока клада срокъ уже прошелъ, такъ какъ съ 1605 года минуло
болѣе 200 лѣтъ. Милинъ говоритъ, что въ этихъ бумагахъ ска-
зано, что въ Кудеяровой пещерѣ лежатъ тоже богатый кладъ, но
его достать можетъ только тотъ, кто изъ *Ужинаго озера* по-
черпнетъ воды; на мой спросъ, гдѣ это Ужинное озеро, Милинъ
отвѣчалъ, что не знаетъ того.

Въ лѣсу, принадлежащемъ крестьянамъ села Рѣйнаго, Балашов-
скаго уѣзда, находится нѣсколько кургановъ, подъ названіемъ:
Пурки, Крутицы, Пески и другіе. По преданію, на Крутицахъ
жилъ разбойникъ Кудеяръ; онъ же будто вырылъ Пурки, гдѣ
погребена его жена. Крестьяне рыли эти курганы, отыскивая
клады, но особеннаго ничего не нашли, кромѣ углей — на Пур-
кахъ, и горшечныхъ черепковъ — на Пескахъ. (Протоколы Сара-
товской ученой архивн. Коммиссіи, 1887 года).

По береговой дорогѣ изъ с. Хмѣлевки въ с. Синенькіе, вправо,
верстахъ въ 6 отъ Волги и въ 23 къ югу отъ Саратова, нахо-
дится гора *Буданова*, на которой по преданію жилъ атаманъ раз-
бойниковъ Буданъ. Гора эта зовется въ народѣ *Буданихой* и ле-
житъ верстахъ въ 5—6 къ западу отъ с. Хмѣлевки и верстахъ
въ 7—8 отъ почтовой станціи Побочной, Саратовско-Астрахан-
скаго тракта, тамъ гдѣ дорога образуетъ уголъ, обходя яръ.
Общій кряжъ береговыхъ возвышенностей обхватываетъ Буданиху
дугой, отъ которой гора эта стоитъ въ долинѣ пашняго плоско-
горія совершенно отдѣльно въ 1—1½ верстахъ; подымается она
высоко особнякомъ, не прилегая къ кряжу и видна какъ съ Волги,
такъ и съ большой дороги. Она представляетъ овалъ, длинная ось
котораго, направленная къ Волгѣ, вътрое противъ ея ширины; пло-
щадь на вершинѣ совершенно равная какъ столъ и имѣетъ отъ
15 до 20 десятинъ; на ней лишь небольшая яма, въ которой дер-
жится свѣжая вода почти все лѣто; откосы горы довольно круты
(около 45°), но безъ обрывовъ и покрыты травой, на восточномъ
же склонѣ есть рѣденькое мелколѣсье. Около подошвы теперь все
распахано; въ маѣ, до сильныхъ жаровъ, вершина горы и кругомъ
ея склоны покрыты сплошь свѣжей травой и рѣзко отдѣляется
зеленая Буданиха на окружной пашнѣ. Рассказываютъ, что Буданъ

А 628643

наблюдать съ нея за большою дорогою, которая видна отсюда, и за караванами судовъ, шедшими по Волгѣ.

Дальше по Волгѣ, ниже селъ Золотого и Банинаго (Камышинскаго уѣзда), на правомъ берегу Волги, въ дачахъ слободы Даниловки, въ четырехъ верстахъ отъ нея и въ трехъ отъ села Лапотъ, расположенъ между бараками, выходящими къ Волгѣ, полу-круглый бугоръ вышиною отъ подошвы въ 20 сажень; на немъ сохранились три канавы, глубиною каждая до 2 аршинъ, прорытыя отъ одного барака до другаго; по средній канавѣ оставлено непрорытое мѣсто; онъ носитъ названіе *куртани* или *бура Стеньки Разина* (протоколы Саратов. Учен. Архива. Комм. 1887). Здѣсь, по преданію, было жилище этого знаменитаго *атамана-колдуна*, обитое бархатомъ, и яма, въ которой содержался плѣнные. На самомъ бугрѣ стояло кресло съ вѣщикою изъ слововой кости, съ котораго самъ Стенька разсматривалъ проходящія суда и чинилъ расправу: «Только платкомъ бывало махнетъ—судно сейчасъ останавливается; и крикнетъ Стенька зычнымъ голосомъ, чтобы дань везли къ берегу. Не послушаютъ—свиснетъ, гаркнетъ и отколъ ни возьмутся 12 лодокъ съ удалыми молодцами, налетитъ на судно и прощайся купецъ съ добромъ, да и съ головой своей» (Путеводитель по Волгѣ, 1865 г. Я. Кучина). Рассказываютъ, что въ бугрѣ зарытъ у Стеньки большой кладъ, только взять его до сихъ поръ никто не могъ. Верстахъ въ 2—3 ниже, не доѣзжая слободы Даниловки, находится ущелье, прозванное *Стенькиной тюрьмой* или *Дурманомъ*. Ниже Камышина, возлѣ д. Караванники и у Дубовскаго посада стоятъ еще два бугра, тоже Стенькинъ. (Спутникъ по Волгѣ, Монастырскаго, 1884).

Въ Саратовскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ, 1859, № 3, г. Новиковъ приводитъ слѣдующій народный рассказъ: ущелье, или оврагъ, гдѣ Стенька заперъ въ подземельяхъ захваченныхъ въ плѣнъ, называлось *тюрьмой* или *дурманомъ* и было покрыто крупнымъ лѣсомъ, до такой степени густымъ, что плѣнники не могъ отсюда выбраться. Въ 200 саженьяхъ отъ *Дурмана*, на берегу Волги, находится *бугоръ Стеньки Разина*, о которомъ, въ 1850-хъ годахъ, существовало такое преданіе:

Очень давно, шло по Волгѣ судно; когда оно поравнялось съ бугромъ Стеньки Разина, то одинъ изъ бурлаковъ спросилъ това-

риней, нѣтъ ли желающихъ побывать съ нимъ на бугрѣ. Нашелся охотникъ. Сосѣдши на берегъ, бурлакъ предупредилъ товарища: «чтобы ты ни увидалъ и чтобы ни услышалъ, молчи.» Взобравшись на бугоръ, они увидѣли отверстіе, въ родѣ погреба, съ дверью; отворивъ ее, они увидали хорошо убранное подземелье, похожее на комнату: въ углу висѣлъ образъ Спасителя въ золотомъ окладѣ, усыпаннымъ брилліантами и разноцвѣтными камнями; передъ образомъ теплилась лампада. Посреди комнаты стоялъ гробъ, окованный тремя желѣзными обручами; возлѣ лежалъ огромный желѣзный молотъ и желѣзные прутья. Вдоль стѣвъ разставлено множество боченковъ, насыпанныхъ до верху золотомъ, серебромъ и драгоценными самоцвѣтными камнями, а такъ же цѣнная металлическая утварь. Бурлаки помолились иконѣ; вожатый схватилъ молотъ и разбилъ обручи на гробѣ: крышка поднялась, изъ гроба встала красная дѣвица, необыкновенной красоты, и выговорила: «что вамъ нужно ребята? Денегъ, утвари, камней самоцвѣтныхъ — берите, братцы, сколько душѣ угодно». Въ отвѣтъ на это, вожатый схватилъ прутья и началъ стегать красавицу, *безбожную Маричку*, и сколько она его ни умолила о пощадѣ, все было напрасно. Товарищъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «Полно братъ, что съ тобою, съ ума ты что-ли сошелъ?» Но едва онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ невидимая сила подхватила его и выкинула въ дверь, которая тотчасъ же захлопнулась, и послышался голосъ: «Восемь,—девятого!» Въ слѣдъ за тѣмъ дверь и отверстіе пропали. Испуганный бурлакъ едва добрался до судна; у него отнялся языкъ и три года онъ оставался нѣмъ. Послѣ уже онъ рассказывалъ, что если бы онъ сумѣлъ помолчать и если бы они успѣли завладѣть иконою, какъ говорилъ ему еще дорогой вожатый, то всѣ богатства перешли бы въ ихъ руки. Рассказчикъ добавляетъ, будто «Стенька по сей часъ живъ, его земля не принимаетъ и живеть онъ, окаленный, на островахъ и зѣби грудь у него сосутъ».

Повыше колоніи Добренки, не доходя версты 20 до Камышина, на правомъ берегу Волги, находится *Уракови гора*, названная по имени атамана разбойниковъ, у котораго, по преданію, Стенька жилъ 15 лѣтъ кашеваромъ, потомъ застрѣлилъ Уракова и самъ сталъ атаманомъ. Олеарій, плывшій здѣсь въ 1636 году, иначе рассказываетъ эту легенду: онъ говоритъ, что противъ устья р. Еру-

слана, на правомъ берегу Волги, въ 150 верстахъ отъ Саратова, подымается гора, *Ураковъ караулъ*, названная потому, что татарскій князь Уракъ сражался здѣсь съ казаками, былъ убитъ и тутъ же схороненъ.

Въ Саратовскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ, 1859, помѣщено народное преданіе объ *Ураковомъ бургѣ*, лежащемъ верстъ 30 ниже *Стенькина бугра*. «Здѣсь, предтеча Стеньки, разбойникъ Уракъ имѣлъ свой притонъ. Разинъ, еще мальчикомъ, пришелъ съ верху изъ Ярославля и 15 лѣтъ поступилъ въ шайку Уракова кашеваромъ. Разъ Ураковъ этотъ хотѣлъ задержать судно, а Стенька закричалъ: «брось — не стоитъ, бѣдно». Ураковъ, не ожидая послѣ такого замѣчанія удачи, пропустилъ судно, но погрозилъ Разину. Проходить другое судно—Стенька опять тоже. Възбѣшенный атаманъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но Стенька не пошатнулся, вынулъ изъ груди пулю и, отдавая ее Уракову, сказалъ: «я—пригодится». Ураковъ отъ страха упалъ; разбойники, видя чудо, разбѣжались, а Стенька незаряженнымъ пистолетомъ застрѣлилъ Уракова и сталъ самъ атаманомъ его шайки. Ураковъ схороненъ тутъ же на своемъ бургѣ и, говорятъ, семь лѣтъ изъ могилы кричалъ проходившимъ мимо судамъ: «приворачивай».

Въ Вольскомъ уѣздѣ, около, с. Черкасскаго, указываютъ три горы, въ старину покрытыя лѣсомъ: *Кладуша* — содержащая въ себѣ *клады*, *Дорониша*—гдѣ жилъ разбойникъ Дороня съ своей шайкой, и *Видимъ*—съ которой видна вся окрестность на далекое разстояніе. Въ 10 верстахъ отъ г. Вольска, на правомъ берегу Волги, лежитъ с. Рыбное (въ XVIII столѣтіи—дворцоваго вѣдомства Рыбная слобода), лѣсная и гористая мѣстность около котораго служила въ старину пріютомъ для разбойниковъ, изъ которыхъ памятенъ мѣстнымъ жителямъ—*Кутыревъ*, въ шайкѣ котораго были три женщины. Къ востоку отъ Вольска, до с. Александровки, Хвалынскаго уѣзда, горы носятъ названіе *Дювичихъ* и представляютъ мѣловыя обнаженія; есть преданіе, что на этихъ горахъ, въ XVII вѣкѣ, предводительствовала страшною шайкой *Дювушка Паламюшка*, почему и осталось такое названіе горъ.

Изъ болѣе замѣчательныхъ и легендарныхъ кургановъ, могилъ и маровъ Камышинскаго уѣзда, я могу указать: *Высокую могилу*, окруженную курганами меньшей величины, могилу надъ *Мамас-*

вымъ яромъ (въ 5 верстахъ отъ первой) и *Тарасову могилу*—всѣ три находятся въ степной равнинѣ Камышинскаго уѣзда въ дачахъ села Краснаго Яра, на лѣвомъ берегу р. Медвѣдицы; далѣе *Дубовый курганъ* въ дачахъ с. Мокрой Ольховки, курганы *Мамайскіе маны* между р. Медвѣдицей и рѣчкой Бурлукъ, и *Перездинская могила* на правой сторонѣ р. Медвѣдицы, въ дачахъ села Рудни, недалеко отъ с. Нижней Добренки; отъ нее тянется на западъ рядъ малыхъ кургановъ, насыпку которыхъ народъ приписываетъ Мамаю. Въ Царицынскомъ уѣздѣ между Александровскою казачею станицей и селомъ Пролейка, находятся два большіе курганы въ 14 саженьяхъ другъ отъ друга и въ 6 верстахъ отъ Волги; они сдѣланы изъ дикаго камня и называются *Царскими могилицами* (см. «Волга», Боголюбова, 1862).

Въ Аткарскомъ уѣздѣ, долина р. Латрыка, между с. Большою Дмитріевкой и дер. Двоепкой, на пространствѣ 5—6 квадратныхъ верстъ, усеяна курганами, которые народъ называетъ «марами» и «могилами»; въ одномъ изъ такихъ при раскопкѣ произведенной И. А. Волковымъ (управляющимъ генеральши М. В. Дурново) въ 1887 г., найдены кости и многія цѣнныя вещи, въ томъ числѣ бронзовая фигура съ двумя двугорбыми верблюдами.

Во многихъ селахъ Саратовской губерніи существуютъ легенды о сокровищахъ и каретахъ, затопленныхъ разбойниками въ озерахъ и рѣкахъ. На лѣсистыхъ возвышенностяхъ праваго берега рѣки Аркадака, противъ с. Колѣна (Аткарскаго уѣзда), есть бугоръ, называемый *Быкъ-гора*. Существуетъ преданіе, что здѣсь въ лѣсахъ былъ въ старину притонъ разбойничьихъ шайкъ; часто въѣзжали они въ село съ зажженными холстами на дровякахъ и съ крикомъ «не ворошись» (не шевелись, не дѣлай тревоги) брали, что хотѣли. У рѣчки Баланды, около нынѣшней дер. Радужной въ 20 верстахъ отъ с. Колѣна, есть еще курганъ. На этихъ двухъ возвышенностяхъ ставились разбойниками *маяки*, которыми они давали другъ другу знать о проѣздахъ и другихъ случаяхъ: ночью для этого зажигали они просмоленные холсты, привязанные къ длиннымъ шестамъ; огни эти были ясно видны въ окрестности на далекое разстояніе. Колѣнскій людъ до сихъ поръ увѣренъ, что въ лѣсахъ и оврагахъ по ту сторону р. Аркадака зарыты сокровища. Убѣжденіе основано на преданіи: много лѣтъ тому назадъ, вели по

селу колодниковъ; одинъ изъ нихъ, сѣдой старикъ, взглянувъ на горы противоположнаго берега, сказалъ: «много сокровищъ зарыто въ этихъ лѣсахъ»; народъ подхвятилъ восклицаніе, стали донрашиваться и старикъ объявилъ, что онъ одинъ изъ разбойниковъ, скрывавшихся съ шайкой въ Колѣнской мѣстности, что здѣсь былъ ихъ притонъ и награбленное они зарыли въ землю; главные сокровища скрыты на горѣ, гдѣ бугоръ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дуба.—Преданіе не сохранило, во сколько шагахъ отъ дуба зарытъ кладъ, а время не пощадилъ дерева. Другую часть своихъ богатствъ разбойники, преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ, *скатили съ озера*, слѣды котораго и теперь еще существуютъ.

Въ с. Мокромъ, Петровскаго уѣзда, недалеко отъ мордовскаго с. Оркина, рассказываютъ, что въ старину жили здѣсь въ лѣсахъ разбойники, выѣзжавшіе грабить на большую дорогу. Преданіе говоритъ, что у нихъ была золотая (по другимъ позолоченая) телѣжка; въ одну изъ поѣздокъ, когда они возвращались съ разбоемъ съ добычею, ихъ разбила лошадь и утопили совсѣмъ съ телѣжкою въ одномъ изъ высохшихъ теперь озеръ. Мокринцы указываютъ, такъ называемый *вопючій родникъ*, нѣбующій будто бы на двѣ два пола изъ дубовыхъ бревенъ, между которыми сложены разбойниками разныя сокровища и боченокъ золота. Около с. Полчанпновки (Саратовскаго уѣзда) есть три легендарныя урочища. По дорогѣ къ колоніи Скатовкѣ—*Улановъ оврагъ*, гдѣ жилъ когда-то въ старину съ своей шайкой разбойникъ Уланъ, который будто бы зарылъ здѣсь нѣсколько бочекъ съ золотомъ. По дорогѣ въ д. Ивиповку и теперь существуютъ остатки лѣса, пазываемаго *воровскимъ*; тутъ тоже былъ притонъ разбойниковъ и до сихъ поръ видны слѣды ворозскихъ землянокъ. Недалеко отъ Городецкаго хутора было большое озеро, у котораго, какъ увѣряютъ старожилы, не было дна: гнѣздившіеся здѣсь въ лѣсахъ разбойники сталкивали сюда ограбленные экипажи; озеро это теперь заросло и высохло, по словамъ рассказчиковъ прорыто и спущено; въ занесенномъ иломъ днѣ его осталось будто бы золото, сброшенное въ каретахъ и бочкахъ. Въ памяти старожилотъ с. Белгазы-Маматовки, Аткарскаго уѣзда, свѣжо еще преданіе объ убійствѣ въ этомъ селѣ, во время пугачевщины, ѣхавшаго въ городъ Саратовъ въ августѣ 1774 года воеводы Лихарева, назначеннаго туда указомъ Сената 28 марта

1774 года, и двоюродной сестры его, дочери генераль-лейтенанта, Натальи Ивановны Лихаревой: въ этомъ селѣ напалъ на нихъ съ шайкой пугачевскій полковникъ Ивановъ, разграбилъ обозъ, воеводу и сестру его убили, раздѣли до нага, по рассказамъ стариковъ, положили въ карету и столкнули въ омутъ рѣчки Белгазы.

Лѣтомъ 1887 года упорно держался слухъ о появленіи громаднаго змѣя въ лѣсахъ с. Ягодной-Поляны (Саратовскаго уѣзда). Въ Озерской, Полчаниновской, Ягодно-Полянскій волостяхъ ходили всевозможные рассказы и басни объ этомъ чудовищѣ: одни увѣряли, что змѣй этотъ черный, болѣе двухъ сажень длины, въ ведро толщиною, съ огромной человѣчьей головой и говоритъ, только непонятнымъ языкомъ; его видятъ одни лишь пастухъ, а другіе не видятъ, и объясняютъ, что это пастуху дается кладъ; другіе рассказываютъ, что встрѣчали его у дороги и онъ человѣчьимъ голосомъ просить поцѣловать его, а коли противно, то прикрыть, при чемъ объясняютъ, что это нечистый или проклятый, и ежели исполнить его желаніе, то онъ дастъ кладъ. Увидѣли его однажды шесть нѣмцевъ, косившихъ траву на лѣсной полянѣ: сидитъ онъ на свернутомъ хвостѣ и какъ длинный столбъ подымается голова не то человѣчья, не то лошадиная; обомлѣли нѣмцы отъ ужаса, побросали косы и пустились домой, но у нихъ на нѣсколько времени отпалъ языкъ.

Змѣй занимаетъ вообще видное мѣсто въ народныхъ суевѣріяхъ. Это—олицетвореніе всего злого и коварнаго; онъ является часто на лубочныхъ картинахъ въ народныхъ сказкахъ и былинахъ *).

*) Народно-церковная литература полна сказаніями о змѣѣ, этомъ врагѣ человечества. Возьмемъ на выдержку, ходящую у насъ въ народѣ, книжку, изданную въ Москвѣ книгопродавцемъ Морозовымъ въ 1886 г. (цензоръ протоіерей Боголюбскій): «Гласъ святой истины объ Антихристѣ», съ выпиской изъ пространенной лубочной картины «о прішествіи антихриста» и послѣдней судьбѣ человѣческаго рода. Въ этой брошюрѣ указывается на «безстыднѣйшаго и ужаснаго змѣя, который приведетъ въ смятеніе всю поднебесную и въ сердца человѣческія вложитъ боязнь, малодушіе и страшное невѣріе, произведетъ чудеса, знаменія и страхованія, яко же прельстити еще возможно и избранныхъ, и получить онъ власть обождать міръ. Жестокошія къ человѣческому роду окажется этотъ скверный змѣй. Въ то время, когда придетъ змѣй, не будетъ покоя на землѣ, будетъ великая скорбь, смятеніе, смерти и глады во всѣхъ ковцахъ и такова скорбь не бьетъ она начала созданія (Марк. 13, 19); будутъ по мѣстамъ

шествуютъ урочища, носящія названіе *Змѣиныхъ*, причемъ народъ обыкновенно складываетъ объ нихъ свои легенды. Такъ отъ г. Вольска тянутся, верстъ на 35 внизъ, по правому берегу Волги крутыя *Змѣевыя* горы: изъ глубокой старины сложился разсказъ, что они получили названіе отъ неимоверной величины *змѣя* или *полоза*, жившаго долгое время на этой горѣ, дѣлавшаго много вреда и наконецъ разрубленнаго какимъ-то богатыремъ на три части, которыя тотъ часъ же обратились въ камни (Путешествіе Олсarıя въ 1636 г.). Эта старинная легенда имѣетъ соотношеніе съ настоящимъ преданіемъ объ основаніи города Вольска въ Саратовскомъ намѣстничествѣ, учрежденнаго въ 1780 году (высочайшій указъ 7 ноября 1780 года) изъ дворцовой рыбной слободы Малюковки: «во времена до-пугачевскія, — разсказываютъ старики, — жилъ тамъ огромный змѣй-полозъ длиною до четырехъ сажень, пожиравшій коровъ, лошадей и овецъ, но былъ убитъ волостнымъ сотникомъ Васильемъ Кулпковымъ, на котораго онъ напасть» («Волга», Боголюбова, 1862). Въ описаніи села Воскресенскаго (Сарат. губ. Вѣдом., 1888) сказано, что съ сѣверо-восточной стороны къ этому селу, лежащему на правомъ берегу Волги, примыкають *Змѣевыя*

глады и трусы (Мат. 27, 7), и безсечный человѣкъ будетъ извѣстенъ знаменіями лукаваго и хитраго змѣя. Звѣрь этотъ (Змій-Антихристъ) самъ богоборецъ и всѣхъ хочетъ погубить; начнетъ онъ съ чрева, чтобы человѣкъ, приведенный въ крайность недостаткомъ пищи, вынужденъ былъ принять *печать* его на правой рукѣ и на челѣ, дабы не могъ сдѣлать крестное знаменіе, которое разрушаетъ силу его; почему истинному христіанину не надо оставаться въ бездѣйствіи, *когда змій будетъ намертвѣвать печатью своею*, вѣсто Спасителявой. Въ какомъ видѣ пріидетъ на землю безстыдный змій? Спаситель родился отъ Дѣвы въ образѣ человеческомъ; врагъ же воплотится отъ оскверненной дѣвы и пріидетъ все-скверный, но приметъ образъ кроткій, смиренный, въ высшей степени благообразный; но потомъ этотъ змій взрыгнетъ горечь свою и вринетъ весь родъ человеческій въ пучину несчастія, жестоко надзиратели будутъ дозволять покупать пищу только тѣмъ голоднымъ, у которыхъ будетъ печать учителя на челѣ и правой рукѣ; вездѣ распространится зловопіе, голодь, жажда; землетрясенія, смущеніе на морѣ, страхованіе на сушѣ и угроженіе звѣрей; золото и серебро разсыпаны на улицахъ и никто до нихъ не коснется, потому что все омерзѣло; омерзѣетъ и ненавистна станетъ красота женская, увянетъ плоть и вождѣніи челоуѣка. Пріявліеніе *печать антихристову* будутъ вѣстѣи съ змѣемъ ввержены въ геенну; всѣ, принявшіе печать змѣя, связанные приведены будутъ предъ судилище Господа и будутъ приговорены къ вѣчному осужденію въ огонь неугасимый».

горы, образующія дугу на протяженіи четырехъ верстъ, къ Волгѣ. Горы эти круты, вершины ихъ безлѣсны, и въ нихъ водятся змѣи. Преданіе говоритъ, что въ старину въ этихъ горахъ обиталъ огромный многоглавый змѣй, собиравшій дань съ жителей дѣвками, которыхъ онъ поѣдалъ. Изъ межевыхъ книгъ 1710 года видно, что монастырское село Сергіевско-Воскресенское существовало уже въ самомъ началѣ XVIII-го вѣка и принадлежало московскому Воскресенскому монастырю. Для сравненія приведу здѣсь подобную же легенду, слышанную мною на Кавказѣ въ 1868 году: въ Пятигорской группѣ есть *Змѣевая гора*, имѣющая видъ громаднаго шатра; ямщикъ мой, казакъ изъ Александровской станицы, разсказалъ мнѣ, что она получила названіе отъ огромнаго «полоза» (змѣя), жившаго на этой горѣ; когда онъ ползъ, то подъ нимъ горѣла трава; нѣсколько разъ пытались убить его и даже стрѣляли изъ пушекъ, но ничего не могли сдѣлать чудовищу; наконецъ одному казаку удалось застрѣлить его изъ винтовки. На верху будто бы есть большое озеро, около котораго жилъ этотъ полозъ.

При сильномъ развитіи предрасудковъ въ русскомъ народѣ, *ворожба* и *гаданія*—необходимые спутники суевѣрія во всѣхъ обыденныхъ случаяхъ брестянской жизни *): привидится-ли сонъ—идутъ въ ворожеѣ; представится-ли какой другой необъяснимый признакъ, или желая узнать будущее, простой народъ идетъ къ гадалыцицѣ за истолкованіемъ или гадаетъ самъ. Напр., когда верзутъ парня въ рекруты, то родные гадаютъ, поймавъ паука: сажаютъ его въ кувшинъ и ежели онъ за ночь совѣтъ тамъ гнѣздо, то увѣрены, что парня «не обрѣютъ» (не примутъ), ежели не совѣтъ, то его непременно «угомятъ» (Саратовскій уѣздъ). Гадаютъ по этому поводу и другимъ способомъ: кладутъ на столъ уголь и пе-

*) Въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» 1838 г. приведено 18 способовъ русскихъ гаданій: на бобахъ, на водѣ, литьемъ воску (или свинца и олова), по грому, по дыму, по жеребью, зеркаломъ, золотымъ кольцомъ, по игламъ, на картахъ, наговорнымъ кольцомъ подъ подушкой, на гуцѣ кофе, по ногтямъ натертымъ масломъ и сажемъ, перенолохъ (при которомъ употребляется знахаремъ миска воды, олово и Богоявленская или обручальная свѣча), по птицамъ и ихъ крику, рѣшетою, на травахъ и на яйцахъ. Въ Саратовѣ до сихъ поръ существуетъ святочное гаданіе *башмачкомъ*: дѣвушка поздно вечеромъ бросаетъ черезъ заборъ или ворота свой башмакъ и куда онъ упадетъ поскомъ, то въ ту сторону придется ей выйти замужъ.

чину (кусок глины изъ печки) другъ противъ друга, и крестъ на крестъ имъ хлѣбъ и соль, тоже другъ противъ друга; берутъ клубокъ за пятку, держать его на вѣсу и ежели онъ будетъ качаться на уголь и печину, то малаго забрѣютъ, ежели же на хлѣбъ и на соль, то не возьмутъ и онъ вернется домой; это гаданье ведется уже давно въ Саратовскомъ краѣ. Собирается мужикъ въ дорогу, онъ несетъ прежде *вяхель* (связанная изъ веревки сѣтка, въ родѣ мѣшка, для корму) на гумно и положить его на ночь къ стогу сѣна или соломы, и ежели поутру найдеть въ немъ нѣсколько былокъ, то увѣренъ, что во время дороги лошади будутъ у него здоровы (этотъ предразсудокъ занесенъ въ Колѣнскую волость переселенцами изъ Тамбовской губерніи). Въ прежнія годы, до появленія у насъ въ общемъ употребленіи сѣрныхъ зажигательныхъ свичекъ, крестьяне сохраняли жаръ, загребая его въ уголь печи, и при надобности вздували изъ него огонь: никто изъ нихъ въ большой праздникъ ни за что не давалъ никому этого жару на растопку, боясь, что въ противномъ случаѣ у него не будетъ держаться огонь. Во время сѣва никто изъ крестьянъ не дастъ нуждающемуся ни одной мѣрки сѣмянъ, иначе онъ у него переведется; крестьянинъ Акимъ Семеновъ (с. Полчашиновка, 1886 г.) вполне убѣжденъ, что у него перевелись отличныя сѣмена пшеницы, потому что ссудилъ имъ на посѣвъ нуждающагося. Въ народѣ многіе еще вѣрятъ, что дьяволъ и вообще нечистая сила мечется и причется во время грозы, такъ какъ Господь и Илья Пророкъ преслѣдуютъ его молніей (*грозовой стрѣлою*), которая и попадаетъ туда, куда бросился бѣсъ; поэтому надо закрывать окна и трубы въ избѣ, чтобы онъ не влетѣлъ въ комнату или подъ печку.

Мордва (с. Оркина, Саратовскаго уѣзда) гадаетъ на святки объ урожаѣ слѣдующаго лѣта. Для этого берутъ луковицу и, разрѣзавъ пополамъ, снимаютъ чешуйки; изъ нихъ 12 кладутъ на столъ и насыпаютъ въ каждую по щепоткѣ соли, оставляя ихъ такъ на ночь; утромъ смотрятъ, въ которой изъ нихъ больше воды отъ распутившейся соли, а такъ какъ каждая чешуйка изображаетъ собою одинъ изъ 12 мѣсяцевъ въ году и по счету первая съ правой стороны принимается за январь, вторая за февраль и т. д., то по этому судить, въ которомъ мѣсяцѣ какая будетъ погода — дождливая или сухая. Объ урожаѣ мордва гадаетъ такъ же на снопахъ

хлѣба: на почѣ выставляютъ на колыяхъ снопы ржи, пшеницы и другихъ хлѣбовъ; на которомъ будетъ больше инеи, тотъ уро-
дятся лучше. Молодые ребята, подлежащіе рекрутству, хо-
дить ночью съ колыми на прудъ и опускаютъ ихъ въ прорубь:
кто изъ нихъ легче выдернетъ черезъ нѣсколько времени изъ за-
мерзшей проруби свой колъ, тотъ освободится отъ рекрутчины, но
кто совсѣмъ не вынетъ, пойдетъ непремѣнно на службу. Оркни-
скія бабы ходятъ подъ Новый годъ, садясь верхомъ на помело,
слушать на перекрестокъ. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ многіе изъ морд-
вовъ, во время святокъ, снявши предварительно кресты, выходятъ
по вочамъ въ поле или къ рѣкѣ; дорогой между собой не гово-
рятъ и идутъ молча, о молитвѣ и думать не должны, на пере-
кресткахъ въ разныхъ мѣстахъ ложатся на землю и прислуши-
ваются къ малѣйшему шороху; немного погодя встаютъ и молча
расходятся по домамъ, гдѣ рассказываютъ о томъ, что слышали:
однимъ показалось, что молотятъ, другому, что жнутъ, третьему,
что плачутъ и т. под.; по этимъ примѣтамъ судятъ, что должно
случиться въ теченіи наступающаго года.

О русскихъ гадапіяхъ на свѣткахъ и говорить не стану, такъ
какъ онѣ хорошо извѣстны и здѣсь, кажется, не представляютъ
ничего особеннаго.

Ворожеи и гадалки важивались прежде своимъ ремесломъ.
Такъ рассказываютъ въ с. Колѣйнѣ: «Жила здѣсь въ старое время
Мавра «гадатель», ворожила она на бобахъ, орѣхахъ, картахъ,
водѣ, рѣшетѣ и зеркалѣ, гадала она ночью въ банѣ, куда соби-
рались къ ней дѣвушки узнать о своемъ будущемъ и суженомъ;
платили они ей хлѣбомъ, лицами и деньгами; такимъ образомъ
Мавра нажила себѣ хорошія деньги и по смерти ея Колѣйскіе
жители нашли и захватили 20 фунтовъ червонцевъ». Ее пом-
нили старожилы уже старухой 65 лѣтъ, крѣпостной помѣщика
Рахманина, а родомъ считаютъ изъ Кіева, этой отчизны вѣдьмъ.

Нескоро изгладятся повѣрья и предрасудки въ русскомъ на-
родѣ, хотя съ развитіемъ сельскихъ школъ съ 1870 годовъ они
значительно уменьшаются. Такіе же предрасудки еще недавно
встрѣчались и въ нашемъ барскомъ быту; на нашей памяти, въ
помѣщачьемъ кругу вѣрили дурнымъ предзнаменованіямъ: встрѣчѣ
со священникомъ, тремъ свѣчамъ на столѣ, тринадцати за обѣ-

домъ, зайцу перебѣжавшему дорогу, крику ворона, и сотнѣ другихъ случаевъ, изъ которыхъ одни предвѣщаютъ добро, другіе худо; молодежь гадала на святки, старики вѣрили картамъ и раскладывали по нимъ будущее или обращались къ ворожеямъ; при многихъ болѣзняхъ, имѣя подъ руками докторовъ, прибѣгали къ симпатическимъ средствамъ, которыя въ сущности тоже, что *умыванье съ уюлька при глазѣ **) и тому подобныя средства, употребляемыя деревенскими знахарками; многіе вѣрятъ до сихъ поръ, что есть люди, умѣющіе *заговаривать* зубную боль, остановить кровь, текущую изъ раны человѣка или животнаго. На все нужно знать *слово*, говорятъ старики; кажется, простая вещь отравить крысу фосфоромъ или мышьякомъ, но это не всегда удастся, а необходимо, поставивъ на погребѣ черепокъ съ кашей и посыпавъ его *моромъ*, сказать: «пожалуйте гости кушать», и затѣмъ, не попорачиваясь, пятится къ выходу задомъ. Или другой способъ вывести крысъ: надо поймать живую крысу, отнести ее отъ своей избы черезъ семь дворовъ и сказать: «вотъ ваша квартира». Чтобы вывести таракановъ, надо поймать одного или нѣсколькихъ, посадить въ варешку и, войдя къ кому-либо въ избу, сказать: «здравствуйте, ждали ли гостей?» и какъ хозяйена скажутъ: «просимъ милости», то потихоньку, незамѣтно, вытряхнутъ таракановъ изъ варешки. Говорятъ, передъ пожаромъ тараканы начинаютъ копошиться въ избѣ и сами уходятъ вонъ въ такое мѣсто, гдѣ горѣть не будетъ: «такъ и видно, гдѣ они ползутъ цѣлой дорожкой» (с. Полчанниновка). Чтобы избавиться отъ клоповъ, надо, когда священникъ, кончивъ молебенъ, выходитъ изъ избы, сказать хозяйну: «куда помы, туда и клопы». Если это не поможетъ, то когда мужикъ найдетъ чекушку (клинъ или желѣзка, вставляемая въ ось у колеса), взять ее въ избу и, входя, сказать: «чекушка въ домъ, а клопы вонъ». Если нападутъ блохи, надо тоже знать «слово», при которомъ хозяинъ беретъ вѣникъ и водить его крестъ на крестъ по полу комнаты, тогда всѣ блохи соберутся къ порогу и уйдутъ за дверь.

Въ Саратовской губерніи нерѣдко услышишь въ народѣ разсказы, что есть люди, способные «словомъ» вывести крысъ и мы-

*) *Дурной глазъ* (обыкновенно сѣрый) по вѣрованію народа может испортить человѣка или скотину, если посмотреть или похвалить.

шей изъ дому, съ гумна, даже изъ цѣлаго селенія, и вести ихъ стадомъ на другое селеніе или заставить броситься въ рѣку; болѣею частью лица, имѣющія этотъ даръ, являються въ народномъ представленіи людьми, неизвѣстно откуда пришедшими, таинственными. Приведу легенду, давно и крѣпко вкоренившуюся въ Бала-новскомъ уѣздѣ и переданную мнѣ помѣщикомъ сельца Ивалонки, И. А. Саловымъ: «Поздно вечеромъ, въ одинъ постоялый дворъ, недалеко отъ с. Чиркина, пошелъ благообразный старикъ съ сѣдою бородой, одѣтый прасоломъ, и просилъ сидѣльца дать ему четверть вина; когда онъ почти залпомъ осушилъ всю четверть, то объявилъ, что денегъ теперь не заплатитъ, а наградитъ его; сидѣлецъ, набожный и добрый человѣкъ, довѣрилъ почтенному старику и спросилъ его, какой у него гуртъ—крупнаго или мелкаго скота; гуртовщикъ отвѣчалъ, что гонитъ мелкій скотъ, и вышелъ. Сидѣлецъ пошелъ за нимъ на крыльцо и увидѣлъ огромное стадо мышей и крысъ на дорогѣ, которыхъ старикъ погналъ дальше; въ эту же ночь исчезли и всѣ мыши съ постоялаго двора». Дальше легенда добавляетъ, что послѣ того сидѣлецъ пошелъ однажды къ обѣднѣ въ село и сталъ ставить свѣчку Николаю Чудотворцу; взглянувъ на лѣвъ угодника, онъ узналъ привѣтливо смотрѣвшаго на него ночного посѣтителя, старика-прасола, и увидалъ тутъ же на подсвѣчникѣ и деньги за четверть вина.

Знахари и знахарки пользуются народными предразсудками и легковѣріемъ: шепчутъ надъ водкой или водой, даютъ выпить и ежели больному не дѣлается легче, то объявляютъ, что «испортившій» сильнѣе ихъ, и несчастный долго безъ пользы таскается по колдунамъ и ворожеямъ, отыскивая сильнѣйшаго, пока смерть или случайное облегченіе не прекратятъ его розысковъ. Кто изъ простаго народа не вѣритъ въ *приворотъ*; часто услышавъ выраженіе: «приворожила молодца» или «обошелъ молодку»; колдунъ даетъ корень, съ нимъ надо *обойти* того, кого желаютъ привязать къ себѣ, или носятъ *приворотный корень* на крестѣ, либо дать выпить настой изъ *приворотнаго зелья*; вслѣдствіе этого, если кто кого обманетъ, то ходитъ поговорка: «онъ его словно *корнями обвелъ*». Прокричалъ воронъ на крышѣ—крестьянинъ ждетъ бѣды неминуемой; филинъ и сова — вѣщунъ несчастья *); закричитъ ку-

*) Птица часто посылается въ легендахъ нашего народа. Такъ въ с. Лохъ

рица пѣтухомъ—ждуть пожара или покойника; постъ зачесется—значить слышать о покойникѣ или водку пить; ушн горять—не правду говорить; нехорошо увдаться молодой мѣсяцъ съ лѣвой стороны (лѣвымъ глазомъ); крестьяннѣ, не желая худа проѣзжему въ дорогѣ, никогда не перейдетъ передъ нимъ, иначе *пути не будетъ*; ежели встрѣтится баба съ пустыми ведрами, не хорошо путешественнику, ему въ дорогѣ *пусто будетъ*, почему женщина всегда остановится и никогда не *перейдетъ пути*. Въ русскихъ избахъ водятся много черныхъ большихъ таракановъ, которыхъ крестьяне считаютъ за грѣхъ и несчастье убивать, утѣряя, что они приносятъ благополучіе. Въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ, въ курятникѣ неизмѣнно навѣшивается на колѣ горшокъ съ выбитымъ дномъ, чтобы куры сидѣли покойнѣе на пашести; въ помѣщеніи другой птицы этого не дѣлается.

Противъ многихъ бѣдъ и бѣлъзней помогаютъ разные средства: стоитъ сунуть — падо выкопать онойцу съ кладбища и бросить въ воду или оврагъ; за пенмѣніемъ онойцевъ ловятъ лягушекъ и пѣнаютъ за поги на деревьяхъ. Лѣтомъ 1864 года стояла въ Колѣнской волости сильная засуха, хлѣба и травы «горѣли» (сохли) на корню; однажды рано утромъ рабочій арендатора села Бѣдняковки, Якобсона, замѣтилъ въ господскомъ пруду торчащія изъ воды поги; въ испугѣ прибѣжалъ онъ домой, позвалъ старосту и стариковъ, вытащили изъ воды гробъ и торчащаго изъ него мертвеца. Оказалось, что на кладбищѣ разрыта могила, покойникъ былъ Бѣдняковский мужикъ и сильный пьяница: народное суевѣріе, желая вызвать дождь, рѣшило за непмѣніемъ онойцы утопить покойника-пьявицу. Подобный случай былъ и въ дер. Андреевкѣ (Коротковъ хуторъ) Галаховской волости, гдѣ вырытого онойцу крестьяне облили водой и бросили въ оврагъ: слѣдствіе не открыло виновныхъ, но становые хорошо пользовались съ суевѣр-

разсказываютъ приведенную мною выше легенду, какъ каждую ночь громадная птица клеваетъ до мозга голову Куделра. Во время страшной холеры, свирѣпствовавшей въ Саратовѣ въ 1831 году, по разсказамъ старожиловъ, народъ вѣрилъ, что надъ городомъ летала по ночамъ огромной величины черная птица и что дома, надъ которыми она проносилась, махая крыльями, были поражены смертію; вслѣдствіе этого вѣрованія на воротахъ, дверяхъ и окнахъ многихъ домовъ чертили кресты, а на стѣнахъ, для прогнанія нечистой силы, писали священныя слова: «Христосъ съ нами устави!».

ныхъ деревень. У кого не живутъ дѣти, то восприемниками берутъ *соименниковъ* отцу и матери новорожденнаго, или первыхъ встрѣтившихся на улицѣ людей; послѣдніе называются *встрѣчными крестными*. Въ случаѣ тяжелыхъ родовъ, у многихъ крестьянъ (Полчанниковская волость) существуетъ повѣрье, что надо просить священника отворить царскія врата въ алтарѣ церкви, что ускоряетъ роды и даетъ имъ благополучный исходъ*). Многіе изъ сектантовъ Саратовской губерніи до сихъ поръ не допускаютъ оспонрививанія, считая его за положеніе «антихристовой печати». Въ нѣкоторыхъ селахъ Аткарскаго уѣзда (Вѣдняковка) крестьянки выпрашиваютъ въ великій четвергъ, на страстной недѣлѣ, ладонь, оставшійся отъ кажденія во время херувимской пѣсни, и нолтъ имъ младенцевъ, когда они бываютъ нездоровы. Наши крестьянки при колпкахъ у младенца, когда онъ «сучить ножками», *прикалываютъ болѣзнь* краемъ мѣднаго креста на животъ ребенка; кто позажиточнѣе, тѣ обращаются къ священнику, прося отслужить молебень и «приколоть» болѣзнь коніемъ употребленнымъ при совершеніи св. тайнъ. Лишь только младенецъ появится на свѣтъ въ мордоской семьѣ (с. Оркиво), то мать-рожепицу ведутъ въ баню, съ ней несутъ и новорожденнаго, котораго такъ же моютъ и парятъ какъ мать; выхода изъ бани, уносятъ всѣ вещи рожепицы, даже вѣнчикъ, которымъ ее парили, а то *злые люди* могутъ испортить ее. У мордвы, Хвалынскаго уѣзда, для предохраненія ребенка отъ «вѣдупа» (или вѣдьмы), чтобы не съѣлъ сердца его, мать послѣ крестинъ, ежедневно въ теченіи шести недѣль, укладывая ребенка въ зыбку, три раза креститъ его ножомъ и имъ же обводитъ три раза зыбку, затѣмъ кладетъ ножъ подъ подушку младенца. Я сказалъ выше, что мордва суевѣрна и труслива, но бабы ихъ, въ особенности знахарки, бываютъ смѣлы и ночью ходятъ на кладбище затѣмъ, чтобы просить умершихъ знахарей помочь имъ при исцѣленіи больного: знахарка отыскиваетъ нужную ей могилу, ставитъ на ней чашку съ хлѣбомъ и, скобя ножомъ мѣдный трешникъ, проситъ умершаго, о чемъ нужно. Если ребенокъ заболѣетъ *липорадкой* (лихорадкой); мордва Хвалынскаго уѣзда дѣлаетъ слѣдующее: мать идетъ съ нимъ къ старухѣ-знахаркѣ; та для излѣ-

*) Это повѣрье существуетъ и въ Новгородской губерніи.

ченія младенца беретъ три лычка, примѣриетъ ихъ къ ребенку и часть лычекъ, равную длинѣ ребенка, отрубаеъ на шестѣ (въ предпечи); затѣмъ беретъ три пучка лучинокъ, по девяти въ каждомъ, кладетъ въ каждый пучекъ по лычку, кладетъ его на шестокъ, зажигаетъ и надъ дымомъ держитъ больного; когда сгоритъ первый пучекъ, кидается второй, затѣмъ третій и такимъ образомъ ребенка окуриваютъ до трехъ разъ, причемъ старуха приговариваетъ: *сынъ катка сілакъ, ейдисъ некъ сыридинъ*, что значитъ: «ребенокъ хвораетъ, кошка бери хворь ребенка». Мордовскія знахарки въ с. Оркинѣ, Саратовскаго уѣзда, не такъ давно начали употреблять оригинальное лекарство отъ лихорадки больному даютъ клоповъ, которыхъ владутъ потихоньку отъ него въ хлѣбный мякишъ, закатывая его въ родѣ пилюли; послѣ приѣма такого лекарства больного рветъ ужасно и лихорадка иной разъ проходить.

Въ русскомъ народѣ лихорадку лѣчатъ тоже разными *заговорами*. Знахарки толкуютъ, что эта болѣзнь имѣетъ 12 видовъ и есть ничто иное какъ 12 дочерей *Иродовыхъ*. У нѣкоторыхъ старухъ-знахарокъ сохранились еще рукописныя *грамотки* молитвъ, заклинающихъ лихорадку. Одна изъ такихъ найдена въ Хвалынскомъ уѣздѣ княземъ О. С. Голицынымъ. Содержаніе ея слѣдующее:

Грамотка отъ лихорадки. «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Сей списокъ взять бысть въ Царѣ-Градѣ у престола Господня отъ всякія болѣзни. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помози мнѣ грѣшному во всѣхъ притчахъ и скорбѣхъ рабу твоему (имя рекъ) изнемогати. Аминь, аминь, аминь. Святому отцу Сисевію, свидѣтелю на горѣ Синайстей, подъ дубомъ Маврійскимъ, идущимъ мимо его 12 дѣвицъ, онъ рече къ нимъ: окаянныя дьявольницы, что есть вы и къ кому идете? Изъ нихъ рекоша: мы тресавицы, идемъ отъ Ирода царя мучить вашъ родъ человѣческій. И сталъ просить святой отецъ Сисевій: Господи Боже! Избави родъ человѣческій отъ таковыхъ дьявольницъ! Господь послѣ святаго архистратига Михаила и четырехъ евангелистовъ: Маттея, Марку, Луку и Іоанна Богослова. Они же ихъ поймаша и начаша мучити тремя дубцами желѣзными и даша имъ множество ранъ. Онѣ, окаянныя дьявольницы, начаша молиться: Святой отецъ Сисевій и св. архистратигъ Михаилъ и четыре

евангелиста Матеей, Марка, Лука и Іоаннъ Богословъ, не мучьте насъ! Мы, гдѣ имена ваши слышимъ, того ради мужеска и женска пола будемъ бѣгать за три поприща. И рече св. отецъ Сисеній и св. архистратигъ Михаилъ и четыре евангелиста Матеей, Марка, Лука и Іоаннъ Богословъ: окаянны дьявольницы, (что) есть имена ваши? И рече одна: 1-я, мнѣ бо есть имя *Тресовица*, како печь распалаетъ дрова, тако распалю у человѣка вси кости; 2-я, мнѣ бо есть имя *Медія*, зноблю у человѣка всѣ уды и тотъ человѣкъ въ печи согрѣться не можетъ; 3-я, мнѣ бо имя *Чемія*, ложусь у человѣка въ головѣ и закладываю уши и тотъ человѣкъ бываетъ глухъ; 4-я, мнѣ бо есть имя *Прустоша*, ложусь у человѣка подъ ребромъ; тяжело тому человѣку вздыхать; 5-я, мнѣ бо есть имя *Кародія*, ложусь у человѣка подъ вздыханіемъ, аще что вкусить, съ души скиветъ; 6-я, мнѣ бо есть имя *Коркуша* отъ всѣхъ проклятая, ручныя и пожныя жилы свою; 7-я, мнѣ бо есть имя *Ломія*, ломлю человѣка всѣ кости; 8-я, мнѣ бо есть имя *Желтодія*, какъ желтыя въ полѣ цвѣты, такъ человѣкъ желтѣетъ; 9-я, мнѣ бо есть имя *Пухлія*, пускаю въ человѣка пухоль; 10-я, мнѣ бо есть имя *Нелюбія*, ночью сна не даю и къ себѣ никого не допускаю и съ ума сшибаю; 11-я, мнѣ бо есть имя *Серпуша*, всѣми проклятая, смыкаю жилы въ одно мѣсто; 12-я, мнѣ бо имя *Несія*, всѣми проклятая и старѣйшая тресовица, при Иродѣ царѣ усѣкнувъ главу Предтечи, и не иматъ человѣкъ живъ быть отъ той болѣзни.

«Аще кто хочетъ сію молитву читать на здравіе тѣла и отогнаніе проклятыхъ тресовицъ, свѣце да творить или читаетъ надъ главою болящаго. И ты сними съ него крестъ и положи въ воду и глаголи: во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь (трижды). Окаянны дьявольницы, заключаю (заклинаю?) васъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Пречистою Дѣвою Богородицею и всѣми святыми, архистратигомъ Михаиломъ, преподобнымъ отцемъ нашимъ Сисеніемъ и четырьмя евангелистами: Матеемъ, Маркою, Лукою и Іоанномъ Богословомъ. Окаянная ты еси тресовица, окаянная ты еси Медія, окаянная и т. дал. (до 12-ти), побѣдите отъ раба божія (ими рекъ). Аще не побѣдите, то призовемъ на васъ св. арх. Михаила, препод. отца Сисенія и четырехъ евангелистовъ: Матеея, Марка, Луку и Іоанна Богослова, и дать вамъ по тысячѣ ранъ; отыдьте, окаянныя, отъ раба божія (имя рекъ) во имя Отца и

Сына и Св. Духа, Амвпъ (трижды). Сія вода дается рабу Божию (имя рекъ) на здравіе тѣла и отогнаніе проклятыхъ тресовицъ. Амвпъ (трижды).

Въ народѣ есть еще средство отъ лихорадки — *завязать ее*: для этого щепать въ лѣсу молодой дубокъ и въ разщепъ вкладываютъ тряпку; кто затѣмъ коснется до нея, схватитъ непремѣнно эту болѣзнь. Въ народѣ употребляются отъ лихорадки почки *благословенной вербы*, раздаваемой мірянамъ въ церкви на заутреню вербнаго воскресенія; почку эту закатываютъ въ шарикъ хлѣбнаго мякина и даютъ проглотить больному. Въ Балаиновскомъ и Аткаревскомъ уѣздахъ крестьяне лѣчатся слѣдующимъ домашнимъ средствомъ. Въ маѣ стригутъ ржаную озимь, рѣжутъ ее на мелкія части и затѣмъ наставляютъ въ продолженіи 12 дней въ хорошей очищенной водкѣ; настой этотъ пьютъ по рюмкѣ передъ обѣдомъ и ужиномъ; утверждаютъ, что онъ помогаетъ лучше хіны; настойка эта употребляется и въ Саратовскомъ уѣздѣ, по противу ломоты, отъ лихорадки же наставляютъ на водкѣ и пьютъ цвѣты ландышей, а такъ же полынь. Когда младенецъ боленъ грижей, то народъ очень часто употребляетъ у насъ слѣдующее средство: отецъ и мать несутъ его въ лѣсъ, отыскиваютъ два рядомъ растущихъ молодыхъ дубка и становятся другъ противъ друга, три раза передавая ребенка одинъ другому въ прогалъ между ними, потомъ связываютъ съ него рубашенку и пеленку, оставляютъ ихъ въ лѣсу, обвязывая ими дубокъ. Этотъ способъ лѣченія называется мѣстами *отнобъ* и употребляется въ разныхъ дѣтскихъ болѣзняхъ, въ особенности собачьей старости (родъ сухотки у ребенка). *Жабу* (горловую опухоль) знахарки лѣчатъ слѣдующимъ образомъ: «бабушка» три раза обводитъ больное мѣсто пальцемъ, причемъ шепчетъ заговоръ и затѣмъ три раза давитъ больное мѣсто о приступокъ печи. При заушницѣ, или синикѣ, берутъ теплый павозъ изъ-подъ свиньи (*свиное инъздо*) и этимъ припариваютъ заушницу; болѣзнь какъ увѣряютъ, проходитъ. Если ребенокъ боленъ собачьей старостью, то сажаютъ его вмѣстѣ съ кутенкомъ (щепкомъ) въ натопленную печь *), куда влѣзаетъ бабка и вѣвникомъ хлещетъ разъ по ребенку, разъ по кутенку, до трехъ разъ, приговаривая: «возьми

*) Русская печь такъ велика, что у насъ крестьяне парятся въ ней вмѣсто бани.

мою старости, отдай здоровье». Если кутенок затѣмъ околѣетъ (на второй или третій день), то ребенокъ неизмѣнно выздоровѣетъ, въ противномъ случаѣ *засохнетъ* (с. Полчапиновка, 1883 года). Если ребенокъ очень плохъ и ему не помогаютъ никакія средства, то крестьяне прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: когда подходитъ къ окну вищій просить милостыню, то ему подаютъ черезъ окно больного ребенка, тотъ обходитъ съ нимъ нѣсколько дворовъ и затѣмъ возвращается къ той же избѣ, гдѣ мать *покупаетъ* у него свое дитя, полагъ нищему нѣсколько конфетъ и принимая его отъ него, тоже черезъ окно. При рожденіи ребенка, какъ въ крестьянскомъ быту, такъ и другихъ сословіяхъ, существуетъ въ Саратовской губерніи обычай завертывать младенца при его появленіи въ свѣтъ въ отцовскую рубашку, причемъ послѣдняя имѣетъ здѣсь символическое значеніе связи ребенка съ отцомъ.

Много символическихъ значеній предметовъ и существующихъ еще обрядовъ забыты теперь нашимъ народомъ: такъ исчезъ у насъ въ Саратовской губ. очень древній символъ *порога*, хотя и до сихъ поръ ни кунецъ, ни крестьянинъ, не подаютъ руки гостю черезъ порогъ, «чтобы не поссориться». Сохранился также у знахарокъ и бабушекъ слѣдующій способъ лѣченія: когда болитъ поясница, то больного ставятъ нагнувшись надъ порогомъ, или кладутъ на порогъ, на поясицу накладываютъ чистый (новый) березовый вѣнчикъ; затѣмъ старуха (бабушка) беретъ топоръ и слегка три раза *стечетъ* (рубить) по этому вѣнчику; при этомъ больной спрашиваетъ: «что бабушка рубишь?» та отвѣчаетъ: «рублю *типунъ*». Больной говоритъ: «руби хорошевыко». Вопросы и отвѣты повторяются три раза. Когда женщина долго мучится родами, то бабушка проводитъ ее три раза черезъ порогъ; это облегчаетъ роды: «Богъ ее прощаетъ», и она скоро затѣмъ рождаетъ. Это и теперь водится у всѣхъ русскихъ бабушекъ *).

Нѣмцы саратовскихъ колоній (Ягодно-Полянская волость, Саратовскаго уѣзда) тоже не лишены предразсудковъ и суевѣрій, преимущественно при лѣченіи больныхъ и припадочныхъ, причемъ часто прибѣгаютъ къ колдовству. Они лѣчатъ *водобоязни* (бѣшенство) особыми

*) Въ Белоруссіи, послѣ крестинъ, отецъ кладетъ ребенка на нѣсколько минутъ на порогъ, что называется «освятить дитя черезъ порогъ».

билетиками, исписанными какими-то таинственными знаками, приписанными къ нимъ въ старину, которые они даютъ съѣдать большому человеку или животному. Въ «Саратовск. Губ. Вѣдом.» за 1859, № 15, есть свѣденіе, что пѣщцы Камышинскаго уѣзда давно уже лѣчатъ билетиками людей и скотъ, укушенныхъ бѣшенными животными, а также падежъ скота, давая ихъ съѣдать больному. Такіе же билетики употреблялись ими и отъ лихорадки. Слова на такихъ запискахъ не имѣютъ никакого смысла, какъ: «Was, Das, Ewas» или «Bel, Bore, Nazel, Kazel», также «Pacus» или «Pakas».

Для прекращенія падежа рогатаго скота, народъ въ Саратовскомъ уѣздѣ употребляетъ слѣдующее средство. Въ 1860 году въ дер. Ивановкѣ (Полчаниновской волости) былъ сильный падежъ, мужики навалили въ баракъ (оврагъ) хворосту и, потушивъ всѣ огни въ селеніи, жгли на томъ кострѣ кости палыхъ животныхъ, а черезъ дымъ гнали скотину. Падежъ былъ и въ дер. Ѳеодоровкѣ (той же волости): крестьяне по совѣту знахаря прорыли мысъ между верхами Грунниа Барака, гдѣ крестьянка Аграфѣя зарыла своихъ палыхъ коровъ, и прогнали скотину по этому корридору; приглашенный священникъ стоялъ въ это время на верху и окроплялъ животныхъ святою водою; пока длилась эта церемонія, огонь во всей Ѳеодоровкѣ былъ затушенъ и послѣ того его добывали посредствомъ тренія деревяшекъ; утверждаютъ, что падежъ тотчасъ же прекратился. — Для предохраненія домашняго скота отъ заразы существуютъ въ Аткарскомъ уѣздѣ (с. Бѣдняковка) слѣдующія повѣрья. На Пасху, во время служенія пасхальнаго молебна въ домѣ, подъ *столешникомъ* (скатертью) на столъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны лежать крестъ и евангеліе, насыпаютъ нѣкоторые соли, другіе — проса и пшена, смотря по надобности домохозяина; солью затѣмъ кормятъ домашній скотъ, чтобы не хворалъ и болѣе плодился, а просомъ и пшеномъ — куръ, чтобы болѣе неслись и разводились. Выгоняя домашній скотъ на пастбище, прогоняютъ его черезъ «курево» (дымъ), напередъ разведенное въ концѣ селенія, чтобы не приставала зараза. Съ тою же цѣлью, выгоняя въ первый разъ стадо въ поле, сгоняютъ со двора скотъ *благословенной вербой*, которая раздается въ церкви у заутрени на вербное воскресенье *). На Троицкій день берутъ изъ

*) Въ Новгородской и Псковской губерніяхъ выгоняютъ въ первый разъ

церкви траву и кормят ею домашній скотъ, что по убѣжденію крестьянъ предохраняетъ отъ падежа. *Опахиваніе* селеній сохою, въ которую вырываются дѣвки, ночью, для предохраненія селенія отъ падежа скота, встрѣчалось въ Колѣнской волости (Аткарскаго уѣзда) еще въ 1860 годахъ; теперь о немъ не слышно.

Въ Хвалынскомъ уѣздѣ, чтобы предохранить свой домъ отъ *вѣдуновъ*, мордвинъ вѣшаетъ черезъ заборъ на улицу лапоть съ оборками.

Во многихъ селеніяхъ Саратовской губерніи какъ у русскихъ, такъ и мордвы, распространены рукописныя апокрифическія сказанія, которыя крестьяне чтутъ наравнѣ съ священными книгами, а нѣкоторые носятъ постоянно при себѣ, вѣря въ ихъ чудодѣйственную и цѣлебную силу отъ всякой папасты. Многие съ этой же цѣлью заучиваютъ ихъ паизустъ и убѣждены, что эти списки сняты съ рукописей, полученныхъ *свыше*. Это — религіозно-фантастическія сказанія изъ Ветхаго и Новаго заветовъ: сказанія объ Адамѣ и Евѣ; о древнѣ крестномъ; о Раѣ; плачъ Адамовъ; о рукописаніи Адамовомъ; о главѣ Адамовой; о имени Адамовѣ; Сонъ Богородицы; Свитокъ Іерусалимскій; Хожденіе Богородицы по мукамъ; списокъ 12 пятницъ; списокъ дней, которые слѣдуетъ хранить всякому человѣку **). Эти апокрифическія сказанія перешли въ Россію еще въ старину изъ Византии и хотя церковь строго за-

всеною скотъ благословенной вербой, служатъ при этомъ общій молебенъ и кропятъ его святою водою.

**) Въ Тамбовской ученой архивной комиссіи хранятся рукописныя и печатныя апокрифы: 1) *Сказаніе о чудесахъ Богородицы* (написана въ г. Олоонецкѣ въ 1680 году), гдѣ между прочимъ говорится о рожденіи Спасителя: «Яко лучъ солнца чрезъ стекло проникаетъ, не нарушивши стекла, тако и Христосъ родился отъ пречистыя Дѣвы, проникнувъ сквозь тѣло Ея, дѣвства ключа не вредилъ, но словеси пророка Іезекиила: та прата заключена будутъ и не отверзутся и никто же пройдетъ ими, яко Господь Богъ Израилевъ впадеть ими». (Журн. Тамб. Архивной Комиссіи, 1885, № 46). 2) Печатанная въ Почаевской типографіи апокрифическая книга: *«Сказаніе о вольномъ страданіи и о тайной вечери Господа нашего Іисуса Христа, какъ волею своею нашего ради спасенія страсть претерпѣ, и о благовѣстіи Іоанна Предтечи во адѣ, и о сшествіи Господа нашего Іисуса Христа во адъ, и о радости праведныхъ, и о воскресеніи Господни и о введеніи праведныхъ въ рай»*. (Журналъ Тамбовской Архивной Комиссіи, 17 февраля, 1886).

прещала чтеніе и распространеніе этихъ сказаній, онѣ читались и переносывались съ жадностію.

Болѣе всего распространенъ въ Саратовской губерніи *Сонъ Богородицы*, обыкновенно крайне искаженный переписчиками; вѣтозавѣтные апокрифы встрѣчаются очень рѣдко и я приведу въ нересказѣ сказаніе о предсмертныхъ часахъ жизни Адама:

Сказаніе о вѣ Адамѣ. Проживъ 900 и 30 лѣтъ и родивъ 30 сыновей и 30 дочерей, Адамъ впалъ въ смертную чрепую болѣзнь, отъ которой пришелъ въ ужасъ, такъ какъ до той поры не зналъ, что такое болѣзнь, почему велѣлъ собраться всѣмъ своимъ потомкамъ, которые сошлись и стали на три стороны. На вопросъ Сіаа, отъ чего приключилась эта болѣзнь и не можетъ ли онъ для утолснїя ея принести чего-либо изъ рай, Адамъ разсказалъ имъ исторію своей жизни, о сотворенїи Богомъ рай и порученїи на храненіе Адаму восточной и сѣверной сторонъ, а Евѣ—западной и южной; объ искушенїи Евы отъ дьявола и бѣдствїи, постигшемъ ихъ обомъ послѣ паденїи: въ сторонѣ рай, порученной охраненїю Евы, появился дьяволъ, принявшій видъ ангела, и разговаривая съ Евой, оторвалъ отъ запрещенной смоковницы вѣтвь съ плодами и подалъ Евѣ; лишь только она вкусила отъ запрещеннаго плода, врагъ исчезъ и всѣ деревья рай сбросили съ себя листья. Ева почувствовала свою наготу и заплакала, но въ это время увидала смоковницу, на которой только и оставались широкіе листья и скрылась подъ пекъ. По паденїи Адама изъ этихъ листьевъ они сдѣлали себѣ одежду; въ это время раздался звукъ трубы архангела Михаила, созывающій ангеловъ въ рай, чтобы услышать судъ божїи надъ Адамомъ. Посреди рай, подъ древомъ жизни, возвышается престолъ, на который, при словесїи ангеловъ, сошелъ съ неба самъ Богъ: мгновенно, съ величайшей пышностію, снова разцвѣли всѣ деревья рай. Когда ангелы стали изгонять изъ рай осужденныхъ, Адамъ просилъ ихъ помедлѣть, чтобы умолять милость Божїю; но Богъ укорилъ ангеловъ и отказалъ имъ милости. Семь (по другимъ спискамъ 15) дней сидѣли изгнанные прародители у воротъ рай и, припадая къ землѣ, горько плакали; наконецъ, Ева изнемогла и вмѣстѣ съ Адамомъ отправилась искать по землѣ «свѣднаго», но обошедши всю землю и вичего не сыскавши, они возвратились къ раю и

снова стали горько плакать: «Рая, мой рай!—восклицалъ Адамъ,— красота неизреченная, меня ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ; Милостиве, помилуй мя надшаго!» И Господь умили-сердился, послать ангела Юиля, который отдѣлялъ имъ седьмую часть рая, гдѣ они поѣли сначала плода терноваго, но потомъ явился архангелъ Михаилъ, привесъ шпеницы и меду и «поставилъ ихъ на дѣла ручныя». Адамъ занялся земледѣліемъ, но дьяволъ явился къ нему и сказалъ: «Небеса и рай суть Божіи, а земля моя; если хочешь быть Божій—иди въ рай, а хочешь быть мой—дай мнѣ рукописаніе за себя и родъ свой, и дѣлай землю». Адамъ отвѣтилъ: «чья земля, того и я», и далъ рукописаніе дьяволу *); но послѣдній все еще продолжалъ преслѣдовать прародителей. Чтобы избавитъ себя отъ него, Адамъ и Ева наложили на себя 40-дневный постъ: «Ева вошла по шею въ рѣку Тигръ, положивъ одинъ камень подъ ноги, а другой въ голову, каялась и молилась тамъ; а Адамъ отправился къ Иордану, въ струихъ котораго молился 40 дней, — сюда собрался къ нему звѣри и птицы, явились съ небесъ ангелы и стали молиться за него. Дьяволъ же, принявъ видъ ангела, отправился къ Евѣ и уговаривалъ ее выйти изъ воды, потому что Богъ услышалъ ея молитву; но Ева осталась въ водѣ, пока пришелъ за нею Адамъ.—Далѣе въ апокрифѣ разсказывается о поселеніи прародителей въ Мадіамъ, о рожденіи Каина и Авеля, объ убіеніи Авеля и рожденіи Сивы; но Адамъ не успѣлъ окончить разсказа и призвалъ Еву, сказавъ ей, что «душа его исходитъ изъ него», и пожелалъ получить изъ рая масляниую вѣтвь. Ева съ Сивомъ отправились за нею; на пути звѣрь горгонтій бросился на Сиву, но тотъ поразилъ его. Долго плакали они, подходя къ дверямъ рая; наконецъ, явился ангелъ и объявилъ, что отъ болѣзни Адама нѣтъ лекарства, такъ какъ

*) Въ другихъ апокрифахъ сказано, что Адамъ далъ рукописаніе, напуганный темнотою ночи, когда дьяволъ обѣщалъ ему возвратитъ дневной свѣтъ. Въ иныхъ же говорится, что онъ далъ оное за то, что дьяволъ освободилъ Каина отъ 12-ти «змѣиныхъ головъ», съ которыми тотъ родился. Рукописаніе это, данное на камнѣ, дьяволъ скрылъ въ Иорданѣ и велѣлъ змѣинымъ головамъ оберегать его; но Христосъ, при крещеніи своемъ, поразилъ змѣй и разрушилъ камни, а потомъ, сошедши въ адъ, окончательно уничтожилъ и остатки этого рукописанія, скрыты тамъ дьяволомъ.

приблизилась его смерть, а далъ три вѣтки: *пѣва* *), *кедра* и *кипариса* (по другимъ сказаніямъ: далъ вѣтвь отъ дерева, изъ-за котораго Адамъ изгнанъ изъ рай). Изъ этихъ вѣтвей Адамъ сдѣлалъ *вѣнецъ* и положилъ его на голову; въ это время онъ увидѣлъ простертую къ нему руку Господню и съ отверзтыхъ небесъ явилась кадильница съ ладаномъ и три ангела со свѣщами. Для духа Адамова Господь назначалъ пребываніе на третьемъ небѣ, а тѣло приказалъ арх. Михайлу отнести въ рай. Когда ангелы принесли тѣло, то съ неба раздался гласъ Божій: «земли еси и въ землю пойдешь»; на это земли отвѣтила: «Твоя отъ твоихъ, тебѣ приносяще отъ всѣхъ».

Послѣ Адама скоро скончалась и Ева; арх. Михаилъ научилъ Сива похоронить ея тѣло блвзъ тѣла Адама и Авеля. Затѣмъ начинается въ извѣстныхъ изданныхъ апокрифахъ сказаніе — о крестномъ древѣ, мѣ не встрѣчавшееся въ народѣ.

Привожу далѣе рукописныя статьи, часто встрѣчаемыя у русскихъ и мордвы Саратовской губерніи:

Сонъ Богородицы. «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Сонъ Пресвятыя Владычицы и Присно-Дѣвы Маріи. Во градѣ во Внолсемѣ Іудейскомъ уснула Пресвятая Богородица на одрѣ своемъ; увидѣла сонъ о сынѣ своемъ Іисусѣ Христѣ и возстала отъ сна своего, и приде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ и рече къ ней: мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, спала еси во святомъ градѣ во Внолсемѣ Іудейскомъ, что во сиѣ видѣла? И рече ему Пресвятая Богородица: сынъ мой возлюбленный, сладчайшее мое чадо, Іисусъ Христосъ. Спала еси **) въ мартѣ мѣсяцѣ во святомъ градѣ Внолсемѣ Іудейскомъ и увидала сонъ дивенъ: архангела Гавріила безплотныхъ силъ... (дальше въ разборчиво). Глаголаша: правду видѣла еси сонъ зѣло страшенъ. Тебя Господа моего Іисуса Христа жидове поймали и связали и привели къ Понтійскому Пилату Игемону, ко древу кипарису распяли, руцѣ и позѣ гвоздями пригвоздили, и терновъ вѣнецъ на главу твою святую возложенъ, и по главѣ ударенъ и ошлеванъ и ребра твоя святыя копіями прободоша, и абіе изыде кровь и

*) Должно быть: «пѣва».

**) Т. е.: еси, есмь.

вода на изцѣленіе христіанамъ и на спасеніе душамъ нашимъ. И Никодимъ старецъ тѣло твое со креста спялъ и благообразный Іосифъ плащаницею чистою обвивъ и во гробѣ новомъ положешъ. Въ третій день воскресъ еси изъ мертвыхъ и всему міру даровавъ животъ вѣчный и разодръ рукописаніе Адамово. И рече смѣхъ Божій: мати моя, Пресвятая Богородица, во истину сонъ твой положенъ и праведенъ.—Аще кто его въ пути съ собою носитъ, тому человѣку не прикоснется дѣволъ, ни золъ человѣкъ, и отъ мечаго посѣченія скорое избавленіе получитъ. Аще кто сонъ твой содержитъ въ чистотѣ, къ тому дому ни огонь, ни разбойники не прикоснутся, здравіе скотамъ, прибытокъ и по водамъ пристанище будетъ. Который человѣкъ сонъ твой при смерти помянетъ, или кого заставитъ прочитати, тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ вѣчной муки, огня неугасимаго, червя неусыпающаго, гѣмы кромѣшней и тартары преисподней, и ангели Божіи возьмутъ душу честно и понесутъ до царствія небеснаго и отдадутъ Аврааму въ рай. Аминь». «Сей листъ Божій былъ у гроба Господня въ Іерусалимѣ; нана Римскій, о славіи Господа нашего Іисуса Христа, послалъ его брату своему королю, на противъ непріятель. Тотъ листъ такую имѣетъ силу: кто его хочетъ читати и слушать, такому человѣку на 40 дней отпущеніе грѣховъ будетъ, и породитъ отроча легко, и стережетъ такового во дни и ночи отъ каждой гадины и отъ дѣвола искаріотскаго. И прошу тебя, Господа моего, черезъ муку твою святую, которую претерпѣлъ за насъ грѣшныхъ, Іоанна пророка и Предтечу Крестителя Господа нашего Іисуса Христа, остереги меня раба Божія отъ огня и меча, стремленія соблуди мои и отъ казненія избави».

«Сей листъ найденъ въ землѣ греческой на горѣ Елеонской, предъ образомъ Архангела Микхаила; листъ писанъ золотыми литерами. И рече Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго: мати Божества моего, ежели бы день недѣльный читали.... (пропускъ, неразборчиво *); я вамъ далъ 6 дней рабовать, а седьмой день въ недѣли освятиша. Ежели повелѣніе мое не будете хранили, папушу на васъ, и возставутъ царь на царя, король на короля, отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата, сосѣдъ на

*) Приводя здѣсь бывшіе у меня въ рукахъ апокрифы, я не измѣняю чтенія, исправляя только безобразныя искаженія писавшаго.

сосѣда, и будетъ между вами великое кровопролитіе на землѣ. И всѣхъ васъ оскорблю (?) и нищу отъ васъ отыму. Еще васъ наказывать буду громомъ и сіѣгомъ, и вапуку на васъ птицъ летающихъ, пачнутъ летать и кусать, и будетъ злое похѣтріе восходить. Еще приказываю вамъ, дабы въ субботу по вечеру не работали для Матери Моея, Пресвятой Богородицы, и ежели бы она за васъ не молилась и ангели ваши хранители, уже бы вы давно погвбли горькою смертію. Въ Воскресенье Христово, въ недѣлю дабы каждый человѣкъ, старый и молодой, съ женами и дѣтьми своими до церкви Божьей ходили и воспоминали о грѣхахъ, что согрѣшили за эту недѣлю, и всякихъ работъ не работали бы и злыхъ дѣлъ не творили бы. Да еще вамъ приказываю ради Матери Моея Пресвятой Богородицы, ради ангеловъ вашихъ хранителей, не клянитесь небомъ и землею; гнѣвъ не держите другъ на друга; святителей чтите, нищимъ и убогимъ милостыню подавайте, не гордитесь, отца и мать чтите, то дамъ вамъ царствіе небесное и отпущу грѣхи ваши и дамъ покой вѣчный. Последнее вамъ приказываю, дабы вѣрили сему листу и ежели который человѣкъ сему листу вѣрить не будетъ, тотъ человѣкъ безъ причастія за грѣхи свои умретъ злой смертію. Ежели который человѣкъ сему листу вѣрить будетъ и сей листъ при себѣ имѣть будетъ отъ дому до дому читать, или писать и списавши отсылать по дальнѣйшимъ странамъ, и тотъ человѣкъ, если бы что имѣлъ то (какъ) на небеси звѣзды, или какъ песокъ въ морѣ, или какъ листь на деревѣ, отпущеніе грѣховъ будетъ в царствіе небесное получить. Ему же честь и слава пивѣ присно и вѣвѣки вѣковъ, аминь». (У мордвы с. Оркина, Саратов. уѣзда, 1880 года).

Сонъ Пресвятыя Богородицы Дѣвы Маріи (какъ заговоръ). «Почивала Марія матушка Пресвятая Богородица во святомъ градѣ во Внолесмѣ Іудейскомъ и прійде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ и рече Ей: Мати моя возлюбленная, спала еси во святомъ градѣ во Внолесмѣ Іудейскомъ, что ты во снѣ видѣла? Она же рѣче: крестъ, аггеловъ изва, со мною рабою Божіею колесница и сила съ херувимами и серафимами и небесными силами, архистратигами. Михаѣль архангелъ и Уріѣль архангелъ оградите меня съ кандидатами (?) своими святыми, закройте ризами своими нетлѣнными и да благословите меня во всякомъ времени, отъ

стрѣлы и пули защитите меня ризами своими нетлѣнными, и отъ колдунѣвъ и отъ колдунѣвъ, и отъ всякихъ притокъ, всякихъ заговоровъ и отъ всякаго глазу печистаго, отъ ружьевъ и пистолетовъ, отъ мушкетеновъ, отъ стрѣлъ летящихъ: свинцовыхъ, желѣзныхъ и пуль чугуновыхъ, каменныхъ и всякихъ злыхъ вещей не были бы на меня раба Божія (имя рекъ), или надите въ сыру землю, надите и оглушите непріятелей пули и стрѣлы и страхъ нестерпимый, аки стрески (стрѣлки?) огненной, уже по повелѣнію Господню небо и земля потрясется, вся та суть ужасошася, которая меня раба хочеть стрѣлою убить, кровь мою пролить. Ляхіе люди, супостаты, воры, разбойники, таковы противъ меня раба Божія (имя рекъ) сопротивниковъ и злыхъ людей, тѣхъ изъ сердца жилие в суставы и горячую кровь, и потрясется, и ужаснулся-бы Господа Іисуса Христа, Сына Божія. Помилуй мя грѣшнаго раба своего! Ты Господи — Богъ, я рабъ твой, а Ты заступникъ и всякому дѣлу помощникъ, меня раба Божія (имя рекъ) на семъ свѣтѣ утверди, тѣло и душу, сердце съ печенью, кости съ жилами, суставы, горячую кровь, и не сотвори булату крѣпкому отъ злыхъ людей, отъ пуль острыхъ и отъ всякаго смертнаго побоища, и защити ризами своими нетлѣнными. Ты Господи терпѣливый... (неразборчиво) всякому душу неповинную. Спаси всякаго человѣка, Ты Господи, терпѣливый грѣхамъ нашимъ темнымъ, пожди раба Божія на покаяніе, и сохрани того и съ душою отъ смерти, Владыко многомилостиве Создателю, сотворивый небо и землю, аминь». (Списано у Мордвы с. Оркина, въ 1880 г.).

Сонъ Богородицы (*какъ стихъ*). Князь Ѳ. С. Голицынъ записалъ со словъ 80-лѣтней старухи, Анны Яковлевны, изъ с. Одоевщины, Хваланскаго уѣзда, «стихъ» о свѣ Богородицы («Саратовскій Сборникъ», т. I, 1881):

Матушка Марія,

Ты гдѣ спала, припочивала?

— Во городѣ Виноземѣ,

Въ Божьей Церкви на престолѣ;

Мало починьки спалось,

Много во снѣ видѣлось;

Во-вторыхъ Христа породила,

И во цѣлехъ целовала,

Да и въ полѣ совивала;
Во Иорданѣ Христа искупала,
И на той святой рѣкѣ, на Иорданѣ,
Выросло святое дерево кипариса;
На тѣмъ святымъ деревѣ кипарисѣ
Явился чуденъ крестъ животворящій,
И на тѣмъ чуднымъ крестѣ животворящемъ
Быть Иисусу Христу распятому.
На крестѣ Христа распіяли,
Руки, ноги гвоздьми прибивали,
А тутъ копьемъ ребро прибрюшали,
Торпцомъ вѣнокъ набивали,
Святую кровь проливали,
Уста кровью помазали.
На крестѣ Христосъ возопиулся,
Во сыру землю опустился,
Песками засыпался,
И камнями заложался,
И приставили къ Иисусу Христу
Иудей полки — полками.
Какъ полки во кругъ свернулись,
Такъ истиннаго Христа
Святымъ Духомъ не взвидали,
И вознесся самъ Господь
Ко Матушкѣ ко Маріи.

И сталъ Иисусъ говорить
— Матушка Марія, спишь или не спишь,
Али на меня Христа вдвое зришь?
— «Сладкое Мое сыне, Иисусъ Христосъ,
И сплю и не сплю,
И на тебя Христа вдвое зрю;
Привидима мнѣ страшѣнъ совѣ
И грозенъ и милосливъ».
Да кто этотъ совѣ поймасть,
Рабъ или рабыня,
Во очищеніи пребываетъ,
И по трѣжде на день

Проговаривать станетъ,
 Тотъ человѣкъ
 Сохраненъ будетъ, помплованъ;
 Сохранить его Господь
 Отъ огня отъ палищаго,
 Отъ смолы кипучей,
 Отъ муки вѣчвой,
 Отъ тьмы кромѣшной;
 И сохранить Господь
 При путѣ при дорогѣ,
 При чистыи полѣ,
 При сивимъ морѣ;
 Сохранить его Господь
 На водахъ, на моряхъ
 И на потопахъ.

Слава Отцу и Сыну и Св. Духу и нынѣ и присно и во вѣки
 вѣкомъ, аминь.

По народнымъ помятіямъ стихъ этотъ обладаетъ цѣлебными и чудесными свойствами и читается для исцѣленія больныхъ, а также въ видѣ заговора, при встрѣчѣ съ дикимъ человѣкомъ: въ последнемъ случаѣ въ концѣ стиха, послѣ словъ «и на потопахъ» прибавляютъ:

Сохрани меня Господи
 Отъ пуговицы отъ мѣдной (отъ пула)
 И отъ обука желѣзнаго (топора).

Вариантъ. Слѣдующій вариантъ «Сна Богородицы» самый распространенный въ Хвалынскомъ уѣздѣ, списанъ княземъ Голицынымъ съ рукописи:

«Спала еси мать наша, Пресвятая Богородица, во святомъ градѣ во Вилеемѣ Іудейскомъ и приде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ и рече ей: О мати моя, пречистая Богородице! спши ты или нѣтъ? Рече къ нему пречистая Богородице: возлюбленный сыне, Боже мой, сладчайшее мое чадо и сердце! заспула я на малъ часъ въ мартѣ мѣсяцѣ во святомъ градѣ Вилеемѣ и видѣла сонъ весьма страшень: какъ-бы тебя Господа Бога моего Іисуса Христа, у жидовъ пойманнаго, руда и нози твои отъ беззаконныхъ жидовъ связана и приведеннаго къ Понтійскому Пи-

лату Игемону, осужденнаго на смерть крестную и на гору Голгоу за святую выю цѣлю влеча; въ лице твое святое плеваху, руки и позн ко кресту пригвоздиша, терновъ вѣпецъ на главу твою святую возложиша, тростію по главѣ твоей удариху, оцтомъ съ желчію напоиша; отъ воинъ коіемъ ребра твоя святая прободена, изъ нихъ изыде кровь и вода. Рече къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ: во истину сонъ твой не ложенъ, а праведенъ есть, потому что глаголемое тобою сбудется,—что буду отъ беззаконныхъ жидовъ поруганъ и на крестѣ распятъ, и въ третій день воскресну, всѣмъ мертвымъ животъ даруя, сущихъ изъ ада съ собою возведу и на небеса вознесу, и тебя, Пречистая Матерь, поученіемъ своимъ возвеличу; на небеса вознесемъ со мною во вѣки вѣкомъ, аминь.

«Аще кто человекъ сей Сонъ Богородицынъ въ домѣ своемъ держитъ, къ тому дому не прикоснется ни огонь, ни воръ и ни какой злой человекъ. Аще который человекъ сей Сонъ Богородицынъ при себѣ нѣ чистотѣ держать будетъ и холить, тотъ человекъ избавленъ будетъ вѣчной муки, или кто въ путь свой съ собою носить, къ тому человеку не прикоснется всякое бѣсовское навожденіе, звѣрьми сѣденъ не будетъ и отъ разбойниковъ ограбленъ не будетъ—архангелъ Михаилъ путь показываетъ. Аще который человекъ и къ суду пойдетъ, и тотъ человекъ оправится предъ судомъ и отъ людей прощенъ будетъ. Аще который человекъ сей Сонъ при смерти своей помянетъ и ангелы божьи спидутъ на душу его и примутъ въ царствіе небесное, во вѣки вѣкомъ, аминь.

«Рече Господь матери своей: аще кто сей Сонъ и страсти мои станеть въ дому своемъ держать, тотъ домъ сохраненъ будетъ отъ злыхъ супостатовъ и нечистыхъ духовъ. Аще рабъ божій (имрекъ) пойдетъ предъ царя или вельможу и сей сонъ возьметъ съ собой, и онъ, рабъ божій (имрекъ), отъ царя помилованъ будетъ, отъ вельможъ пожалованъ, на судъ кривымъ не будетъ осужденъ. Аще рабъ божій (имрекъ) пойдетъ въ путь и сей Сонъ съ собою возьметъ, и тотъ рабъ божій (имрекъ) избавленъ будетъ отъ тлетворныхъ и смертоносныхъ язвъ, отъ напрасныя смерти деннаго, полуденнаго, ночнаго и полуночнаго бѣса, отъ семидесяти притоковъ, денныя, ночныя, подяныя и вѣтряныя. Аще рабъ

божіи (шмрєкѣ) пойдеть въ бесѣду и сей Сонѣ съ собою возьметъ, и въ пиру избавленъ будетъ отъ злыхъ еретиковъ и отъ колдуповъ. Аще пойдеть въ лѣсъ, избавленъ будетъ отъ деревяннаго лому и отъ ядовитаго гада. Аще рабу божію и смерть случится и сію молитву въ чистотѣ сохранить, и сохранить душу его Богъ: бѣси ея не возьмутъ, а возьмутъ святые ангели Господни, отвесутъ къ Аврааму въ рай.

«Сіе святое письмо писано чудеснымъ образомъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, писано собственною его рукою золотыми литерами еврейскимъ языкомъ; найдено въ верстахъ отъ града Іерусалима во изображеніе честнаго креста Господня. Письмо сіе было истолковано семилѣтнимъ мальчикомъ сиротою, который до того времени ничего не говорилъ до сужденнаго онаго письма. Письмо сіе должно носить при себѣ и давать оное каждому христіанину, кто только пожелаетъ и попроситъ оное списать у тебя; оно писано моею собственною рукою и произнесено моими устами; будутъ прокляты тѣ, которые будутъ скрывать его въ своихъ домахъ и не будутъ объявлять о семъ никому—любящимъ мя; посрамлены они будутъ въ день страшнаго суда Божія, а кто пожелаетъ прочесть или списать — будетъ мною благословляемъ отнынѣ и до вѣка, хотя бы они сдѣлали столько грѣховъ, сколько на небѣ звездъ. Всѣмъ тѣмъ, которые будутъ носить письмо сіе или имѣть на домѣ своемъ, то никогда ни злой духъ, ни громъ, ни огонь, ни язвы, ни другія же подобныя бѣды не прикоснутся имъ и тому дому будетъ слава Божія и честь отъ людей во вѣки вѣковъ, аминь».

Свитокъ Іерусалимскій. «Во Святомъ градѣ бысть явленіе предивное: въ церковь Божію палъ съ небеси камень, малъ бѣ и стуженъ и тяготы ему не могутъ иждати. И падъ тотъ камень въ 3-мъ часу дня. Патріархъ Іерусалимскій со всѣмъ соборомъ молебень имъ три дня и три ночи; въ четвертый день камень тотъ распадется на 4 части. Этотъ свитокъ Богомъ написанъ, и въ немъ пишеть: тако глаголетъ Господь, послушайте, людие мои, человеколюбиваго моего писанія и словесъ моихъ: Азъ Богъ вашъ пишу къ вамъ, первую и вторую и послѣднюю мою заповѣдь, а словеса мои никогда не прендуть. Уже вамъ, окаяннымъ, много времени и лѣта ваши скончаются и страшный судъ готовится, Престолъ

Господень содѣвается, книги судей разгибаются и дѣла ваши обличаются; Азъ, Господь вашъ Иисусъ Христосъ, прииду судити живыхъ и мертвыхъ, воздамъ каждому по дѣламъ вашимъ. Безумные человѣки, поживите въ совѣтѣ и любви между собою, дѣлайте правду, Воскресеніе мое чтите честно и духовно, такожде и праздники Господни почитайте, среду и пятокъ поститесь, (ибо) сотворилъ Богъ перваго человѣка Адама на земли, въ ту же пятницу меня жидове ко вѣрсту гвоздями пригвоздили, и копіемъ въ ребро прободоша за ваши беззаконія, а въ Воскресеніе Христово изъ мертвыхъ воскресъ и всѣхъ умершихъ воскресилъ съ собою; въ тоже Воскресеніе Христово начатокъ вашего спасенія.

«Аще который человѣкъ Воскресеніе Христово на трудъ помогаетъ и хочетъ себѣ прибытку получить, и тотъ человѣкъ собираетъ на главу свою огнь и погубить себя всю седмицу; а Воскресеніе Христово далъ Богъ человѣкамъ рабамъ и рабынямъ и скотамъ на покой. Праздники Господни празднуйте съ любовію, не объяденіемъ и не пьянствомъ; другъ друга любите и прославляйте имя мое. Сиротъ и вдовъ не брезжете и не милуете, за то и сами не получите; нищамъ и убогимъ милостыню не творите и не милуете, за то и сами не помилованы будете. Безумные человѣцы! посмотрите, какъ невѣрные языка вашего не знаютъ, а Бога знаютъ, нищимъ и убогимъ милостыню подають по своей вѣрѣ. Вы, безумные человѣцы, по моему закону жить не хотите и меня не слушаете. Азъ есмь Господь вашъ, Творецъ небу и земли, долготерпѣливъ и многомилостивъ, не до конца прогнѣвался на васъ окаянныхъ и жду вашего обращенія ко мнѣ. За влія дѣла ваши послалъ бы васъ всѣхъ окаянныхъ сгубить до конца, да еще молится за васъ окаянныхъ Пресвятая Богородица и Ангелы ваши хранители. И еще умилюсь на васъ окаянныхъ, жду вашего обращенія къ себѣ; и еще на покаянiе Азъ на васъ окаянныхъ напущу мѣлнiю, невѣрные языки, и пролію кровь вашу за ваши беззаконія; напущу на васъ мразъ и огнь и моръ и жажду, не дамъ воды, и рѣки и источники, за злыя дѣла ваши, за неправду, изсякнутъ; не дамъ вамъ дождя на землю, теплоты солнечной во время (созрѣванія) плодовъ земныхъ. И Азъ на васъ, безумные человѣцы, аще не покаетесь, отверзну уста свои и пущу на васъ камни горящіе, воду кипящую и не можете укрыться отъ крѣпкія руки Мои и отъ все-

видящаго ока моего. И еще пушу на васъ звѣрей двуглавыхъ, крылатыхъ, и поѣдятъ сердца ваши и плоть нашу. Еще пушу на васъ звѣрей лютыхъ: главы у нихъ львины, а крылья орлины, а власы у нихъ женскіи; и пушу на васъ тьму велику. Окаянные, восколеблетесь аки черви, пропадающіе (sic) въ землѣ, пачнете раскапывать гробы мертвыхъ своихъ, речете отцамъ и матерямъ, братьямъ и сестрамъ и сродникамъ своимъ: «примите насъ къ себѣ отъ гнѣва божія и сильныхъ лютыхъ звѣрей, не можемъ мы терпѣть и укрыться». Тогда отвращу лице свое отъ васъ и не послушаю гласа вашего и плача и рыданія; вы бо слѣпы сердцемъ, душегубцы и лукавцы: братъ брату, другъ другу завидуете, немилостивые. Какъ оставили свѣтъ и не возлюбилъ? Земля не пожретъ (?) за ваши беззаконія и неправду и непослушаніе, ограбители чужаго имѣнія! — Милостивю ницнымъ не творите, какъ можете отвѣтъ дать въ день судный предъ праведнымъ Судією? Пишу вамъ спасеніе въ наказаніи, а кто сему листу не вѣритъ, и тотъ чело-вѣкъ будетъ проклятъ и горе тому чело-вѣку, что о правдѣ глаголетъ, а неправду творитъ. Честъ и слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь».

Сказаніе о мукахъ. «Рече Мати Пресвятая Богородица архангелу Михаилу: веди меня, гдѣ многіе народы мучатся, гдѣ тьма кровѣшная. И приведе Ее арханг. Михаилъ ко древу желѣзному, на немъ вѣтви желѣзныя и огненныя, и тутъ мнози народы мучатся. И рече Пресвятая Богородица: сіи люди о какихъ грѣхахъ мучатся?—Рече архангелъ: кто вздоръ смутилъ, того ради мучаются. И рече Пресвятая Богородица: поведи ко иной мукѣ. И приведе Ее къ палатамъ желѣзнымъ, тутъ мнози люди мучаются. «О какихъ грѣхахъ мучаются?» Рече архангелъ Михаилъ: судъ не-праведно судять, правыхъ виноватыми, а виноватыхъ правятъ, мздоимцы. Рече Пресв. Богородица: поведи къ иной мукѣ. Приведе Ее архангелъ къ рѣкѣ огненной; течетъ рѣка отъ востока къ западу; въ ней многіе народы мучаются за то, что по воскрес-нымъ днямъ блудъ творили; еще которые отцовъ духовныхъ бра-нили, оныя стоятъ по уста въ рѣкѣ огненной. Рече Пресв. Бого-родица: поведи ко иной мукѣ. И приведе Ее въ рѣкѣ темной, въ пей вой и визгъ, и рече архангелъ: жи-ды, неправедно Христа распявшіе. Рече Богородица: о горе богохульникамъ, отступникамъ

проклинающимъ Бога! И приведе Ее архангелъ Михаилъ къ червію неусыпающему и рече: поста не знали, среду и пятокъ не соблюдали, на покаяніе къ отцамъ духовнымъ не ходили, тѣло и крови Христовой не принимали. И рече Богородица: что въ рѣкѣ огненной стоятъ въ бѣлыхъ ризахъ, за что люди эти мучаются? Рече архангелъ: патріархи, митрополиты, архіепископы, игумены, монахи, діаконы и весь причтъ церковный, видя свѣтъ возлюбили тьму, заповѣдь не наблюдали, дѣтей своихъ духовныхъ страху божію не научали, царство небесное затворили, злыя дѣла дѣлали,—о томъ мучаются. И приведе Ее архангелъ ко злымъ зубамъ (sic), скрываютъ тѣло человеческое, и рече: милостиню не подавали, странницъ и вдовицъ не принимали, того ради мучаются. И приведе Ее, гдѣ скрежетъ зубами лютей, и рече: за то мучаются, о горе, князи и бояре, что неправедно судили своихъ подданныхъ.... (пропускъ). И рече Пресвятая Богородица: сіи люди за какіе грѣхи мучаются? Идоламъ служители. Прослезися Пресв. Богородица, видя гибель рода человеческого. Аминь. (Село Оркино, 1880 г.).

Въ словѣ о видѣніи Апостола Павла разсказывается слѣдующее. Вся природа жалуется Творцу, на беззаконія людей, объясняя, что вся тварь повинуется Богу, только одно человечество согрѣшаетъ. Солнце, луна, звѣзды и особенно земля постоянно вопіютъ и просятъ Бога дать имъ власть отмстить людямъ за ихъ беззаконія, но долготерпѣливый Судія постоянно удерживаетъ тварь отъ такого отомщенія, ожидая, что грѣшники обратятся на путь истинный. Ангѣлы являются передъ Престоломъ Божіимъ съ добрыми и злыми дѣлами людей и огорченіе беззаконіями и несправностью людей, приставленные къ грѣшникамъ ангелы съ плачемъ и рыданіемъ спрашиваютъ: нужно-ли имъ служить грѣшнымъ людямъ. Милостивый и долготерпѣливый Судія велитъ имъ продолжать ихъ служеніе.—Затѣмъ въ апокрифѣ разсказывается видѣніе Апостола. Сопутствуемый ангеломъ, апостолъ Павелъ осматриваетъ мѣста святыхъ и праведныхъ, гдѣ они пребываютъ, и затѣмъ сходитъ въ бездну, гдѣ тьма и адъ и куда уносятся души грѣшниковъ. На путь, подъ твердію небесной, апостолъ видѣлъ страшныхъ и немилосердыхъ ангеловъ, лица которыхъ исполнены ярости, зубы выше рта, глаза свѣтятся какъ звѣзды, изъ устъ выходитъ пламень огненный. Эти грозныя существа поспѣваютъ за душами

невѣрныхъ людей; на небѣ же находились другіе ангелы, лица которыхъ свѣтились какъ солнце, чресла препоясаны золотымъ поясомъ, въ рукахъ они держали печать Божію и свитокъ съ написаннымъ на немъ именемъ божіимъ: это—ангелы, посылаемые за душами праведныхъ. Ангелъ показалъ апостолу души праведныхъ и грѣшныхъ, отходящихъ отъ міра: въ часъ смерти праведника, предстаютъ предъ нимъ всѣ добрыя дѣла, и добрые ангелы, взявши душу его, несутъ ее къ престолу божію, гдѣ она получаетъ назначеніе идти въ «рай пщы» до дня Воскресенія. Далѣе ангелъ показывалъ апостолу мѣста праведныхъ и возвелъ его на третье небо, у воротъ котораго стояло два золотыхъ столпа съ скрижалями и написанными на нихъ именами работающихъ Богу всѣмъ сердцемъ, бывшихъ и сущихъ въ мірѣ. Вошедши во врата, апостолъ увидѣлъ «землю, текущую медомъ и млеко и свѣтящуюся паче серебра», со множествомъ деревьевъ, покрытыхъ обильными плодами, появляющимися 8 разъ въ годъ; здѣсь Исаія встрѣтилъ и облобызалъ его. Потомъ Ангелъ повелъ его къ Херусійскому озеру, на которомъ находится градъ Христовъ; явился золотой корабль и, сопровождаемый пѣніемъ ангеловъ, апостолъ вступилъ въ чудный градъ, «свѣтъ котораго паче свѣта міра сего». Градъ окруженъ 12 стѣнами съ 1000 столповъ внутри каждой стѣны; въ градѣ протекали чудныя рѣки: на западѣ рѣка медвяная, съ юга молочная, съ востока — съ виномъ и елеемъ, а съ сѣвера — масляная. У высокаго алтаря, что посреди града, стоялъ царь Давидъ съ псалтырю и гуслями и своимъ пѣніемъ наполнялъ весь городъ, а находящіеся на столпахъ вратъ громко возглашали: «аллилуя», отъ чего потрясались основанія града. Отсюда ангелъ перенесъ апостола на западъ солнца за океанъ, обходящій вселенную, въ то мѣсто, гдѣ пребываютъ души неувѣрныхъ и грѣшныхъ, гдѣ «тьма, скорбь и туга», гдѣ течетъ рѣка, пылающая неугасимымъ огнемъ и, обходя съ нимъ эти ужасныя мѣста, объяснилъ, за какія беззаконія мучатся здѣсь грѣшники; затѣмъ подвелъ его закрытому кладезю, откуда исходилъ невыносимый смрадъ и куда ввергаются души не исповѣдавшихъ воплощенія Господа Іисуса. Осмотрѣвъ всѣ муки грѣшниковъ и ужасы этого мѣста, апостолъ Павелъ, съ арханг. Михаиломъ и небесными силами, сталъ молить Господа помиловать свое созданіе; отъ воплей молящихся колебалось небо и

явившійся Сынъ Божій изрекъ опредѣленіе: «дать покой сущимъ въ мукѣ въ ночь и день святыхъ предѣли». Въ заключеніе всего ангелъ показалъ апостолу «Эдемскій рай» съ четырьмя рѣками и древомъ, отъ корня котораго выходили эти рѣки. На древѣ почивалъ Духъ Божій, который когда «дыхалъ», то шли воды. Здѣсь же апостолъ видѣлъ древо познанія добра и зла и древо жизни, Пресв. Богородицу, сопровождаемую въ прогулкѣ 200-ми ангеловъ, Авраама Исаака, Іакова, Илію, Елисея и Ноя, съ которымиъ разговаривалъ о потопахъ.

Списокъ дней. «Аще кто въ таковыя мѣслы и въ объявленныя числа станетъ жениться, тотъ человекъ не обрадуется; кто заблѣетъ въ тѣ дни — живъ не будетъ, и ежели родится въ челоуцѣхъ или скотѣхъ — своей горести не избудетъ; кто домъ новый поставитъ, то не будетъ въ немъ жить; кто въ путь пойдетъ — разбойники убьютъ, или потонетъ, во всемъ смерть является; кто чѣмъ посѣетъ, то не взойдетъ. Подобааетъ всякому православному христіанину таковыя дни хранить: Сентябрь — 2 и 26 числа. Октябрь — 19 и 21. Ноябрь — 2 и 24. Декабрь — 2 и 27. Январь — 2 и 19. Февраль — 2 и 24. Мартъ — 3 и 25. Апрель — 3 и 12. Май — 7 и 8. Іюнь — 2 и 21. Іюль — 6 и 28. Августъ — 6 и 18. Аминь».

Въ декабрѣ 1887 года крестьянинъ с. Вязовки (Саратовскаго уѣзда) А. Ф. Кузнецовъ, бывшій волостной старшина, доставилъ мнѣ рукописную тетрадку славянскаго письма, какъ видно не очень давно списанную: на оберткѣ изображенъ осьмиконечный крестъ, съ копіемъ, тростью и подписями, внизу два деревца. Тетрадь эта содержитъ опять «Сонъ Богородицы», малограмотный варіантъ уже приведеннаго текста, а затѣмъ «Хожденіе по мукамъ» и «Сказаніе о пятицахъ», которые привожу дословно, пополняя лишь титла и исправляя грубѣйшія ошибки и описки.

Слово отъ хожденія пресвятой Богородицы *узрити, ідѣ муки вѣчныя, и видѣти мѣста мученія грѣшникомъ*. «И възиде на гору Сіонскую и помолися. 1-й судъ. И повеле Михаилъ архангелъ открыти западную страну и видѣ пресвятая Богородица народу множество, мужей и женъ, кипящіе во озерѣ огненномъ, и рече Михаилу архангелу пресвятая Богородица: согрѣшеніе какимъ людямъ *)?

*) Т. е.: какое согрѣшеніе этихъ людей?

—То суть патриархи, попы, и князи, и черницы, которые не учили страху Божию дѣтей своихъ. 2-й судъ. И тогда поидоша на иное мѣсто и тамо много мужей и женъ и дѣтей плачущихъ съ великимъ рыданіемъ, и рече пресвятая Богородица архангелу Михаилу: какое согрѣшеніе ихъ?—То суть, (кто) не вѣровали во святую Троицу. 3-й судъ. И тогда поидоша на иное мѣсто и видѣ рѣку огненную болѣе въ 2-й тмы (?), и много народу мужей и женъ аки въ Черномъ морѣ, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—Онѣи судъ жидовъ, которые Христа распинали отъ тебя тѣлу оскорбляя... глаголя: буди имъ по дѣломъ ихъ. 4-й судъ. Тогда поидоша на иное мѣсто и видѣ пресвятая Богородица тму кромѣшную и во оной много мужей и женъ. Пресвятая Богородица вопроси: что согрѣшеніе ихъ?—То суть тати, которые крали и не покаались, буди имъ во вѣки мучиться. 5-й судъ. И рече Михаилъ архангелъ: куда, госпожа пресвятая Богородица, хочещи ити на сиверь или на востокъ? И приступиша къ ней херувимы и серафимы всего... *) ангеловъ и поидоша на полуденную страну, и видѣ пресвятая Богородица и прослезися и рече Михаилу архангелу: что согрѣшеніе ихъ?—Что по груди стоятъ во огненной рѣкѣ, родителей не слушали своихъ; сверхъ головъ горять, то суть кумоложествовали и скверпословили, и блудницы. 6-й судъ. Тогда поидоша на иное мѣсто и тамо много мужей и женъ висящихъ за уши. И рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То суть божественнаго писанія не хотѣли слушать и ближняго своего слыша добру ученія во зло превращали. И тутъ произгласила пресвятая Богородица и рече: лучше бы не родиться тѣмъ человекомъ. 7-й судъ. И тогда поидоша на иное мѣсто и увидѣ пресвятая Богородица много висящихъ за ноги и червилъ ихъ ядоша, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То разбойники и душегубцы. 8-й судъ. И рече Михаилъ архангелъ пресвятой Богородицѣ: пойдемъ на западную страну, и приступиша къ ней херувимы и серафимы всего... **) ангеловъ, и поидоша на западную страну, и увидѣ тамо облакъ простертой, на томъ облацы постели огненные съ хитростію, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—

*) Въ рукописи вѣсно: кажется у съ титломъ, т. е. 400.

**) Буква д съ титломъ, вѣроятно писавшій хотѣлъ означить 4.000 ангеловъ.

То суть не вставали къ заутрени и литургіи въ недѣль дни и господствіи праздники и лежали. И рече пресвятая Богородица: немощенъ и естъ бо немощнымъ мученіе. 9-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица на ономъ мѣстѣ столбы огненные и на тѣхъ столбахъ сидѣша много мужей и женъ, горящихъ пламенемъ огненнымъ, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ? И рече Михайла: то суть священники, что не вставали во время литургіи въ церкви святой. 10-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица множество лютыхъ мукъ и вельми страшныя муки и рече: что согрѣшеніе ихъ?—То суть пентуны *), лзычники и блудники и сквернословцы и скверноисповсловцы, которые на божественное пѣніе и нехотятъ читать и ругаяся о немъ. Буди имъ по дѣломъ ихъ. 11-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица много людей висящихъ и по тѣлу ихъ кровь текуще, лзыки ихъ связанные, и помолися пресвятая Богородица: о коихъ грѣхахъ мучаются?—То суть священники, что службу божію перадѣніемъ служили. 12-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица много мужей и женъ, звѣріе терзающе тѣла ихъ: то суть окаинныя жидове, кои Ісуса Христа мучили и распяли, копіемъ били и.... плевали, и трость въ руки давали, и желчію во уста его вливали, и терновъ вѣнецъ на главу возложиша, и копіемъ въ бодоша, и камень великій ко гробу привалиша и.... И восплакася пресвятая Богородица. 13-й судъ. Еще видѣ пресвятая Богородица людей, висящихъ за лзыки, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То судъ тѣмъ, которые книги читаютъ, а зло творятъ. 14-й судъ. Еще видѣ пресвятая Богородица мужей и женъ, изъ устъ ихъ пламенемъ пылаетъ сердца ихъ, и рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То судъ нѣнницамъ и тѣмъ мужьямъ, кои женъ своихъ (покинули) и чужихъ имѣли или жены своихъ мужей покинули за другаго мужа. 15-й судъ. И видѣ пресвятая Богородица множество женъ, лежащихъ во огнѣ, и червіе ихъ ядоша и зубами желѣзными терзаютъ тѣло ихъ. И рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То суть чловѣцы въ блудъ владаютъ и не покаялись. 16-й судъ. Тогда поидоша на пное мѣсто и видѣ пресвятая Богородица озеро огненное, изъ него изходятъ рѣка огненная аки кровь, и въ той рѣкѣ множество мужей и

*) Шептунъ?

женъ. И рече пресвятая Богородица: что согрѣшеніе ихъ?—То суть прелюбодѣи, немилосердія сребролюбцы и не покаявшіеся во грѣхахъ своихъ. 17-й судъ. И рече пресвятая Богородица: поидемъ, Михаила архангелъ, на другую (страну), и приступиши къ ней 4000 ангеловъ, и увидѣ пресвятая Богородица рѣку огненную, въ той рѣкѣ много мужей и женъ въ котлѣ кинищіе и червіе ихъ ядоша. И рече пресвятая Богородица: что ихъ согрѣшеніе?—То суть христіанне смертоубійцы и отрекались отъ Христа и отъ святаго духа и блудствовали съ ... сестрами и разбойники младенцевъ губили. И рече пресвятая Богородица: буди имъ по дѣломъ ихъ; покрывалась рѣка огненная. 18-й судъ. И рече Михаилъ архангелъ: поидемъ, пресвятая госпожа Богородица, поведе ся... прошеніе опныхъ страждущихъ къ царю и Богу нашему, и тогда гласъ невидимъ бысть: Маріе, сіе мученіе, не будетъ имъ конца ихъ. И рече пресвятая Богородица: не молюся тебѣ, Господу моему, за жидовъ, но за грѣшныя христіанскіи души. Потомъ рече Господь нашъ Ісусъ Христосъ: за итвореніе моеи воли и за несоблюденіе вѣры христіанской и за непослушаніе заповѣдей моихъ и евангелія моего по отступленіи отъ вѣры. И рече пресвятая Богородица: пощади, Господи, созданіе свое, христіанскіи души, и пзведи отъ мукъ вѣчныхъ. И рече Господи: азъ сотворилъ перваго человѣка Адама и Еву и они заповѣди мои преступиша, но за миръ христіанской воплотися и бысть мученъ за искушеніе ихъ ниже отъ вѣры мои любви и надежды: ко спасенію буди имъ по дѣломъ ихъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

Двѣнадцать пятницевъ годовые.

«1-я пятница на первой недѣли великаго поста: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ незапною смертію не умретъ.

2-я пятница предъ Благовѣщеніемъ пресвятой Богородицы: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ непріятеля сохраненъ будетъ.

3-я пятница на Страшной недѣли великаго поста: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ ворѣвъ сохраненъ будетъ.

4-я пятница предъ Вознесеніемъ Господнимъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ потопленія по водамъ сохраненъ будетъ.

5-я пятница предъ Рождествомъ Іоанна Предтечи: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ великаго недостатка сохраненъ будетъ.

6-я пятница предъ Сошествіемъ св. Духа: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ остраго меча сохраненъ будетъ.

7-я пятница предъ Пророкомъ Іліею: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ убіенія громомъ сохраненъ будетъ.

8-я пятница предъ Успленіемъ пресвятой Богородицы: кто сію пятницу будетъ поститься, тотъ человѣкъ отъ сушенія трясовицы сохраненъ будетъ.

9-я пятница предъ Кузьмою Доміаномъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ смертнаго грѣха избавленъ будетъ.

10-я пятница предъ Михаиломъ архангеломъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ увидитъ имя свое написано будетъ у пресвятой Богородицѣ на престолѣ.

11-я пятница предъ Рождествомъ Христовымъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ при смерти своей увидитъ пресвятую Богородицу.

12-я пятница предъ Богоявленіемъ Господнимъ: кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ увидитъ имя свое у Господа нашего Іисуса Христа въ животныхъ книгахъ.

Аще кто въ назначенные пятницы дѣлаетъ суевѣрія, приближается къ своей женѣ на блудъ, отъ того человѣка народится у нихъ дѣтища слѣпъ, или нѣмъ, или глухъ, или воръ, злобравникъ; того ради всякому человѣку таковыя дня блюсти должно во вѣки вѣковъ, аминь.

Въ той же рукописи помѣщенъ еще другой варіантъ *Хожденія пресвятой Богородицы по мукамъ*.

Хранитель Саратовскаго Радищевскаго музея А. Л. Кушъ доставилъ мнѣ (въ 1887 г.) приобретенную имъ въ г. Саратовѣ не большую тетрадку, не очень стариннаго славянскаго письма, содержащую *псалмы*: Іисусу прелюбезному; Іисусу сладчайшему; Святому Духу; Богу Саваоѹ; псалма Каплуновской Богородицѣ; Ахтирской Богородицѣ; Іоакиму; Іисусу, когда ишелъ на вольную страсть; Воскресенію Христову; Адаму; Всѣмъ христіанамъ; Онуфрію святому; архидіакону Стефану; псалма монаху и проч. Книжка эта была въ большемъ употребленіи и сильно обветшала.

Эти псалмы, извѣстнаго типа, рюмованныя, обязанныя своимъ происхожденіемъ школьному стихотворству. Въ настоящемъ спискѣ, видимо очень употреблявшемся, они крайне безграмотны, и это указываетъ на степень образованія церковниковъ, въ средѣ которыхъ и черезъ которыхъ они должны были въ особенности распространяться.

Строй жизни духовенства въ прошломъ столѣтіи стоялъ на низкой ступени: неприглядную картину положенія сельскаго духовенства въ XVIII и первой четверти настоящаго столѣтія, рельефно рисуютъ архивныя дѣла того времени. Въ Трудахъ Саратовской Архив. Комм. 1888 г., Т. 1, вып. 2-й, помѣщены дѣла бывшаго Вольскаго духовнаго правленія съ 1772 года. Изъ нихъ мы видимъ, что священно-церковно-служители нѣкоторыхъ епархій, больше запрещенные и бѣглые попы, ходятъ по петербургскому тракту въ снудъ съ просьбами объ опредѣленіи ихъ на праздныя мѣста, и въ Москву, называя себя на карантинахъ и заставахъ, обманно, разными именами помѣщичьихъ людей (1772 г.). Сельскіе священники и діаконъ, пріѣзжая въ епархіальный городъ (указъ казанской консисторіи 1781 г.), шатаются по улицамъ, являются къ преосвященному и въ консисторію въ неприличной сану одеждѣ: въ мужицкихъ кафтанахъ, шапкахъ и въ лаптяхъ, не отличаясь ничемъ отъ простолюдина, почему предписано, кромѣ «работныхъ случаевъ», въ особенности же въ церкви, ходить священникамъ въ чистой и «отмѣнной» одеждѣ. Многіе священники терпятъ побой отъ свѣтскихъ лицъ, даже имѣя при себѣ въ дароносицѣ св. дары (1777 г.). Въ срединѣ еще XVIII вѣка духовенство наказывали розгами; указами 1767 и 1771 г. снудъ воспрещаетъ тѣлесныя наказанія священниковъ и дьяконовъ въ «духовныхъ командахъ», а предписываетъ исправлять ихъ отрѣшеніемъ отъ дохода и прихода; между тѣмъ казанская консисторія (въ 1773 г.) усматриваетъ, что нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ вести себя непорядочно, въ особенности пьянствуя и впадая въ безчестія, почему снудъ приказалъ за тѣ проступки, за которые они прежде были наказываемы тѣлесно, теперь, не дѣлая этого, запрещать имъ священнослуженіе и представлять къ лишенію священства и дьяковства, а церковнослужителей исклю-

чать изъ причта и отсылать въ свѣтскія команды для опредѣленія въ военную службу, или на поселеніе, или въ крестьянство. Изъ документовъ 1783 г. видно, что духовное начальство (*заказники*) наказывали еще тѣлесно церковно-служителей и ихъ женъ, а священниковъ и дьяконовъ сажаютъ въ цѣпи, держатъ въ желѣзѣ и колодкахъ, а въ случаѣ неявки въ консисторію привозятъ священниковъ изъ селъ за карауломъ. Въ 1783—1788 г. встрѣчаемъ жалобы прихожанъ на вымогательство причтовъ; въ 1776—1783 г. указывается лѣность и нерадѣніе многихъ духовныхъ лицъ: священники часто въ воскресные дни не служатъ литургій и часто отъѣзжаютъ въ отдаленные города для промысловъ на долгое время. Главнымъ порокомъ духовенства того времени было пьянство; нѣкоторые священники у «новокрещенъ» вели жизнь пьяную, развращенную и озорную (1789 г.), подавая дурной примѣръ пнородцамъ. Въ 1800 году духовное начальство изыскиваетъ средства къ прекращенію пьянства въ средѣ священства и причта; въ 1808 г. подтверждаетъ духовенству, чтобы они изъ дома въ домъ по своимъ прихожанамъ для гульбы не ходили. Въ 1819 и 1821 г. отбираются отъ духовныхъ лицъ подписки сохранять себя въ трезвости и благонравіи, гнущаться пороковъ, въ особенности пьянства; въ 1827 г. пензенско-саратовскій архіерей Ирпней указываетъ, что при служеніи праздничныхъ молебновъ, за священно-церковно-служителями ходятъ ихъ жены, часто въ нетрезвомъ видѣ, бражничаютъ и просятъ платы; архіерей строго воспрещаетъ подобное «тасканіе». Въ 1838 г. предписываются мѣры къ улучшенію нравственности духовенства, для чего епархіи дѣлятся на благочинническіе округа. Низкій нравственный уровень духовенства того времени зависѣлъ отъ незавиднаго положенія, въ которомъ оно стояло, и необразованности: самые храмы божіи въ селахъ до 1800 г. были преимущественно деревянные, невзрачные, грязные, мы видимъ въ нихъ полный недостатокъ необходимыхъ церковныхъ книгъ (1778 г.). При обзорѣніи епархіи въ 1783 г. казанскимъ архіепископомъ Антоніемъ, во многихъ церквахъ одежды на престолахъ и жертвенникахъ были изъ простой, самой визкой набойки, погнившіе съ нижняго конца, антиминесы пзчервлѣны, сосуды оловянные, полы и кровли въ церквахъ погнили, оконницы белъ стекль. Въ 1788 г. епархіальное начальство обратило вниманіе на то,

что некоторые священники женаты на простых крестьянкахъ, съ которыми вступали въ бракъ и дѣти ихъ и церковники, а дочери духовенства, по бѣдности, выходили за крестьянъ. Наше духовенство было тогда почти безграмотно; мы видимъ, что въ 1786 г., въ казанской епархіи оказалось изъ священно-церковно-служителей «исправныхъ въ чтеніи и неумѣющихъ совѣмъ читать по книгѣ, писать и пѣть» — 381 человекъ, «ученыхъ» священниковъ было очень мало; въ 1789 г. не всѣ священники знали катихизисъ; въ 1811 г. въ Вольскомъ уѣздѣ у 274 лицъ духовенства показано дѣтей лишь 32, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ, и 207, жившихъ при отцахъ своихъ; въ Хвалынскомъ — у 175 лицъ: дѣтей, обучающихся въ заведеніяхъ, 17, и живущихъ при отцахъ, 132; въ 1823 г., по вѣдомостямъ Вольскаго дух. правленія, оказалось дѣтей духовенства, праздно живущихъ при родителяхъ, 64 человека отъ 8 до 20 лѣтъ. Въ 1828 г. изъ числа священниковъ были: въ городахъ — половина, а въ деревняхъ лишь $\frac{1}{4}$ часть кончившихъ курсъ въ семинаріи. Въ 1797—99 г. въ причетники и попомари, на мѣста умершихъ, перѣдко зачислились 9 — 12-лѣтніе сыновья ихъ; въ 1804 году видимъ случай зачисленія въ с. Барановкѣ попомарскаго мѣста за сыномъ умершаго попомари, имѣвшаго отъ роду $\frac{1}{2}$ года, «для прокормленія сиротъ». Лишь въ 1806 г. послѣдовалъ указъ синода о разборѣ священно-церковно-служительскихъ дѣтей, живущихъ праздно при отцахъ, съ тѣмъ, чтобы таковыхъ обращать въ военную службу. Въ 1799 году встрѣчаемъ большую неурядицу въ распредѣленіи самихъ епархій: въ Вольскомъ округѣ церкви состояли въ 3-хъ епархіяхъ — Казанской, Астраханской и Тамбовской, а въ одномъ селеніи — двѣ приходскія церкви принадлежатъ разнымъ епархіямъ! Лишь съ 1800 г. Вольскъ и Хвалыньскъ съ уѣздами причислены уже къ Саратовско-Пензенской епархіи преосвященнаго Гаія; въ томъ же году дѣти духовенства стали поступать въ саратовскую семинарію, состоявшую въ Пензѣ; до того же они обучались въ семинаріяхъ: астраханской, тамбовской и воронежской, что было крайне тяжело для бѣднаго духовенства. До 1832 г. многіе изъ духовныхъ лицъ не имѣли фамилій (изъ 66 членовъ духовенства въ Вольскомъ уѣздѣ лишь 28 были съ фамиліями), почему имъ предивсано было брать себѣ таковыя по желанію. Въ Вольскомъ архивѣ есть интересный документъ с.

Бѣлый Ключъ 1802 г., указывающій, сколько въ то время духовенство брало за требы: крестины по 5 коп., заказная обѣдни—1 р. 20, свадьба — 25 коп., похороны — отъ 5 до 25 коп. и молебень 7 и 10 коп.

Мнѣ случалось очень рѣдко въ Саратовскомъ краѣ встрѣчать прошеніе милостыни пѣснью. Въ 1887 году мною записана въ с. Подчаниновкѣ такая пѣсня страннаго нищаго:

«Господи Иисусе Христе!
Всемирный потоць былъ;
Господи Иисусе Христе!
Страшный судъ будетъ;
Ожидать намъ грѣшникамъ
Страшнаго суда:
Въ чемъ захвачу, судить буду.
Заблужденнаго, спящаго,
Душа во вѣки вѣковъ пропала!
Иже я тебя, раба, захвачу на молитвѣ,
Душа въ царствіи небесномъ
Во вѣки вѣковъ будетъ вѣчно.
Предъ послѣднимъ концемъ загремѣю,
Двѣнадцатью громами ударю!
А гдѣ ты, Господь нашъ,
Святой Духъ, будешь судить?
Ни на райскихъ земляхъ,
А на израильскихъ,
На престолѣ сидищемъ.
Грѣшники прокляты,
Въ огонь вѣчный отойдите,
А праведники
Къ престолу Божію подойдите!

Въ народѣ распространено, далѣе, множество рукописныхъ *заговоровъ*; приведу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, доставленные мнѣ изъ села Озерокъ, Саратовскаго уѣзда (1886 г.).

Заговоръ мужнины на женщину, чтовъ тосковала о немъ и не могла безъ него жить: «Ложусь помолясь, встану благословясь,

умываюсь не водою, но божьей росой, утираюсь бѣлымъ полотномъ; иду изъ двери въ двери, становлюсь средь двора широкаго. Ночи вы мои, ночи темныя! Зори вы мои бѣлыя! Соберитесь, зореньки въ одинъ сугласъ, подумайте, какъ тошно и грустно черному вору на сухомъ дубу сидѣть безъ рукъ, безъ ногъ, безъ своихъ когтей, такъ было бы тошно рабѣ (имя) безъ раба (имя). На морѣ на океанѣ, на островѣ Буянѣ, лежитъ бѣлъ-горючъ камень, на этомъ камнѣ стоитъ изба, въ этой избѣ лежитъ доска, по этой доскѣ мечется тоска. Подойду къ доскѣ, спрошу тоскѣ: что ты, тоска, мечешься, что ты кидаешься? Какъ мнѣ не метаться, какъ мнѣ не кидаться! куда мнѣ дѣваться? Соберись, тоска, со всего вольнаго бѣлаго свѣта, бросься въ рабу (имя) и затоскуй, и загорюй объ рабѣ божіемъ (имя) и денно и пополуночи, и пополуночи, и часно, и получасно, ежеминутно, полуминутно, и на ѣдѣ-то не заѣдала бы, и на поилѣ не запила бы, во снѣ бы видѣла; ѣла бы — не заѣла, пила бы — не запила, спала бы — не заснула; вся кровь бы въ пей выгорѣла, ретивое сердце — выболѣло, на ломъ выломило объ рабѣ (имя).

Этотъ заговоръ надо читать по зарямъ утромъ и вечеромъ, передъ печною трубою, не менѣе 27 разъ.

Заговоръ на примученіе мужа съ женой. «Ложусь помолись, встаю благословясь, умываюсь не водою, а Божьей росой, утираюсь бѣлымъ полотномъ; иду изъ дверей въ двери, изъ воротъ — въ ворота. На полѣ — на востокѣ, тамъ стоятъ зеленая дуброва; за зеленой дубровой — золотая риза, за золотой ризой Моисей старецъ Богу молится. Отъ дѣла-ли ты лытаешь? — нѣтъ, я не отъ дѣла лытаю, больше того — дѣло пытаю: хочу попошаться работою или работою (имя) тѣломъ и бѣлымъ и чернымъ печеньемъ. Бери булагную сѣкиру, руби дубовыя дрова, коли-выкалывай дубовое сердце, клади въ муравью печь, зажигай огнемъ-пламенемъ; какъ въ печи дрова горять жарко, такъ бы было рабѣ (имя) жалко раба (имя); какъ передъ огнемъ не можно стоять, такъ бы она не могла безъ этого раба терпѣть; какъ огонь неугасимый — сердце неутонимое (неутолимое?), вся кровь выгорѣла, ретивое сердце выболѣло, на ломъ выломило объ рабѣ (имя).

Читать этотъ заговоръ слѣдуетъ также какъ и первый.

«Двое молодцовъ дрова рубятъ. Зачѣмъ вамъ дрова? — землю

жечь.—Идетъ баба безхвоста, песеть беремъ дровъ: зачѣмъ тебѣ, баба, дрова? — Иду рабѣ (имя) зажигать сердце на мѣсяцъ, кровь бы выгорѣла, а сердце болѣло о рабѣ (имя).

Этотъ заговоръ можно читать когда угодно, но три раза; за каждымъ разомъ должно дунуть въ руку и потомъ ударить ладонью леговику въ грудь, чтобы рука не могла отскочить обратно, иначе заговоръ возвращенъ и не можетъ дѣйствовать.

Заговоръ о томъ, чтобы мужъ не вилъ свою жену. «Ложусь помолясь, встаю благословясь, иду я въ поле, тамъ лежатъ усоншіе: ногами не ходитъ, руками не машетъ, глазами не глядитъ, устами не говоритъ. Такъ бы рабъ (имя) передъ рабою (имя) стоялъ недвижимый: ногами бы не ходилъ, руками бы не махалъ, весь-бы вѣкъ на рабу (имя) руки не подымались».

Этотъ заговоръ должно читать тоже по зарямъ въ домѣ, у печной трубы.

Заговоры о пчелахъ. Крестьянинъ д. Оедоровки, Подчаниновской волости, Саратовскаго уѣзда, Опекуновъ доставилъ мнѣ старую рукописную тетрадку начала нынѣшняго столѣтія: «*Формальное свидѣніе о пчелахъ, принадлежатъ сельца Еленина дворовому челоуѣку Матѣю Варламову*». Почеркъ очень четкій, годъ не означенъ, но рукопись, какъ видно, была въ большемъ употребленіи и обветшала; текстъ весьма испорченный.

1. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь! На морѣ океанѣ, *островъ* *), лежитъ камень Алтаря **), отъ конца до вѣка и яко престолъ стоитъ на престолѣ Спасовъ образъ со всѣмъ соборомъ, со ангелы и архангелы, со святою дѣвою Божію Матерію, Изоспмомъ и Савватіемъ, соловецкими чудотворцами, со архангеломъ Гавріиломъ, посланы были въ татарипскую землю, крымскія горы, зошлою пчелинами поимши изоспмомъ (?) матку и поднявъ со земли архангелъ Господень силу пчелиную, какъ восходятъ облацы, поднимаются, такъ и поднялась сила пчелнная со святыми отцами Изоспмомъ и Савватіемъ, соловецкими чудотворцами, и Духомъ святымъ, и догнавши и взыскаше по надлежащему пути и потр...лѣ и благослови архангелъ Гавріилъ Исосима и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ: вы есте посланники

*) Неразборчиво; конечно: «Буяръ».

**) Т. е. «алатырь».

божіи, возміте матку пчелиную въ жезлъ на знаменіи дороги за вами учинится погость велика, вы бросѣте въ правую сторону ко мнѣ, рабу Божию (имреку), въ вотчину и на пчельникъ со всею своею молитвою и Духомъ святымъ. И догнаша и внесоша по подлежащему путь и по травамъ. И рече отецъ Медоторъ: вы есте посланники Божіи, Изосима и Савватій, возміте жезлъ свой, благословте и наградите путь свой дороги у меня, раба (имрека), въ вотчинѣ, во дворѣ и пчельникѣ, пчелъ во всякомъ древѣ крестомъ и жезломъ, съ востоку и до западу, до скончанія вѣка сего. Приведоша Крѣпичка и Матку со всею силою пчелиною къ тому же собору божію и приведоша къ позѣмъ Спасителевымъ; и рече святѣи отцы Изосимъ и Савватій: Господи, приимѣ еси отъ нашихъ седми (?) и десницею сохранены и помплованы нашими святыми молитвами; ты еси Богъ нашъ, ты еси Спаситель нашъ во всякій часъ и во всякое время, и приведоша къ позѣмъ твоимъ крѣпичка и матку со всею силою пчелиною, куда дѣвать и сажать. Господъ же благословилъ и освятилъ и передалъ Изосимъ и Савватію, соловецкимъ чудотворцамъ, повелѣлъ пустить отъ востоку и до западу весь свѣтъ и Русь земли въ темныя лѣса, въ угодныя древа, всѣмъ православнымъ христіанамъ, такожде и ко мнѣ, рабу божію имреку. Создай, Господи, милость свою, награди и надѣли во пчельники пчелъ молитвами преподобныхъ Изосима и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, какъ приведена повелѣнію твоему, Господи, изъ нечѣрныхъ страны во святую русскую землю на канупъ, на воскъ и на фиміамъ, и на всяку утварь церковную, укрѣплено и утверждено до скончанія вѣка сего. Такожде, Господи, и укрѣпи и утверди у меня, раба божія имрека, во дворѣ, въ вотчинѣ, въ лѣсу, на пчельникѣ, пчелъ молодыхъ и старыхъ водитися до скончанія вѣка сего Духомъ святымъ преподобныхъ отецъ и молитвами Изосима и Савватія: вы сохраните и помилуйте у меня, раба божія имрека, на пчельникѣ пчелъ молодыхъ и старыхъ, на выставкѣ во всякомъ году, и мѣсяцѣ, и въ четверти, полчетверть. Около ограды моей обойду Духомъ святымъ, и окурю ладономъ со всякаго глазу мужеска и женска, отъ простоволосыхъ дѣвицъ, отъ колдуновъ, отъ лихова челоуѣка, отъ нечистаго духа, и отъ всякой злобы челоуѣческой, и чтобъ палетныя пчелы дабы въ городьбу мою вальтиса не должны, а мон отъ пчельника моего не отлстали,

какъ молодыя равно и старыя до окончанія вѣка сего. Всему дѣлу замокъ — земля, небо — ключъ. Аминь».

2. «Милостивъ Господь Вседержитель, Царь небесный, Богъ великій, на престолѣ херувимствѣхъ, небесный и страшный твой престолъ, отъ него же трепещетъ небо и земля, твоя силы небесныя и неизреченныя ужасаются, поютъ херувимы и серафимы: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣхъ и исполни небо и земля славы Твоея, и челоуѣцы непрестанными гласы взываютъ и всякая тварь ужасается отъ страсти Твоей. Твоимъ святымъ промышленіемъ сотворилъ еси четыре времени, кругъ лѣта вѣнчалъ еси, Тебѣ трепещутъ умныя силы небесныя, тебѣ слушаетъ святой ликъ, тебѣ работаютъ звѣзды, моря, рѣки, источники и потоки. Ты простерлъ еси море пескомъ *) и ангельскія силы тебе слушаютъ и архангельскія лица тебѣ кланяются, многоочитыя херувимы и шестикрылатіи серафимы окрестъ престола твоего облетаютъ со страхомъ. Аминь».

3. «Господи, Царь небесный, Собезначальный, удиви на мнѣ, рабѣ божіемъ нмрекѣ, милость свою во вѣки, какъ ты, Господи, повелѣлъ стоять отъ единого слова своего, пчеламъ моимъ запрети отъ древесъ не отлетати и народити молодымъ и старымъ; твоимъ повелѣніемъ, Господи, стоитъ небо и земля и отъ единого слова твоего тамъ же запрети пчеламъ не отлетати; какъ море не пересыхаетъ, также не переводится пчеламъ моимъ у меня раба Божій нмрека во дворѣ, въ лѣсѣ и на пчельникѣ до окончанія вѣка сего. Аминь».

4. «Господи, не дай моимъ пчеламъ противи невидимо ненавидчику, ни колдуну, ни колдунницѣ, ни еретику, ни еретицѣ лнпикамъ; не дай, Господи, не навидѣть ненавистнику, и сохрани отъ всякаго глаза звѣря, ползующи гадовъ на земли и летучихъ, отъ нечистаго духа, отъ лихова челоуѣка, отъ чернеца и отъ черницы, вора, разбойника, и не переводится меду и соту на воскъ и на фиміянъ до скончанія вѣка-сего. Аминь».

Заговоръ противъ стрѣлъ, ядеръ и пушекъ. «Слава Христова на мнѣ, рабѣ божіемъ (пнмрекѣ), замѣами и молитвами Господа нашего Іисуса Христа и Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы

*) Нѣсколько словъ смутано.

Маріи и всѣхъ святыхъ отецъ нашихъ всегда, нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ, Аминь! Молитвами Господа нашего Ісуса Христа и Пресвятыя Богородицы Присводѣвы Маріи, отъ ружья всякаго благословія, отъ стрѣлъ и отъ пушекъ и отъ пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ, рабу божію (имярекъ). Черезъ милостиваго Господа нашего Ісуса Христа и пресвятую Богородицу Присводѣву Марію, презъ Благовѣщеніе Господа нашего Ісуса Христа отъ стрѣлъ, отъ пушекъ и отъ пушечныхъ ядеръ, стойте и не ходите ко мнѣ, рабу божію (имярекъ). Черезъ Воскресеніе Господа нашего Ісуса Христа, стрѣлы, пушки и пушечныя ядра — стойте и не ходите ко мнѣ, рабу божію (имярекъ). Молитвами святаго, славнаго пророка Предтечи и Крестителя Господа нашего Ісуса Христа—Іоанна; молитвами великаго святи- теля, архіепископа и чудотворца Николая, отъ стрѣлъ, отъ пушекъ и отъ пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ, рабу божію (имярекъ). Молитвами четырехъ святителей: Петра, Алексѣя, Іоны и Филіппа, московскихъ чудотворцевъ; молитвами св. пророка Іліи, стрѣлы, пушки и пушечныя ядра, — стойте и не ходите на меня, раба божіа (имя). Молитвами св. двѣнадцати апостоловъ и 600 мучениковъ, стрѣлы, пушки и пушечныя ядра, всякому по одному оружію, азъ, рабъ божій, загорожденъ всѣми святыми апостольскими силами. Молитвами святыхъ ангелъ и всѣхъ небесныхъ силъ, св. архангеловъ Михаила и Гавріила, грозныхъ воеводъ, и св. отцевъ и мучениковъ, которые кровь свою за Христа проливали, и св. Тихона, услыши, Господи, святаго Платона усердное моленіе, а вы, стрѣлы, пушки и пушечныя ядра, вѣрныхъ и невѣрныхъ человекъ, отойдите отъ меня, раба божіа (имя). Святые четыре евангелиста: Матсей, Маркъ, Лука и Іоаннъ Богословъ, сойдите съ небесъ и снесите замокъ со всѣхъ четырехъ сторонъ: отъ востока и до запада, отъ запада до юга, отъ юга до сѣвера и отъ небесъ закройте на мнѣ, рабѣ божіемъ (имя), слово Христово крѣпко. Аминь! Аминь! Аминь!» (Доставлено мнѣ въ 1886 году тѣмъ же крестьяниномъ д. Оедоровки Опекуновымъ).

Въ маѣ 1888 г. земскій докторъ М. И. Шмукверъ доставилъ мнѣ тетрадку, славянскаго письма, которую носилъ на груди въ

ладонѣ больной крестьянинъ с. Широкаго, Саратовскаго уѣзда. Въ ней заключаются молитвы отъ разныхъ болѣзней и золь:

Молитва отъ лихихъ враговъ. «На горѣ Фаворетѣй шелъ Господь со учениками своими съ апостолами и преобрази Господь лице свое; какъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, воскресилъ отъ древа крестнаго изъ гроба живоначальнаго, исчезли книжники и фарисеи жидовскіе, такъ чтобы исчезли отъ рабовъ божіихъ имрекъ все злое и лихіе люди; и напусти, Господи, на злыхъ враговъ страхъ и ужасъ нестерпимъ. Мати наша Владычица Пресвятая Богородица, Ты наша заступница отъ злыхъ враговъ, и кто на насъ думаетъ лихо, то чтобы одеревнѣлъ и окаменѣлъ, и языкъ въ тѣмя (?) запечатлѣнъ во вѣки вѣкомъ, аминь».

Молитва отъ напастей. «Помяни, Господи, цари Давида и кротость его и крѣпость его, какъ царь и пророкъ Давидъ лежитъ на мѣстѣ своемъ ни въ чемъ невредимъ и непоколебимъ; такъ чтобы ни въ чемъ невредимы и непоколебимы были рабы божіи имрекъ и отъ всехъ враговъ и напастей избавлены во вѣки вѣкомъ, аминь».

Молитва отъ грыжи. «Спаси, Господи, и помилуй раба своего имрекъ отъ грыжной болѣзни, нашедшія наъ въ прискорбномъ случаѣ. Мати Владычица Богородица скорбящая всехъ радостей, и святая великомученица Варвара, сохраните ихъ своими молитвами, укройте святыми ризами, защитите целенами. Богородица Дѣва радуйся, о всепѣтая скорбящая Богородица, сохрани во вѣки вѣкомъ, аминь». (Двѣнадцать разъ читать Богородицу надъ водою и потомъ пить).

Молитва отъ лихорадки. «Въ началѣ святой пророкъ и предтеча Креститель Христовъ Іоаннъ, и святые отцы Зиновій, Филиппъ, и четыре евангелиста: Лука, Марко, Матѣй и Іоаннъ, шли на горѣ Синайской, встрѣтили двѣнадцать жепъ простоволосыхъ, вопросиша ихъ святые отцы: что за жены и куда идете? Мы—проклятыя Прода царя дщери, идемъ въ христіанскій родъ мучить и сушить и зубы скрежетать. И вопросиша святые отцы: что есть ваши имена? Первая Синяя, вторая Сиронія, третія Сушея, четвертая Колея, пятая Скучея, шестая Дулея, седьмая Огнея, осьмая Зубнея, девятая Матушея, десятая Ломея, одиннад-

цатаи Знобея, двѣнадцатая Трясея. И взяша святые отцы по тридцать прутьевъ желѣзныхъ и начаша ихъ бить мучить по тридцать разъ. Тогда треклятыя возмолвилися святымъ отцамъ Зиновію, Филиппу и четиремъ евангелистамъ: Луки, Марку, Маттею и Іоанну, аще мы услышимъ въ которомъ домѣ вспомянетъ ваши святія имена рабы божіи имрекъ, или сію молитву на крестѣ носить будетъ, то мы отъ него бѣгать будемъ отнынѣ и до вѣка занимать не будемъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Молитва Кресту. «Крестъ Господень погружается, а сатана связанъ молитвами святаго мученика Кипріяна (и) Устиніи, спасите и сохраните раба божіа имракъ, отъ трисовичной болѣзни, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Молитва Богу Отцу. (Еще вариантъ молитвы отъ трясавицы, очень спутанный и смѣшанный съ разными церковными изреченіями. Начинается: «Въ началѣ бѣ слово, слово бѣ къ Богу» и пр.).

Молитва во имя Господне. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Шелъ святыи Авраамъ съ сыномъ своимъ Исаакомъ, встрѣтилъ еретическихъ дочерей и спросилъ ихъ: куда вы идете? мы идемъ въ христіанскую вѣру христіанскія крови пить и жальныя кости ломати. И повелѣ Авраамъ сыну своему Исааку: возьми прутья желѣзныя, побей и потопчи семьдесятъ семь еретическихъ дочерей, чтобы они не шли въ христіанскую вѣру, христіанской крови пить, жальныя кости ломати. Аще кто сію молитву рано утромъ и вечеромъ будетъ чытать, то того и отнынѣ и до суда Божіа занимать не будемъ во вѣки, аминь».

Молитва отъ виннаго запойства. «Святыи великомученикъ Вонифатій, спаси и помилуй раба божіа имракъ отъ виннаго запойства, злаго змѣи во вѣки, аминь».

Молитва, аще кто возненавидитъ, мужъ жену или жена мужа. «Святыи Гурій, Самоймъ и Авива, спасите и сохраните и помилуйте раба божіа имракъ, ссоры и драки, зависти и злыхъ дѣлъ нашими молитвами, соедините во едину мирну жизнь, аки мертво тѣло лежить, такъ чтобы рабъ Божій имракъ ни въ чемъ невредимъ былъ, рабе божій имракъ, во вѣки вѣкомъ. Аминь».

Молитва отъ падежа скота и лошадей и отъ съядения звѣрей. «Святыи мученикъ Никита, священномученикъ Власій, преподобный Флоръ и Лаверь, Георгій Побѣдоносецъ, спасите и сохраните и

помилуйте скотскій и конскій падежъ отъ стыденія звѣрей у раба Божія имиракъ; вы помощники и заступники ему во вѣки, аминь».

Молитва отъ зубной боли. «Господи Боже нашъ, Царю безначальный, пошли, Господи, рабу своему имиракъ помощи избавиться отъ болѣзни зубной, и Ты, Царица Госпожа Пресвятая Богородица, закрой своею ризою раба своего имиракъ; къ тебѣ прибѣгаю святому великомученику Антипію, прошу, защити раба божія имиракъ отъ зубной болѣзни, аминь».

«Батюшка младъ мѣсяцъ, золотыя рога твои, какъ рога твои золоты, такъ чтобы у раба Божія имиракъ зубной болѣзни не было во вѣки, аминь».

Многіе праздники и извѣстные дни въ году изстари нашъ народъ обставляетъ разными обрядами; они довольно извѣстны и общи на Русь, поэтому я назову тѣ, которые рѣже встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ.

Въ с. Колѣпѣ, Аткарскаго уѣзда (въ 1860 годахъ), вечеромъ наканунѣ новаго года дѣти собираются толпою на улицѣ и, подходи подѣ окна, затягиваютъ монотонную пѣсню таусень:

Таусень дуда,
Ты гдѣ была?
— Коней пасла.
Что выпасла?
— Коня въ сѣдлѣ,
Въ золотой уздѣ.
А гдѣ кони?
— За воротами стоятъ.
Гдѣ ворота?
— Водой снесло.
Гдѣ вода?
— Быки выжили.
Гдѣ быки?
— За горы ушли.
А гдѣ гора?
— Черви выточили.
А гдѣ черви?
— Гуси выклевали.

А гдѣ гуси?
— Въ тростникъ ушли.
А гдѣ тростникъ?
— Дѣвки выломали.
А гдѣ дѣвки?
— Замужъ ушли.
А гдѣ мужья?
— На палатихъ сидятъ,
Одни лапотки шьютъ,
Другіе шапочки пушатъ,
Перепушиваютъ;
Одна шапочка пропала
Знать, татарочка украла.

* *

Въ переднее окошко — блинъ, да лепешку,
А въ заднее окошко — поросичью ножку!

Таусень поютъ различно. Привожу еще образчикъ (с. Колѣно):

Среди Москвы,
Среди площади,
Таусень!

Стоять три терема
Златоверхіе;

Таусень!
Какъ во первомъ терему
Свѣтлый мѣсяцъ молодой,
Православный царь;

Таусень!
Во второмъ терему
Часты звѣздочки,
Малы дѣтушки.

Еще новый годъ,
Таусень!

* *

Не пора ли вамъ, хозяйка,
За таусеня платить:
Либо каша горшокъ,
А то блюдо вишокъ

Или денегъ мѣшокъ!»
Третьи поютъ слѣдующимъ образомъ:

Василій Звѣздникъ *)

Таусень!

По морю ѣздилъ,

Таусень!

Уронилъ перстень,

Таусень!

Красная дѣвица, подай!

Таусень!

Я бы рада подала:

Таусень!

На перинѣ сажу,

Таусень!

Тебѣ жемчугъ пажу.

Таусень!

* *

Пышки, лепешки, свиные ножки,

Таусень!

А вы не скувитесь и намъ подѣлитесь.

Таусень!

Во время святокъ, во многихъ деревняхъ Саратовской губерніи, парни и дѣвки наряжаются и ходятъ по дворамъ; ряженые называются «святошниками». На Рождество въ с. Колѣнѣ (въ 1860 г.) мальчики ходили «славить Христа», распеваая по домамъ молитву: «Христосъ рождается, славите»... и т. д.

Наканунѣ Рождества, въ мордовскихъ селеніяхъ Хвалыпскаго уѣзда пекутся въ честь *коляды* небольшіе сдобные пироги, имѣющіе видъ коника (коня); во время святокъ молодежь собирается въ особую избу, гдѣ проводятъ вечера въ играхъ, начиная съ того, что сожигаютъ нарочно изготовленное соломенное чучело; затѣмъ идутъ пѣсни и пляски. У мордвы с. Оркина (Саратовскаго уѣзда) дѣти колядуютъ подѣ Рождество и имъ подаютъ лепешки, называемыя «колядашками»; утромъ на рождественскій

*) На новыіи годъ *Василія Великаго*; таусень поютъ подѣ *Васильевъ день*.

сочельникъ мордовскіе мальчпки и дѣвочки, лѣтъ 10, коидуютъ ,
подъ окнами избъ и, выстроившись въ рядъ, поютъ:

Калѣда!

Га чѣза сюрѣсь

Калѣда!

Ажійшки олгѣза,

Калѣда!

Чіръки пашна колзѣмза

Калѣда!

Калѣдашка зѣрназа!

Калѣда!

Лѣнушки, лѣнушки,

Дайте намъ пирожки!

* *

Калѣда!

Пѣзна прѣса каша гавѣсь

Калѣда!

Мольць кискѣсь салѣзѣя

Калѣда!

Кискѣсь ковъ молць?

Калѣда!

Покшъ вірій воргѣтъ

Калѣда!

Покшъ вірісь-ковъ молць?

Калѣда!

Пшчи ўзирѣсь кѣрнзи

Калѣда!

Пшчи ўзирѣсь ковъ молць?

Калѣда!

Ини вѣць валѣсь

Калѣда!

Ини вѣдѣсь ковъ молць?

Калѣда!

Якѣтиря бѣкасѣ салѣзѣя.

Калѣда!

Якѣтиря бѣкасѣ ковъ молць?

Калѣда!

Раш то вѣннѣ пѣчкиннѣ

Калѣда!

Апѣннѣ ала пѣдѣпѣкѣ

Калѣда!

Кустима ала бѣзепекѣ

Калѣда!

Говарѣ ала сѣвиннѣ

Калѣда!

Лѣпушки, лѣпушки

Дайте намѣ пирожек!

* *

Довай урѣнгѣ сѣкыра!

Калѣда!

Бѣдѣ амаксатѣ сѣкыра

Калѣда!

Частатѣ черѣннѣ!

Калѣда!

Тузувѣ — тѣзувѣ ѹлиза,

Калѣда!

Лѣвѣца — лѣнга, чѣй нѣза;

Калѣда!

Пѣна — парекѣ прѣза,

Калѣда!

Пѣна — парекста бѣка ланекѣ

Калѣда!

Бука ругѣтѣ — вѣзжанза,

Калѣда!

Бѣканѣ пѣла лѣкмеза!

Калѣда!

Лѣпушки, лѣпушки,

Дайте намѣ пирожки!»

Пѣснѣя эта, въ буквальный переводѣ значить: «Калѣда! Родился бы хлѣбъ соломою съ оглоблю, съ дугу колосомъ, съ колядковую лепешку зерномъ! Лѣпушки и проч. пришѣвъ. Калѣда! на горнушкѣ горшокъ каши, пришла собака и украла. — Куда дѣвчалась собака? въ большой лѣсъ убѣжала. Куда дѣвался большой лѣсъ? Вырубилъ острый топоръ. Гдѣ же острый топоръ? Утонулъ

въ водѣ. Куда же дѣвался вода? Воду красный быкъ выпилъ. Куда же дѣялся красный быкъ? Къ Рождеству зарѣзали, въ овинѣ сварили; подъ лѣстницей молились; подъ ступой сѣли. Припѣвъ... Каляда! Давай, баба, лепешки! Если не дашь, родишь сына—паршивый будетъ, по полкамъ бѣгать будетъ, съ полки упадетъ въ лукошко для мочекъ, а изъ лукошка на быка. Бычачьи рога—возжи, бычачій хвостъ—кнути!» и проч.

Въ Оркинѣ, на Крещенье, мордва печетъ лепешки, называемыя *конями* и имѣющія форму полумѣсяца.

Въ сочельникъ, наканунѣ Рождества, малороссы (с. Сокуръ, Саратов. уѣзда, 1886) варятъ *свару* и *кутью*; въ этотъ день они ничего не ѣдятъ до вечерней зари; лишь взойдетъ звѣзда, они ставятъ кутью и свару на столъ, зажигаютъ передъ образами свѣчу, всѣ становятся на колѣни и просятъ Бога о ниспосланіи имъ хорошаго урожая хлѣбовъ, благополучія скоту и здравія себѣ; затѣмъ садятся за столъ и ѣдятъ приготовленную кутью и свару оставшееся же ставятъ подъ образа, подставлявъ предварительно сѣна; кутья и сваръ стоятъ такъ до крещенскаго сочельника *); въ этотъ день малороссы сѣдаютъ все; сѣно же, бывшее подъ сваромъ и кутьею, разстилаютъ по столу. Хохлы увѣряютъ, что въ этомъ сѣнѣ является, неизвѣстно откуда, шерсть разнаго цвѣта, которую разбираютъ по мастямъ и раскладываютъ на нѣсколько кучекъ, по цвѣту: въ которой кучкѣ шерсти больше, то этой масти слѣдуетъ держать и скота больше. Сѣно отдаютъ потомъ коровамъ, чтобы вѣдьмы не могли ихъ доить. Малороссы съ рождественскаго сочельника до крещенскаго метутъ свои хаты, начиная отъ дверей (порога) къ переднему углу, подъ образа, и все это время сора не выкидываютъ; въ крещенскій же сочельникъ жгутъ этотъ соръ, и золу отъ него оставляютъ до весны, и когда выѣзжаютъ пахать, то смѣшиваютъ эту золу съ хлѣбными сѣменами, для того, чтобы не было пустыхъ волосевъ и сорныхъ травъ.

На первый день Рождества Христова малороссійянки с. Сокура,

*) Въ 1854 г. встрѣчая Рождество въ Купянскомъ уѣзд. Харьков. губ., въ домѣ помѣщика-малоросса Пеунова, я встрѣтилъ такой же обычай: вечеромъ въ Рождественскій сочельникъ положено было подъ образами сѣно, поставлена была свѣча, изображавшая Спасителя, и дары: кутья, взваръ и пироги, поданные за тѣмъ къ ужину.

женицны и дѣвицы, ходять вечеромъ подѣ окнами и поють слѣдующую *коляду* (колядуютъ):

Нова рада стала,
Якой небувало:
Надъ вертіномъ звѣзда ясна
Весь свѣтъ осіяла *).

* * *

Гдѣ Христосъ родився,
Зъ Дѣвы воплотився
Тамъ человекъ предъ Богомъ
Пеленами повився.

* * *

Пастушки зъ ягнѣткомъ
Передъ тѣмъ дитѣткомъ
На колѣны припадали
Богамъ величали.

* * *

Ой ты Божє, нашъ Царю,
Небесный шахмѣрю,
Пошли лѣто счастливое
Семѹ господарю.

* * *

Давидъ милосѣрдный,
Выгравалъ дивно,
На вси струны ударяе,
Богѣ величае.

Притѣгъ: Яко царю рождѣнну
Богу пресвѣтчу.

При этомъ хозяева дома выносятъ колядующимъ хлѣбъ (паланицу), крекделл, пироги, колбасу и иногда деньги; колядованіе продолжается съ 5 до 8 часовъ вечера, несмотря ни на какую погоду. Вотъ еще другая коляда, расѣиваемая на второй день:

Папъ господарє!
Богъ тебє кличе,

*) *Коляда* эта переложена на ноты Н. И. Кондратьевымъ и передана въ Пивер. Геогр. Общество.

Даромъ даруе —
Три теремѣчки:

* * *

Въ первомъ теремѣ
Сыновъ женити,
Въ другомъ теремѣ
Дочь отдавати,

* * *

Въ третьемъ теремѣ
Вамъ старымъ жить,
Вамъ старымъ жить,
Медъ, вино пить.

Притѣг: «О дай Боже, святый вѣчоры!»

Подъ новыи годъ вечеромъ малороссіянѣ поютъ:

Мпланна ходіла,
Васілка просила:
Тымъ мене, батько,
Пусти къ себѣ въ хатку.

* * *

Я живо не жала
Честный хрестъ держала,
Честный хрестъ держала,
Золоту кадильницу: —

Притѣг: «Радуйтєся люди,

Къ памъ Христось буде!»

Раннимъ утромъ 1 января являются мальчики съ разнымъ лѣбомъ (пшеницей, рожью и проч.) и обсыпаютъ имъ избу, приговаривая: «на житю, на горохъ (пошли Господи урожай), на пше- ницу, чечевицу; доброму хозяину на доброе здоровье». За тѣмъ идетъ поздравленіе съ праздникомъ, при чемъ поздравителямъ даютъ деньги.

Крестьянинъ Т. Кузьминъ (Сарат. губ. Вѣдом. 1888, № 61) сообщаетъ, что въ слободѣ Руднѣ, Камышинскаго уѣзда *), у мало- россовъ, на первый и второй день Рождества постєя коляда, а

*) Слобода Рудня населена русскими государст. крестьянами и солдато- цами малороссами изъ Воронежской и Полтавской губ. въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

подъ Новый годъ—щедрикованье, толпами молодежи и «дівчатъ», съ позволенія хозяевъ, которые дарить ихъ хлѣбомъ, саломъ, деньгами и водкой. Вотъ образчики этихъ пѣсень (первая—вариантъ приведенной выше):

Коляда.

Нова рада стала,
Якъ на небі хмара,
Надъ вертепомъ звізда ясна
Весь свѣтъ осіяла.
Дѣ Христось родився,
Съ Дівою воплотився,
Тамъ чоловікъ передъ Богомъ
У се ризами уновився.
Пастушки съ ягняткомъ
Передъ тымъ дытяткомъ
На колінцы унадають,
Бога - Царя величають:
Боже нашъ Царю,
Небесный *шатию* *),
Пошли літо счастливое
Нашему господарю.

* *

Давидъ милосердый
Грає, выгравас,
На всі струны ударе,
Бога-Царя величає.
Цари приходили,
Не то срібло, не то золото,
Чимъ Господа дарувати.

Приговорка:

Дай Боже вечеръ добрий,
А намъ перигъ (калатъ) довгій,
Хочъ маленький,
Та ціленькій.

* *

*) Объяснить значеніе этого слова малороссы не могутъ.

Еще поютъ такъ:

Кто, кто Миколая любе,
Кто, кто Миколаю служе,
Святый отче Миколае
На всякій часъ помогае.

Миколаю (2 раза).

Богородиця Сына породила,
Всѣхъ ангеливъ до себе зазвала.
Стали думать и гадать,
Якъ ему имя дать.

Миколаю (2 раза).

Дали ёму имя святого Петра,
Богородиця Петра не злюбила,
Всѣхъ ангеловъ посмутила.

Миколаю (2 раза).

Кто, кто Миколая любе,
и т. д.

Другой варіантъ:

Богородиця сына породила,
Всѣхъ ангеливъ до себе забрала;
Стали думать и гадать,
Якъ ему имя дать.

Миколаю (2 раза).

Дали ему имя святого Ильа,
Вона имя не злюбила
Всѣхъ ангеливъ позмутила.

Миколаю (2 раза).

Кто, кто мене любе, и т. д.....

Богородиця Сына породила,
Всѣхъ ангеливъ до себе забрала;
Стали думать и гадать,
Яке имя дать.

Миколаю (2 раза).

Дали ему имя Іисуса Христа,
Іисуса она возлюбила

Всіхъ ангеливъ взвеселила.

Миколає (2 раза).

Кто, кто мене любе, и т. д.....

* * *

Шла Діва Марія

Изъ монастыря.

Аллилуя! Аллилуя!

Изъ монастыря.

Встѣли іи

Трое жидовья.

Аллилуя! Аллилуя!

Трое жидовья.

Чи не вы, жиды,

Христа мучили?

Аллилуя! Аллилуя!

Христа мучили.

Ни, не мы Его мучили,

А наши предковья.

Аллилуя! Аллилуя!

А наши предковья.

Шла Діва Марія

На Сіонску гору.

Аллилуя! Аллилуя!

На Сіонску гору.

А на Сіонской гори

Мастры маструють,

Церкву будують.

Аллилуя! Аллилуя!

Церкву будують.

А въ той церкви

Три гроба стоять.

Аллилуя! Аллилуя!

Три гроба стоять.

Первый гробъ —

Исусъ Христосъ.

Аллилуя! Аллилуя!

Исусъ Христосъ.

А второй гробъ —

Иванъ Христытель.

Аллилуя! Аллилуя!

Иванъ Христытель.

А третій гробъ —

Діва Марія.

Аллилуя! Аллилуя!

Діва Марія.

Надъ Иисусомъ Христомъ

Свѣчи пылають.

Аллилуя! Аллилуя!

Свѣчи пылають.

А надъ Иваномъ Христытелемъ

Евангель читають.

Аллилуя! и т. д.

А надъ Дівой Маріей

Рожа (роза) розцвітає.

Аллилуя! и т. д.

Якъ стой (стою) разъ

Вылѣтѣвъ птахъ.

Аллилуя! и т. д.

Тай полѣтѣвъ птахъ

По нидъ небесахъ.

Аллилуя! и т. д.

Небеса растворяются,

Всі свѣты ему поклоняются.

Аллилуя! и т. д.

Нѣмцы Ягодной-Поляны (Саратов. уѣз.) всю ночь подъ Рождество (die heilige Nacht), до разсвѣта, звонять въ церковные колокола. Молодежь, на святкахъ, по вечерамъ и ночью ходять по домамъ наряженная, преимущественно выворачивая шубы; эти святошники называются у нихъ «Pelz-nickel». На новыи годъ молодежь и старики ходять толпой въ гости къ знакомымъ, угощаютъ другъ друга ѣдой и виномъ, и стрѣляютъ изъ ружей; въ этотъ день, обыкновенно, русскіе крестьяне изъ сосѣднихъ селеній навѣ-

щаютъ своихъ знакомыхъ нѣмцевъ, на что колонисты отвѣчаютъ въ свою очередь, прїѣзжая къ нимъ въ русскія селенія на масляницу. Последняя празднуется у крестьянъ Саратов. губерніи съ четверга, блины же пекутъ еще съ воскресенья и понедѣльника; къ этому времени готовятъ брагу. Отличительная забава этихъ праздниковъ—катанье по улядѣ, теперь больше парой и даже въ одну лошадь: бабы, дѣвки в ребятышки насядутъ въ сани челоѡвѣкъ пять и больше, такъ что подъ частъ бѣдная лошаденка едва тащить эту кладь. Пьянство на масляницу превосходитъ даже бывающее на «престолѣ» (храмовой праздникъ). *Пировая* (гульба) продолжается иногда въ понедѣльникъ великаго поста до бани; въ этотъ день многіе доѣдаютъ и допиваютъ остатки *широкой* и *честной* масляницы, но послѣ бани считается уже за грѣхъ дотропаться до скоромнаго и хмѣльнаго. Вечеромъ, въ воскресенье масляной, наканунѣ великаго поста, въ такъ называемый *прощенный день*, крестьяне ходятъ къ священнику и другъ къ другу (прежде, бывало, къ господамъ) «прощаться», т. е. просить прощенія, причеъ кланяются въ ноги. Мужъ, *прощаясь* съ женой, никогда не дѣлаетъ ей земного поклона, она же обязательно выполняетъ это.

Великимъ постомъ, 9 марта наступаетъ праздникъ весны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Саратовской губерніи (с. Колѣно, въ 1860 годахъ) пекутъ «жаворонковъ» изъ тѣста, при этомъ мальчишки и дѣвчонка избираются на крыши избъ и кричатъ:

Жаворонки, жавороночки!

Прилетите къ намъ,

Принесите намъ

Лѣто теплое,

Унесите отъ насъ

Зиму холодную;

Намъ холодная зима

Надоскучила,

Руки, ноги отморозила!

На *Благовѣщеніе* (25 марта) русскіе считаютъ за большой грѣхъ работать, такъ какъ «и птица не въѣтъ гвѣзда въ этотъ день»; въ народѣ (с. Колѣно) есть разсказъ про птицу, которая въ этотъ день гвѣзду и удавилась въ немъ. На Благовѣще-

піе крестьяне берутъ за обѣдней просфоры и берегутъ ихъ до времени сѣва: выѣзжая въ первый разъ сѣять, каждый закусываетъ этой «благовѣщенской» просфорой, оставляя отъ нея кусочки, которые разбрасываютъ при сѣвѣ на пашнѣ *).

Какъ русскіе, такъ и малороссы, выходя на *Великій четвертокъ* (на страстной недѣлѣ) отъ стоянія, стараются донести въ свои дома «огонь евангельскій» (зажженные свѣчи) и по приходѣ коптятъ ими или выжигаютъ на матицѣ (бревнѣ, поддерживающемъ потолокъ) кресты, чтобы «не угасла благодать Господня въ домѣ».

У малороссовъ, въ с. Широкомъ-Уступѣ (Аткарскаго уѣзда, въ 1860 годахъ) заведено «со старинны» (изъ ихъ родины) приносить при освященіи пасхи, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, всю свою провизію или уже непременно поросенка и свиное сало, въ добавленіе къ куличу и сыру, вмѣсто приносимыхъ русскими лишь кулича, пасхи и яицъ. Православный народъ съ четверга страстной недѣли начинать готовится къ Пасхѣ: варятъ брагу, ставятъ куличи, дѣлаютъ пасхи, красятъ яйца; малороссы дѣлаютъ «писанки» (узорчато раскрашенные разноцвѣтными полосами, угольниками и другими фигурами яйца). По окончаніи заутрени, подходя къ кресту, всѣ христосуются съ духовенствомъ, подавая каждому пѣвъ священниковъ и причту по одному и болѣе яицъ, которыя опускаются тутъ же въ стоящія подлѣ нихъ кошѣлки, кадушки или иную посуду. Послѣ обѣдни, на полу церкви и съ наружи, около пѣн, вытягиваются длинныя вереницы куличей, пасохъ и яицъ, которые святитъ священникъ; отъ каждого кулича и пасхи попы отрѣзаютъ части въ свою пользу и берутъ по нѣскольку яицъ, все это сваливается ими въ особныя посуды и за тѣмъ дѣлится съ причетниками, при чемъ прежде не обходилось безъ споровъ и ссоръ. На другой день Пасхи жители слободы Широкаго-Устуня, какъ малороссіяне, такъ и русскіе, обходятъ съ иконами и хоругвями, взятыми изъ церкви, кругомъ села, для охраны его отъ всякихъ несчастій и пожара; тотъ же обычай ведется издавна и въ с. Полчанниковкѣ (Саратов. уѣзда) и нѣкоторыхъ другихъ се-

*) Въ Тамбовской Архивной Комиссіи хранится уставная грамота 1662 г., указывающая, что и въ то время держали *благовѣщенскія просфоры* для хлѣбнаго застѣванія.

леніяхъ. Духовенство всю святую недѣлю ходитъ по приходу съ молебнами (славить Христа), за ними слѣдуютъ *богоносцы* съ хоругвями и иконами, которыя ставятся въ домахъ на приготовленный въ посудахъ разный зерновой хлѣбъ; послѣдній мѣшаютъ затѣмъ съ сѣменами, идущими на посѣвъ полей. Отличительное увеселеніе на Пасху составляютъ въ нашемъ народѣ, въ большинствѣ селеній, *рели* (качели) и катанье яицъ на улицѣ. Нѣмцы Ягодно-Полянскихъ колоній, Саратов. уѣзда, усвоили себѣ тоже обычай, празднуя первые три дня Пасхи, ставить качели, на которыхъ качается молодежь, парни и дѣвушки.

На лѣвомъ берегу Волги, противъ Саратова, лежитъ большая малороссійская слобода Покровская, Самарской губ. Она населена послѣ указа 1763 г. солевозцами, выходцами изъ Украины, и имѣла уже въ 1770 г. деревянную церковь; теперь ихъ въ слободѣ пять. Покровскіи «жинки» гуляютъ на Фоминой недѣлѣ, выпроводивъ своихъ «чоловікоѣ ораты у поле», сираяля свой бабій праздникъ *ловить Хому*; для этого «жинки» устрояють складчину и затѣмъ собираются въ какой-либо хатѣ, гдѣ хозяйкою является «сама стара» хотя бы она была совсѣмъ молодой женщиной. Подвыпивъ здѣсь самымъ основательнымъ образомъ, хохлушки цѣлою толпою открываютъ далеко нескромное шествіе по селу съ пѣснями и пляскою. Завидѣвъ мужчину, онѣ гурьбой бросаются за нимъ: это собственно и значить «ловить Хому». Попавшійся въ ихъ руки, въ особенности «москаль», не скоро отдѣлается отъ разгулявшихся бабъ—и во всякомъ случаѣ не иначе, какъ заплативъ имъ усиленную лепту на выпивку. Дѣвушки, которымъ перевалю за 25 лѣтъ, подвергаются той же участи; каждую изъ такихъ пьяная толпа тащитъ за собою, прищівая:

Черезъ греблю Микитину
Ведутъ Гапку пидтыкану...
Кричитъ Гапка, репетуе,
Никтожь Гапці не ратуе!

Заканчивается процессія новой выпивкой; подобнаго обычая въ другихъ малороссійскихъ селеніяхъ, кажется, не водится («Сарат. Листокъ», 1887).

При первомъ весеннемъ выгонѣ скота въ поле во многихъ селахъ Саратов. губерніи (с. Полчаниновка и др.) существуетъ

изстари слѣдующій обрядъ: стада собираются утромъ на площади, около церкви, и священникъ, отслуживъ молебенъ съ водосвятиемъ, обходитъ ихъ съ образами и хоругвями, причемъ кропитъ животныхъ святой водой; при этомъ ставятъ тутъ же столъ и на немъ хлѣбъ и соль, а затѣмъ бабы раздаютъ пастухамъ лепешки и яйца.

На *Преполовение* (24 дня послѣ Пасхи) во многихъ селахъ существуетъ обычай, что священникъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, хоругвями, образами и весь народъ идутъ на рѣку или родникъ, гдѣ ставится столъ съ хлѣбомъ и солью; здѣсь служится молебенъ съ водосвятиемъ.

Наканунѣ Вознесенія бываетъ «отданіе Пасхи»: въ этотъ день у обѣдни послѣдній разъ поютъ «Христосъ воскресъ» и затѣмъ только въ заутреню на Вознесеніе. Народъ празднуетъ этотъ день лишь до обѣда.

Еще недавно въ с. Озеркахъ (Саратов. уѣзда) былъ обычай, на концѣ Вознесенія, печь «блинцы» и изъ того же тѣста — «лѣсенки»; вечеромъ клали ихъ на столъ и зажигали восковую свѣчу, которую не тушили всю ночь: лѣсенки должны были служить Иисусу Христу «для взлѣзанія на небо», а блины — подобіемъ опучъ, для обвязыванія ногъ, «чтобы не потереть ихъ». Обычай этотъ недавно вывелся въ Озеркахъ, но блинцы и до сихъ поръ называются *Христовыми опучками*. На Вознесеніе, существовалъ въ с. Колѣнѣ (Аткарскаго уѣзда) въ 1860 годахъ обычай, что женщины и дѣвушки пекли блины и яйца, дѣлали изъ тѣста «лѣстницы» и послѣ обѣда шли въ поле, гдѣ посѣяна рожь, входили на средину десятины, клали принесенные запасы на землю, пѣли пѣсни и валялись во ржѣ, при этомъ кидали яйца къ верху и ловили ихъ; киданіе имѣло свое значеніе: какъ высоко извилось яйцо, такъ должна была вырасти рожь; послѣ того все принесенное съѣдалось тутъ же. Теперь обычай этотъ намъ не встрѣчался.

Троицынъ день — одинъ изъ праздникоу, который сохранилъ въ народѣ свой особенный нарядный типъ и обычай завивать вѣнки. Въ этотъ день всѣ дѣвушки украшаются зеленью *), молодежь

*) Распоряженіе начала 1880 годовъ не срубать и не втыкать деревь на Троицу, плохо и не охотно исполняется народомъ. Имѣя самъ лѣса, я могу положительно сказать, что эта мѣра охраны лѣсовъ бесполезна, такъ какъ лѣсъ вовсе не страдаетъ отъ незначительной вырубки мелочи на Троицу.

идетъ въ лѣсъ «ломать сучья», изъ которыхъ плетутъ вѣнки; разсыпавшіеся по лѣсу въ праздничныхъ яркихъ нарядахъ, шумная толпа поетъ:

Вы радуйтесь, березоньки,

Веселитесь, сырые дубки,

Подъ васъ идутъ красныя дѣвицы и т. д.

или другую пѣсню:

Мы вѣночки завивали,

На головку надѣвали,

Подъ кустъ сѣли, приустили,

Зли собаки набѣжали,

Меня младу испужали....

Послѣ того вѣнки надѣваютъ на головы и идутъ вереницей къ рѣкѣ; впереди паренъ или дѣвка пляшутъ подъ хороводную пѣсню, кругомъ съ шумомъ и крикомъ бѣгаютъ ребятишки. Подходя къ рѣкѣ, всѣкій загадываетъ про себя или родню: долго-ли проживетъ, скоро-ли женится или выйдетъ замужъ; при этомъ бросаютъ вѣнки въ воду; ежели вѣнокъ утонетъ, то это предвѣщаетъ смерть или неисполненіе желаній; въ это время хороводъ поетъ:

Всѣ дѣвочки на верху воды,

А мой внизъ потонулъ;

Всѣ мужа изъ Москвы пришли,

А мой не пришелъ.

Потомъ всѣ идутъ на улицу и до поздняго вечера раздаются пѣсни, плясъ и веселый говоръ хоровода.

Въ дер. Озеркахъ, Дивовской волости (Аткарс. уѣзда, 1885), съ издавна сохранился довольно оригинальный обрядъ *кумовства* между женщинами: когда замужнія женщины и взрослыя дѣвицы идутъ по улицѣ на Троицу, съ пѣснями и плясками, составляя на концѣ деревни хороводъ, то каждая женщина выбираетъ себѣ по душѣ другую, онѣ цѣлуются, дарятъ одна другой яйца, и затѣмъ называютъ другъ друга кумой. Обычай кумовства повторяется ежегодно на Троицу и встрѣчается до сихъ поръ во многихъ селеніяхъ Аткарскаго и Саратовскаго уѣздовъ, гдѣ молодыя женщины, преимущественно дѣвушки, «кумятся», цѣлуясь черезъ силетенные вѣнки, которые потомъ съ пѣснями бросаютъ въ воду *).

*) Въ Новгородской губ. тоже встрѣчается кумовство на Троицу у дѣвокъ и бабъ — личкомъ черезъ березку.

Мордовскія дѣвушки въ с. Оркинѣ, собравшись на Троицу хоро-
водами, идутъ, какъ и русскія, въ лѣсъ: рвутъ цвѣтки, вьютъ изъ
нихъ вѣнки, убираютъ цвѣтами головы, втыкая ихъ въ волосы
надъ ушами и въ косу, въ конецъ которой, вмѣсто шнурковъ съ
кисточками, вылетаютъ въ этотъ день красныя ленты; дѣвки вхо-
дятъ въ село шеренгой, взявшись рука съ рукой или обнявшись,
идутъ по улицѣ и поютъ пѣсни.

Подобно русскимъ, нѣмцы-коловняты (Ягодпо-Полянская вол.)
вытываютъ на Троицу передъ окнами и дверями своихъ жилищъ
молодыя деревца (Maibaume); въ этотъ же день, еще съ ночи, каж-
дый женихъ тайно ставитъ около дома своей возлюбленной сруб-
ленную имъ березку *).

Духовъ день считается тяжелымъ въ народѣ и многіе даже не
кушаютъ въ этотъ день, боясь утонуть.

Въ воскресенье на заговѣнье передъ *Петровками* (постъ Петра
и Павла) бываетъ *Русалское Воскресенье*; въ этотъ день изстари
установились въ нашемъ народѣ *проводы русалки*. Происходитъ
это, мѣстами, такъ (с. Колѣно, 1863): пообедавъ послѣ обѣдни
молодежь собирается на улицѣ и пачинаются пѣсни и плясъ; не-
много погодя принимаются за русалку, для чего наряжаютъ чу-
чело. Къ вечеру является и русалка: это—конь, сдѣланный изъ со-
ломы, на немъ сидитъ мальчикъ лѣтъ 15, *юворокъ* (т. е. разбит-
ной), и смѣшитъ народъ своими прибаутками; у этого коня ноги
замѣняютъ два дюжіе парни, закутанные въ торпиче; конь весь
увѣшенъ разноцвѣтнымъ тряпьемъ и бубенчиками; за нимъ валитъ
народъ, преимущественно бабы, дѣвки и дѣти, гремятъ трещетки,
бьютъ въ тазы и заслоны; неидетъ онъ прямо по улицѣ, а мечется
въ стороны, разгоняетъ и давитъ народъ и тѣхъ, которые сидятъ
около избъ и неидутъ «проводить русалку»; такимъ образомъ вся
толпа валитъ къ рѣкѣ, съ пѣснями, приплясываніемъ, хохотомъ и
бросаютъ чучело въ воду.

Дѣвушки-малороссіянки почитаютъ очень деңь *Ивана Купали-*
нова (Рождество Іоанна Предтечи, 24 іюня). Наканунѣ этого дня
(с. Сокуръ, Саратов. уѣзда) онѣ берутъ «сѣкпру» (топоръ) и идутъ
въ лѣсъ, гдѣ срываютъ кленовыя листья (по-малороссійски: чи-

*) *Майская березка* въ обычаѣ и у Чеховъ: она ставится тайкомъ въ
ночь на 1-е Мая парнями передъ домами молодыхъ дѣвушекъ.

бытки) и вырубают длинную палку черноклена; все это приносят домой; тутъ часть дѣвушекъ плетутъ изъ «чибытковъ» вѣнокъ, а другіи лѣпятъ изъ глины человѣчью фигуру въ видѣ женщины, выдѣлывая ей носъ, ротъ, глаза и груди, румянятъ щеки и одѣваютъ въ женское платье, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ чибытковъ и живыхъ цвѣтовъ, и оставляютъ ее до утра у которой-либо изъ дѣвицъ. Утромъ, въ день Ивана Купалы, матери пекутъ блины, сносятъ ихъ къ той хатѣ, гдѣ почевала слѣпленная фигура, и кладутъ принесенное на завалину; сюда собираются старухи и ѣдятъ эти блины; дѣвицны идутъ въ хату къ глиняной чучелѣ, которой даютъ имя *Морынка* (вѣроятно искаженная Морана), сажаютъ ее на скамью, берутся за руки и, составляя кругъ ходятъ возлѣ «морынки» и поютъ слѣдующія пѣсни:

Маланчика, петривочка,
Да не высналась наша дівочка,
Къ череди шла да дримала,
Па синады очи повидырала.
Гдижъ ты, *Морынко*, ночь почивала?
Яжъ почивала нидъ вірбою кудрявою,
Нидъ холодною водою.

По окончаніи этой пѣсни берутъ Морынку, насаживаютъ на прежде приготовленную палку черноклена и идутъ къ рѣкѣ съ пѣснями слѣдующаго содержанія:

Гой, Катерино, биль билила,
Да съ своей билью говорила:
Гой биль, моя биль, тонка ни біла,
Якъ я пиду за нелюбого,
Якъ тобі биль въ чірні изношу.

* * *

Ойжъ ты моя вірба кучерыва!
Такъ Катерино биль билила,
Съ тою билью говорила:
Ой биль моя, и тонка и біла,
Якъ я пиду за милого,
Якъ тебе, моя биль,
За праздыкъ изношу.

По приходѣ къ рѣкѣ, бросаютъ Морынку въ воду, а вѣнокъ

съ ей головы берутъ домой; малороссы вѣрятъ, что цвѣты и листья изъ вѣнка Морынки отгоняють нечистую силу изъ того дома, гдѣ хранится хотя одинъ изъ этихъ цвѣтовъ; они помогаютъ также въ недугахъ, для чего ихъ настаиваютъ въ водѣ и послѣдней поятъ больного; кромѣ того цвѣты и чабытки (листья) изъ вѣнка Морынки спасаютъ отъ громоваго удара *).

Десятая пятница считается въ народѣ преимущественно женскимъ (бабынымъ) праздникомъ. Въ 10-ю пятницу послѣ праздника Насхи чествуется память *Параскевы-пятницы*; въ г. Саратовѣ, въ Кресто-Воздвиженскомъ женскомъ монастырѣ имѣется особый придѣлъ Параскевы-пятницы; въ этотъ день, кромѣ горожанъ, собирается сюда огромная масса богомольцевъ изъ сосѣднихъ селъ и деревень, преимущественно жепщины, такъ что не только монастырское подворье, но и сосѣднія съ нимъ улицы бывають запружены народомъ. Есть повѣрье въ Саратовскомъ уѣздѣ, что около 10-й пятницы бываеть обыкновенно дождь.

На 1-е августа, *Происхожденіе древа Креста Господня* или *Первый Спасъ*, заведенъ издавна, по многихъ мѣстахъ губерніи, обычай ходить крестнымъ ходомъ съ образами и хоругвями на рѣку или родникъ и служить тамъ молебень, при чемъ освящаютъ сѣмена ржи для предстоящаго посѣва. Въ этотъ же день освящаютъ въ церкви, послѣ обѣдни, медъ, принося его въ чашкахъ

*) Въ «Древностяхъ» Моск. Археолог. Общества, 1868, т. I, приведено указаніе на этотъ обычай въ Малороссіи: тамъ изстари дѣвки подъ Ивана Купалу срубають дерево *чернокленъ*, сбивають его въ землю, затѣмъ дѣлають чучело (ляльку) изъ соломы, одѣвають его по-женски въ юбку, очипокъ и пр., навѣшиваютъ наместа и другія украшенія и сажаютъ подъ дерево; чучело это называется: *марена*, *мареночки* или *марана* (мара означаетъ смерть); въ другихъ мѣстахъ *мареной* называется чернокленъ, а чучело — *Купаломъ*. Вечеромъ на Ивана Купалу снимають съ этаго чучела всѣ украшенія и съ плечами несутъ топить вмѣстѣ съ чернокленомъ; мѣстами же его облачивають соломой и крапивой и сожигаютъ. Въ Бѣлоруссіи, въ ночь подъ Ивана Купалу жгутъ костры и прыгаютъ черезъ нихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлають чучело въ видѣ жепщины, вокругъ которой пляшутъ дѣвушки и поютъ. Предъ разсвѣтомъ Иванова дня бѣлорусскія дѣвушки выбираютъ самую красивую, раздѣвають ее до нага и голое тѣло опутываютъ цвѣтами и обвѣшиваютъ вѣнками; послѣ чего, окруженная хороводомъ, она (дѣвушка-Купала) идетъ въ лѣсъ, гдѣ заготовлены вѣнки; здѣсь ей завязываютъ глаза, дѣвушки пляшутъ вокругъ нея, а она раздаетъ имъ вѣнки: которой достанется свѣжій — будетъ счастлива, напротивъ — увядшій, предвѣщаетъ все дурное. (Киркоръ, «Живои. Россія», т. III, 1882).

или вновь наломанный, сотами, часть которого удѣляютъ священнику; день этотъ называется также «медовымъ Спасомъ».

Съ 1 по 15 августа (Успеніе Богородицы) продолжается двухнедѣльный Успенскій постъ, называемый въ народѣ *Спожинки* (оспожинки) и который онъ читъ наравнѣ съ Великимъ постомъ. Малороссы называютъ этотъ постъ «Госпожинки», отъ Госпожи Пресвятой Богородицы; у русскихъ названіе это искажено въ «спожинки» и примѣняется къ житву, которое въ это время приходитъ къ концу, почему есть у нихъ и поговорки: «*спожинки-обжинки*».

6-го Августа—*Спасъ Преображеніи*, въ который освящаютъ въ церкви яблоки; народъ зоветъ его «яблочнымъ Спасомъ». Бабы, у которыхъ умирали дѣти, не ѣдятъ яблокъ до этого Спаса, увѣренны, что въ противномъ случаѣ умершимъ дѣти не дадутъ на томъ свѣтѣ «райскихъ» яблокъ.

18-го Августа, день *св. Флора и Лавра*, покровителей домашнего скота, собираютъ около церкви всѣхъ лошадей селенія и проводятъ между хоругвыми и образами, при чемъ священникъ кропитъ ихъ святою водою.

29-го Августа читается нашею церковью день Успѣновія главы Іоанна Предтечи, въ народѣ — *Иоанъ Постный*; крестьяне не ѣдятъ въ этотъ день ни яблокъ, ни арбузовъ, ни картофеля, вообще ничего круглаго, напоминающаго отсѣченную голову, чтобы не сдѣлаться сообщниками Иродіады.

Съ 8-го Сентября, *Рождества Богородицы*, начинаются *посидѣлки*: дѣвушки съ пражей собираются въ одну избу, къ нимъ приходятъ парни съ гармонкой и угощеніемъ, поются пѣсни *).

Время съ 1 Сентября до *Воздвиженія*, т. е. 14 сентября, называется «бабье лѣто»; есть примѣта, что если бабье лѣто ненастное, то осень будетъ хорошая, если же оно сухое, то осень дождливая. Народная поговорка гласитъ, что «Вздвиженье кафтаитъ съ плечъ сдвинетъ, а тулупъ надвинетъ». Въ «бабье лѣто» баба отдыхаетъ послѣ труднаго житна, хотя молотба тоже не

*) Осеннія вечеринки или посидѣлки встрѣчаются не у однихъ русскихъ и малороссовъ; мы видимъ ихъ не только у болгаръ (*сиденки*), но въ Венгріи и Франціи, при чемъ крестьянскія дѣвушки, собираются съ работой или пражей, а къ нимъ приходятъ молодые парни съ пѣніемъ, музыкой и другими забавами.

легкій трудъ; другіе объясняютъ названіе бабьяго лѣта тѣмъ, что съ этого времени начинаютъ бабьи работы: трепка пеньки, пряжа и проч. Иные считаютъ бабье лѣто съ 1 до 8 сентября.

Лѣтъ тридцать назадъ, у мордвы с. Оркина справлялся на *Покровъ* (1 октября) дѣвками в парниги праздникъ называвшійся *ссыпчинами*, для котораго дѣвки, сговорившіеся заранѣе, спимали неподалеку вѣскольکو квартиръ; сюда привосили они куръ, гусей, мяса и другіе припасы; предъ самымъ праздникомъ варили они брагу, въ продолженіи же ссыпчицъ ежедневно пекли пироги и приготавливали разныя кушанья; затѣмъ пляли, пѣли пѣсни и плясали подъ обычный свой припѣвъ: «да или-ли-да-да». Къ нимъ приходили парни и гуляли вмѣстѣ съ ними; дѣвки угощали гостей-парней: брагой, пирогами и кушаньями, а тѣ покупали вина, орѣховъ и грибовъ. На ссыпчинахъ дѣвки одѣвались въ самые лучшіе наряды, а красивыя, ловкія и статныя надѣвали старинную, особенно нарядную одежду—*покай*, весь вышитый мишурой, блестящими и увѣшенный по плечамъ и рукавамъ маленькими бубенчиками, погромками, звонками, бляшками и даже колокольчиками; звучно побрякивая ими въ тактъ, во время пляски, дѣвка блистала въ яркомъ нарядѣ. Затѣмъ парни приводили ихъ, для катанія верхомъ, лошадей въ сѣдлахъ, непременно бойкихъ, которыхъ украшали лентами и разноцвѣтными махорками, а на сѣдло постилали ярко вышитую и блестящую попоу; дѣвки, желавшія покататься, три раза обходили кругомъ лошади, затѣмъ ловко вскакивали въ сѣдло и лихо, съ плетью въ рукахъ, неслись по селу въ своихъ блестящихъ нарядахъ, въ мужскихъ штанахъ и особенныхъ головныхъ уборахъ, при чемъ навѣшенные на нихъ бубенчики и другія побрякушки производили неумолкаемый звонъ, пугавшій строгихъ лошадей, которыя бросались въ сторону и нерѣдко сбрасывали съ себя смѣлыхъ наѣздницъ. На ссыпчины, продолжавшіеся недѣлю, пріѣзжали изъ сосѣднихъ селъ и имѣній помѣщики, и даже «господа» изъ г. Петровска, при чемъ холостые гуляли здѣсь наряду съ парнями. Последняя ссыпчина была въ концѣ 1850-хъ годовъ; годъ отъ году неурожаи и обѣдненіе заставили оставлять этотъ нарядный праздникъ, требовавшій много расходовъ, и онъ остался теперь только въ народной памяти; «покай», въ который рядились дѣвки, нельзя уже ни в како

встрѣтить на селѣ и только немногія бабы носятъ еще бусы, остатки отъ бывшихъ на показъ украшеній.

26-е Октября — *Дмитріевъ день*; суббота передъ этимъ днемъ называется «Дмитрова субота»; въ этотъ день установлено поминаніе «убіенныхъ на брани», въ память Куликовской битвы при Дмитріѣ Донскомъ, при чемъ поминаютъ и всѣхъ усопшихъ. Въ русскомъ народѣ, у малороссовъ и мордвы Дмитрова субота называется «Родительской» (см. ниже *родительскія поминки*).

Ежегодно въ началѣ октября, взрослые дѣвнцы малороссіянки (с. Сокуръ, Саратов. уѣзда), собираясь группами отъ 3 до 5 паръ подругъ, снимаютъ, преимущественно у вдовъ, хату для ночныхъ *посидѣлокъ* (вечерницъ), куда собираются съ вечера и сидятъ далеко за полночь, при чемъ занимаются разнаго рода рукодѣльемъ: шитьемъ, придевомъ, вышиваньемъ и т. под.; въ тоже время поютъ пѣсни. На вечерницы приходятъ молодые паробки (холостые ребята) и ведутъ съ ними пляску, «гопака», подъ скрипки, сопѣлки и балалайки. Къ концу вечерницы паробки спрашиваютъ дѣвчинъ, оставятъ-ли онѣ ихъ ночевать? и всегда получаютъ утвердительный отвѣтъ; послѣ чего каждая дѣвка стелетъ для себя и оставленнаго ею паробка постель, на которой и ложатся спать попарно (*женятся*); утромъ, какъ разсвѣтаетъ, расходятся по домамъ. Бываетъ, разумѣется, не безъ грѣха, но не было случая, чтобы согрѣшившіе нарушили клятвенное обѣщаніе о бракѣ. Опрошенныя мною пожилыя малороссіянки утверждаютъ, что дѣвки, *женясь* съ избранными паробками, дозволяютъ лишь цѣловаться, до грѣха же допускаютъ очень рѣдкія; тоже самое я слышала въ другихъ мѣстахъ.

На *Козьму и Демьяна* (1-го ноября) въ русскихъ селеніяхъ *ломаютъ кочетковъ* (рѣжутъ пѣтуховъ): всякій почти дворъ считаетъ обязанностью имѣть въ этотъ день зажареннаго пѣтуха или курицу; при этомъ заготавливаютъ брагу. Въ этотъ день дѣвки справляютъ *Кузьминки*, собираясь куда-нибудь въ одну избу, приносить съ собою жареныхъ пѣтуховъ и куръ, поютъ пѣсни и играютъ; къ нимъ собираются и парни. Куръ и другихъ птицъ для «кузьминокъ», по заведенному обычаю, дѣвки крадутъ накануне вечеромъ у своихъ родителей и родныхъ, при чемъ необходимо, чтобы никто не видалъ похищенія; понятно, что никто не

преслѣдуетъ этой кражи. На Козьму и Демьяна бабы приносятъ въ с. Озеркахъ (Саратов. уѣзда) въ церковь, къ концу обѣдни, мотки нитокъ и, прикладываясь къ кресту, кладутъ ихъ на амвонъ въ пользу священника; обычай этотъ существуетъ по поводу того, что у нихъ въ это время начинаются *запрядки* (новая пряжа).

Сверхъ обыкновенныхъ праздниковъ, каждое село празднуетъ престольный праздникъ, день святого или праздника, въ честь котораго построенъ храмъ, и кромѣ того *престолъ*, вынесенный переселенцами нашего края изъ *старины* (прежней родины, изъ старыхъ приходовъ); послѣдній продолжается три дня и отличается страшнымъ пьянствомъ.

Русскій народъ строго соблюдаетъ до сихъ поръ *посты*: воръ, рѣшающійся безъ зазрѣнія совѣсти на кражу, сочтетъ страшнымъ грѣхомъ оскормиться въ постный день. Въ послѣдніе годы, при упадкѣ религіозности въ молодежи, являются, хотя еще и довольно рѣдкіе, случаи несоблюденія постовъ, но это исключенія, которыя встрѣчаются чаще въ мѣщанскомъ и городскомъ населеніи. Крестьяне строго блюдутъ посты и также среду и пятницу; въ Рождественскій сочельникъ (24-го декабря) многіе, въ особенности старухи, не ѣдятъ ничего *до звезды*; въ Крещенскій сочельникъ (5 января) не ѣдятъ *до воды*, т. е. до того времени, какъ принесутъ послѣ вечерни освященную воду изъ церкви; въ недѣлю *масляницы* (сырную), не ѣдятъ мясваго, зато пьютъ много вина. Далѣе слѣдуетъ: Великій постъ; Петровъ постъ (*Петровки*), отъ двухъ до шести недѣль передъ Петровымъ днемъ (Св. Петра и Павла—29 июня)—продолжительность этого поста зависитъ отъ времени Пасхи: ежели она бываетъ ранняя, то Петровъ длиннѣе и наоборотъ; Успенскій постъ (*Оспожинки*) съ 1 по 15 августа; 20 августа день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи — *Иванъ Постный*; 14 сентября—одинъ день поста на праздникъ Воздвиженія; Рождественскій (*Филиновки*) съ 15 ноября до Рождества,—всего около 200 постныхъ дней въ году, причемъ въ нѣкоторые воспрещается и рыба. Многіе изъ православныхъ не ѣдятъ горячаго (*сухоядніе*) въ первую недѣлю Великаго поста до субботы, первые три дня страстной недѣли, пятницу той же недѣли и на Воздвиженіе. Нѣкоторые крестьяне, въ особенности бабы, кромѣ этихъ постовъ, часто накладываютъ на себя еще обѣтъ *понедѣль-*

ничать, т. е. постыться по попедѣльникамъ: я знаю одну старуху, которая паложила на себя подобный постъ съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла, и исполняетъ его 35 лѣтъ.

Мордва бывшей Казанской губерніи, въ составъ которой входила и сѣверная часть нынѣшней Саратовской, были язычники и крещены силою въ 1743 и послѣдующихъ годахъ. Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что въ 1743—45 годахъ повсемѣстно пстрелялись мордовскіе капища и моляны; мордву заставляли креститься насильно, при этомъ билъ, заковывали въ кандалы, или связанными окупали въ купель и надѣвали кресты *); тоже было и въ Оркинѣ, гдѣ, по преданію, тамошнюю мордву крестилъ священникъ Андрей Антиповъ, около средины прошлаго столѣтія. Крестились они неохотно: когда явилось въ Оркино начальство и попъ съ причтомъ, то мордва пряталась, ихъ разыскивали и потомъ крестили въ пруду, въ который гнали палками. Рассказываютъ, что одинъ мордвинъ, подгоняемый такимъ образомъ, бросился на попа и потащилъ его съ собою въ воду. — Моляны, какъ мѣста общественнаго языческаго богослуженія, были запрещены, капища (избы въ лѣсу на молянахъ) не разъ разрушали; ходившихъ тайно глухими лѣсными тропами на моляны кланяться своимъ прежнимъ богамъ, ловили и строго наказывали. Мало-по-малу мордва бросила свою старую вѣру и стала переносить прежніе обычаи на праздники и обряды православной церкви **); такимъ образомъ являются у

*) Мордву и татаръ заставляли креститься и раньше. Такъ въ журналѣ Тамбовской Архивной Комиссіи 19 августа 1885 г. есть описаніе смерти архіепископа рязанскаго и муромскаго Мисаила, пріѣхавшаго въ 164 г. (1656 г.) крестить мордву Шацкого уѣзда въ дер. Амбировой: мордва, вооруженная луками и копьями, на лыжахъ (это было по спѣгу), напала на него и онъ былъ убитъ стрѣлою.

**) Много своеобразнаго и языческаго крѣпко держится еще до сѣхъ поръ въ религіозныхъ представленіяхъ этихъ инородцевъ; такъ князь Ф. С. Голлицинъ, въ своемъ очеркѣ Хвалынской Мордвы («Сарат. Сборникъ», т. 1), говорить, что по понятію уже крещеной мордвы путь въ загробный міръ пролегаетъ по хрустальной своду, столь скользкому, что безъ помощи ногтей нельзя по немъ взбираться; этимъ повѣрьемъ объясняется обычай отращивать ногти, еще недавно существовавшій у мордвы. Впрочемъ тоже представленіе мы встрѣчаемъ и у русскихъ: новгородцы вѣрять, покойнику не нужно стричь ногтей, чтобы было чѣмъ цѣпляться, взлѣзая по хрустальной горѣ на небо. У насъ въ Саратовскомъ и Аткарскомъ уѣздахъ недавно еще всякій крестьянинъ при жизни, когда стригъ ногти, завязывалъ ихъ въ тряпочку;

христіанской уже мордвы моляпы на Петровъ день, Троицу, Успеніе и Покровъ *). А. Л. Леонтьевъ (учитель Оркинской школы) передалъ мнѣ описаніе двухъ молянъ христіанской мордвы села Оркина: *Пурѣскъ* и *Саразъ-аль-оскъ*. *Пуря* значить медовый квасъ; отъ него произошло названіе моляпа, на которомъ пили брагу и въ особенности медовый квасъ. *Пурѣскъ* посѣщался священникомъ, который съ иконами и хоругвями, продолжая молебное шествіе, доходилъ и до того мѣста, гдѣ приготавлился *Пурѣскъ*: здѣсь на открытой лужайкѣ стояли столы и скамьи, а на нихъ ведра и кадки съ брагой, виномъ, а больше всего съ медовымъ квасомъ; тутъ же грудями лежали пироги (*пяркѣ*), мясо и другія закуски. Священникъ служилъ тутъ надъ ручьемъ или родникомъ молебенъ, садился потомъ за столъ, а за нимъ и мордва; священникъ скоро уходилъ, но народъ долго пировалъ послѣ него: пѣли, плясали, вечеромъ раскладывали костры, черезъ которые прыгали молодые парни и дѣвки. Молянъ *Саразъ-аль-оскъ* (*саразъ*, сокращенное отъ *саразыс*—курица, *аль*—яйцо), на которомъ ѣли тутъ же рѣзанныхъ куръ и яйца. Моляпы эти были еще не такъ давно у христіанской мордвы. О языческихъ молянѣхъ мордвы интересные свѣдѣнія заключаетъ между прочимъ донесеніе пресов. Іакову отъ природнаго мордвина Тимофея Леонтьева, «изъ ясаинныхъ кантониста», въ 1840 году, — о Хвалынскомъ уѣздѣ. Выше всѣхъ божествъ у языческой мордвы почитался *Верс-назъ*, *Покиш-назъ*, т. е. вышній, большой богъ; кромѣ другихъ боговъ ова поклонялась Керемяти (злону началу). Тимофеемъ Леонтьевъ, въ сказанномъ донесеніи, сообщаетъ слѣдующее о такомъ молянѣ: Въ октибрѣ на праздникъ Покрова, или за нѣсколько дней до него, мордва исполняетъ молянъ, называемый *Сатанъ-Керемятъ*, не далеко отъ деревни, около оврага, гдѣ растеть завѣтный священный дубъ *Ини-чимъ-тума* (святаго дна дубъ), къ которому они соби-

когда человекъ умираетъ, утѣшаютъ этотъ клалъ съ нимъ въ гробъ, чтобы покойникъ могъ на томъ свѣтѣ влѣзть на *стеклянную гору*; теперь дѣлаютъ это еще старики, но у молодежи собраніе ногтей выводится.

*) Изъ указа св. синода 1828 г. по Пензенско-Саратовской епархіи видно, что въ обѣихъ губерніяхъ у всѣхъ новоокрещенныхъ мордвовъ еще не истребились суевѣрныя поклоненія и празднества, чему причиной неображеніе вниманія и корыстолюбіе духовенства.

раются; каждая семья привозить съ собою какой-нибудь напитокъ: брагу, цура (медовый квасъ), водку и въ большомъ количествѣ съѣстные припасы: вареную баранину, куръ, гуся, сдобные пироги и проч. По кособору оврага, вокругъ дуба, разстилаются полотняные полога, на нихъ раскладывается все, что предназначено выпить и съѣсть въ честь *Салтанъ-Керемята*; каждая семья занимаетъ отдѣльное мѣсто около кушаній и напитковъ. Избранные руководителями молина старики надѣваютъ чистыя холщевыя рубахи и одинъ за другимъ обходятъ три раза кушанья каждой семьи, поочередно дотрогиваясь до каждого кушанья и приговаривая: «Бѣлы ноги, Керемять! По лѣу ходя, Керемять! По полю ходя, Керемять! Мы тебя почитаемъ и ты насъ берегай». — Обойдя все, старики становятся на колѣни и кланяются до земли дубу, что дѣлаетъ и остальной народъ. Затѣмъ старики берутъ каждый по хлѣбу, отрѣзываютъ отъ него горбушку, кладутъ на послѣднюю по кусочку отъ разныхъ кушаній, отвѣдавши каждого куска на своей горбушкѣ, передаютъ для того же другъ другу; несъѣденные остатки зарываютъ въ землю. Все это дѣлается и остальной мордвой. Куски кушаній кладутся также на дубъ, а если онъ дуплистый, то и въ дупло; въ него же бросаютъ гроши съ цѣлю умилостивить великаго и грозваго Салтана-Керемять; приношеніе даровъ сопровождается поклонами дубу и молитвами. Молянъ заканчивается пиршествомъ, на которомъ истребляются привезенныя кушанья и напитки, остатки которыхъ выливаются и складываются въ ямки, выкопанныя около дуба, въ даръ Керемяти. Рубахи, въ которыя были одѣты старики-руководители молина, передаютъ другимъ, желающимъ быть руководителями на другой годъ. Священному дубу приписывается чудодѣйственная сила, почему многія мордовки приносятъ съ собою куски холста, прикладываютъ ихъ къ дубу и уносятъ домой; случится съ кѣмъ болѣзнь—на больного накладываютъ этотъ кусокъ холста, въ надеждѣ, что онъ дастъ изцѣленіе. Такіе куски холста хранятся въ семьѣ по нѣскольку лѣтъ и затѣмъ отдаются на рубахи старикамъ-руководителямъ молина *).

*) Поклоненіе священныймъ деревьямъ, какъ извѣстно, существовало въ древности у кельтовъ, литовцевъ и многихъ другихъ старыхъ народовъ Европы и въ видѣ остатка старины сохранялось еще до очень недавняго времени.

Русская простонародная свадьба хорошо известна; я приведу образчики свадебного обряда, взятые с натуры у четырех главных этнографических групп края: русских, малороссиян, немцев и мордвы.

Большую часть свадеб русские крестьяне играют осенью, когда уберутся с полевыми работами, а также между Крещеньем и масленицей. Въ 1860-хъ годахъ родители не спрашивали желанія сына и дочери, лишь бы невеста пришла къ имъ по *ндраву*: старики лично и черезъ сваху усватаютъ невесту, условятся о *кладѣ*, выговаривающейся съ жениха—отъ 5 до 30 рублей деньгами, пудъ или болѣе мяса, отъ 1½ ведра и больше водки, ржаной муки, солоду, салныхъ свѣчей, полшубокъ и коты (банмакы) невестѣ (с. Колѣно въ 1860 годахъ); при этомъ уговариваются и о приданомъ невесты. Позднѣе, въ 1880 году, мы встрѣчаемъ въ Саратовскомъ уѣздѣ (с. Полчаниновка) кладку отъ 15 до 40 рублей. — Во время сватовства назначаютъ дни *смотрины*, *осмотра уголковъ*, *запоя* и *свадьбы*. Смотрины — родъ знакомства, ежели сватья мало знакомы, и попойки, когда знаютъ другъ друга: собирается близкая родня жениха и всѣ ѣдутъ «смотреть невесту», причемъ бываетъ сильная выпивка. «Осмотръ уголковъ» — тѣже смотрины, только съ невестиной стороны; въ это время осматриваютъ хозяйство жениха. «Запой» (помолвка) — окончательное сватовство: женихъ беретъ съ собой водки, собираетъ родныхъ и ѣдутъ «запивать» невесту; когда за столомъ подносятъ отцу невесты первый стаканъ водки, то невеста начинаетъ «вопить» («вопь» состоитъ изъ причитаній на распѣвъ, протяжнымъ голосомъ): «Не прймай ты, батюшка, винну чарочку; винна чарочка обманчива, да проманива. Заклучили мою головушку да молодѣхоньку, зелепѣховьку!» Тоже самое «вопить» она матеря и крѣстнымъ (крѣстные отецъ и мать очень почитаются въ народѣ). Ежели невеста—сирота и ее выдаетъ тетка, то она вопить: «что это у тебя тетушка за пирь—за гости, всѣ мои сроднячки собрались, солетѣлись, однихъ нѣтъ—моего батюшки и родной матушки!» Ежели отдастъ братъ, то: «Любезный мой братецъ! куда ты меня собираешь, куда ты меня снаряжаешь? во путь, во дороженьку, къ матушкѣ къ божьей церкви!» — Подругамъ и всѣмъ вообще женщинамъ невеста вопить: «ты подп-ка, моя подруженька, ко моему горю великому; не про-

гнѣвайся, моя подруженька, что я теби не встрѣтила среди двора широкаго, у крыльца высокаго; не за спѣсью не за гордостью, а за моимъ горемъ великимъ: заключили мою головушку молодёховку, еленёховку, не дали мнѣ и на ноги подняться, съ умомъ-разумомъ собраться!»

За двѣ или за три недѣли до свадьбы женихъ катаетъ по праздникамъ дѣвицъ и невѣсту, которыя (невѣста стон) съ пѣснями и трещетками ѣздить по селу. Въ Аткарскомъ уѣздѣ невѣста гуляетъ цѣлую недѣлю до свадьбы съ подругами, наряжаясь въ лучшия платья и украсивъ голову лентами, а у малороссійнѣ вѣнками, часто изъ искусственныхъ цвѣтовъ; при этомъ дѣвки поютъ пѣсни. Дня за три до свадьбы начинаютъ готовиться: пекутъ пироги, хлѣбы, варятъ брагу и запасаются водкой. Наканунѣ свадьбы вечеромъ собирается у невѣсты дѣвичникъ, причемъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Аткарскаго уѣзда подруги невѣсты нерѣдко ловятъ курицу и наряжаютъ ее въ парчово сшитое для нея женское платье; курица эта называется *обрядною* и означаетъ будущую домовитость и плодовитость молодой. Въ Саратовскомъ уѣздѣ (с. Полчанниковка, въ 1860 году) на дѣвичникѣ, когда придетъ женихъ съ своей родней, то дѣвки садятся за столъ и *зажигаютъ ртней*, приготовленный изъ натурального репейника, уищеннаго разноцвѣтными бумажками и лепточками, причемъ поютъ пѣсни (пѣсни при свадебныхъ обрядахъ помѣщены мною въ «Саратовскомъ сборникѣ», 1881—1882). Въ это время женихъ со всѣми родственниками стоитъ около стола до тѣхъ поръ, пока дружка не выкупитъ ему у дѣвокъ мѣсто, положивъ на всѣ четыре угла сколько-нибудь мѣдныхъ денегъ; тогда дѣвушки, собравъ ихъ, разорвавъ *ртней* и разбросавъ его по полу, выходятъ, сажаютъ жениха на столъ, на которомъ онъ и сидитъ до тѣхъ поръ, пока невѣста не выйдетъ къ нему и поцѣлуетъ три раза, возьметъ за руку и отведетъ съ нѣсколькими товарищами въ чуланъ, гдѣ угощаетъ ихъ всѣхъ виномъ. На дѣвичникѣ дѣвки поютъ пѣсни каждому изъ присутствующихъ, за что получаютъ по нѣскольку консекъ. Въ с. Полчанниковѣ на дѣвичникѣ мать невѣсты раздаетъ дары жениховой роднѣ, которые каждый отдариваетъ тутъ же деньгами. Въ с. Колѣнѣ (1860 года) на дѣвичникѣ сажаютъ невѣсту въ передній уголъ, накрываютъ голову большимъ, непременно ярко-краснымъ, платкомъ и ожидаютъ же-

ниха, котораго по приѣздѣ сажаютъ рядомъ съ ней; затѣмъ слѣдуетъ угощеніе.

Въ день свадьбы невѣсту готовятъ къ вѣнцу; въ это время она «попить»: «Спалась ли намъ, мои подруженьки, темна поченька; а мнѣ горькой, несчастной, вся поченька не спалась, вся въ душкѣ прошла!» При благословеніи родителей она опять обязательно причитаешь; затѣмъ садится къ столу, въ передній уголъ, подлѣ невѣсты садится за столъ меньшей ея братъ или племянникъ со скалкой въ рукѣ, или съ ножницами. Въ это время подъѣзжаетъ женихъ съ своими поѣзжаными и свахой: тройки и пары скачутъ во весь духъ, убранныя яркими лентами и платками; впереди всѣхъ ѣдетъ дружка: когда подъѣдутъ къ запертымъ воротамъ невѣстна двора (Колѣнская волость, въ 1860-хъ годахъ), ихъ не впускаютъ: дружка торгуется, и за полштофъ водки ворота отпираютъ и поѣздъ въѣзжаетъ. Жениха встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью (Саратовскій уѣздъ); дружка въ это время, съ плетью въ рукѣ, подходитъ къ столу, за которымъ сидитъ невѣста, бьетъ плетью по столу и требуетъ, чтобы сидящіи около невѣсты мальчики удалились, но тотъ не уступаетъ и объявляетъ, что у его сестрицы «по рублю косица, по полтинѣ волосокъ»; начинается торгъ, стаканъ водки, 10 или 20 копеекъ рѣшаютъ дѣло, мальчикъ уходитъ и женихъ садится на его мѣсто. Этотъ обычай называется *продажей невѣстиной косы*. Теперь не случалось мнѣ видѣть продажи собственно косы, но прежде, въ 1850-хъ годахъ, мальчикъ сидѣлъ съ ножницами и когда дружка не соглашался съ цѣною, назначенной мальчуганомъ, то послѣдній показывалъ видъ, что хочетъ отрѣзать косу у невѣсты. Невѣста во время этой продажи вопить: «Свѣтъ ты моя коса русая, недоплетенная, косникъ *) шелкомъ недопошенный; воля батюшкина, нѣга матушкина» (Колѣнская волость). Жениха и невѣсту благословляютъ, причемъ невѣста вопить: «Благослови меня батюшка, родная матушка; не прошу у васъ ни злата, ни серебра, а прошу родительскаго благословенія». Если у невѣсты нѣтъ ни отца, ни матери, то она передъ благословеніемъ вопить: «Зазвоните вы, звонки колоколы, разбудите вы мою родную матушку (или батюшку), не возстанетъ ли родная матушка (или

*) Шнурокъ или лента, которыми дѣвки заплетаютъ косу.

батюшка) меня горькую благословити въ чужіе люди!» Потомъ молятся Богу и выходятъ: дружка съ иконой и молитвой три раза обходитъ поѣздъ.

Послѣ вѣнца молодую повязываютъ тотчасъ же по-бабы и поѣздъ отиравается къ жениху, гдѣ уже накрытъ столъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Саратовскаго уѣзда крестьяне болѣе зажиточные просятъ священника довести молодыхъ изъ церкви въ вѣнцахъ, что тотъ и исполняетъ. Послѣ вынiven и закуски молодыхъ кладутъ спать (отводятъ «на снохой»); черезъ часъ или больше дружка съ свахой идутъ будить ихъ; послѣдняя, удостовѣрившись чрезъ осмотръ бѣлья въ честномъ поведеніи молодой, сообщаетъ о томъ всѣмъ гостямъ: веселье и попойка усиливаются, причемъ бьютъ нѣсколько горшковъ; если же прошлое съ грѣшкомъ, то (Полчавиновская волость) гости срамятъ отца и мать невѣсты бранными словами, а въ былое время падѣвали на нихъ хомуты и били ихъ. Въ Аткарскомъ уѣздѣ (Колѣнская волость) дружка въ послѣднемъ случаѣ, приготовляетъ *худой стаканъ*. Послѣ осмотра, молодые идутъ къ невѣстинимъ отцу, матери и роднымъ *) звать за горный столъ; когда соберутся горные, то молодой кланяется въ ноги своей тещѣ, если его *молодая* была честнаго поведенія, въ противномъ же случаѣ, дружка наливаетъ въ приготовленный *худой стаканъ (дырную чарку)* водки и подноситъ невѣстной матери, та, взявши стаканъ, обливается виномъ и должна вынести весь позоръ своей дочери **).

Во многихъ мѣстностяхъ Саратовскаго и Аткарскаго уѣздовъ, послѣ вѣнца, когда молодые садятся за столъ, подаютъ молодой

*) Если невѣста взята изъ другой деревни, то они приглашаются дружкой.

**) Тоже самое рассказываетъ, въ 1743 году, Г. Ф. Миллеръ объ внородцахъ Казанскаго края: «ни Черемисы, ни Вотяки не обращаютъ вниманія на сохранность дѣвства, но Чуваши слѣдятъ за этимъ: дружка и обѣ свахи у дверей, гдѣ спятъ новобрачные, ожидаютъ пока имъ можно взойти, причемъ безпрестанно поютъ и пьютъ; если невѣста сохранина, то веселятся и пьютъ очень много, если же нѣтъ, то дружка, взявъ чарку, проверчиваетъ въ ней дыру и, зажавши послѣднюю пальцемъ, подноситъ въ ней гостямъ питье, которое и проливается на полъ; при этомъ невѣстѣ становится такъ стыдно, что она гостямъ глазъ не кажетъ, но мужъ споситъ это равнодушно и не упрекаетъ въ томъ свою невѣсту».

младенца, которому она надѣваетъ шапочку и подпоясываетъ его пояскомъ, причемъ доржитъ его нѣсколько времени на рукахъ, чѣмъ предвѣщается ей будущая плодовитость. Во многихъ селеніяхъ Саратовской губерніи, ежели молодая окажется дѣвственницей, то сваха и дружка везутъ ее сорочку къ матери и отцу ея и благодарятъ ихъ за сохранность дѣвушки.

Высшимъ оскорбленіемъ признается въ русскомъ народѣ, когда кто вымажетъ другому ворота дегтемъ; дѣлается это ночью, по злобѣ, и означаетъ распутство жены или дочери хозяина, а также прв снохачествѣ.

По окончаніи горнаго стола, молодые дарятъ всѣхъ родныхъ полотенцами и платками, причемъ дружка обращается къ гостю съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Просятъ нашъ князь новобрачный со своею княгиней: медомъ стаканомъ, сыромъ, караваемъ; медку выкушайте, а сыркомъ закусите, блюдечко позолотите не рублемъ, не полтиной—золотою гривной; а по мочи по силѣ—положите рублика четыре, а увидите честь—положите рубликовъ шесть, не то ярочку, а не ярочку—старочку, а не то вѣтъ ли телочки. Наше дѣло на новн, намъ много надобно: ѣхать въ Ростовъ—купить холстовъ, ѣхать въ Линецъ—купить поповъ; козла купить—воду возить, молодымъ баню товить; на шильце, на мыльце, на бѣлое бѣзильце». Эти прибаутки измѣняются смотря по краснорѣчію дружки.

Попировавши у молодыхъ, всѣ идутъ «перегуливаться по горнымъ», причемъ во всякомъ дворѣ ѣдятъ и поютъ.—Въ крѣпостное время и даже въ первые годы освобожденія крестьянъ (Колѣская волость, въ началѣ 1860-хъ годовъ) молодые ходили «на поклонъ» къ своимъ господамъ, принося въ даръ полотенце, курицу, кренделей и брагу; господа всегда сами выходили къ новобрачнымъ, подносили имъ вино, прихлебывая первоначально сами изъ стакана, говорили, какъ принято при этомъ: «горько», «мутно», или «кисло»; при каждомъ такомъ замѣчаніи молодые должны были «подсластить вино», цѣлуясь между собою. Баринъ и барыня отдавали молодыхъ, кладя нѣсколько рублей на *блюде*.

Въ простонародѣ женить сыновей рано, едва они достигнутъ 18, 19 лѣтъ; дѣлается это съ той цѣлью, чтобы въ семьѣ была поскорѣ лишняя работница; возрастъ невѣсты одинаковъ съ жени-

ховымъ, иногда она старше его. Порокъ снохачества встрѣчался перѣдко, существовалъ и въ старину. Въ настоящее время, хотя и нѣтъ такихъ рѣдкихъ браковъ, какіе бывали прежде и вели къ этому пороку (взрослыхъ дѣвушекъ выдавали замужъ за мальчиковъ), но снохачество еще не совсѣмъ вывелось, встрѣчается однако гораздо рѣже *). Тѣмъ снохача осмѣяны во множествѣ поговорокъ, загадокъ и пѣсень **). Подобное преступленіе рѣдко доходитъ до суда и указывается только народной молвой. Священникъ Саратовскаго уѣзда П. Е. Г.—въ (свидѣтельствующій 25 лѣтъ) говорилъ мнѣ, въ 1885 году, что теперь снохачество совершенно почти исчезаетъ, такъ какъ въ народѣ измѣнился, за послѣднее время, строй семьи и сыновья не допускаютъ отца до подобнаго грѣха ***).

Малороссы не такъ цѣнятъ цѣломудріе дѣвушекъ, какъ русскіе; не только незорпо, но изстари педется обычаемъ «жениханіе» дѣвушекъ съ паробьями; у русскихъ этого не водится. Въ отношеніи сватовства и браковъ существуетъ большая разница между русскими и малороссіянми (с. Широкой Уступъ, Аткарскаго уѣзда, 1859 года). Русскіе обыкновенно стараются женить сыновей, какъ только выходятъ имъ лѣта, ссылаясь на необходимость имѣть работницу въ семьѣ; малороссіянне же не торопятся свадьбами и сватаютъ въ совершенно зрѣломъ возрастѣ жениха и невѣсты. Въ обрядахъ малороссы придерживаются своихъ своеобразныхъ обычаевъ, напр. по вѣчанью, начинается послѣ обѣда гулянье по селу, причемъ молодой со своими «боярами» (товарищами) ѣдутъ верхами; лошадь жениху непременно должна вывести на улицу его

*) По теперешнему закону гражданское совершеннолѣтіе для вступленія въ бракъ определено: жениху—18, невѣстѣ 16 лѣтъ.

**) Ср. показанія С. В. Максимова, въ «Отеч. Запискахъ» 1869, № 5, и «Судъ присяжныхъ въ Россіи», П. П. Тимофеева, 1882.

***) Въ Трудахъ Саратов. Архивной Комиссіи (Т. II, вып. 2-й, 1888 г.) помѣщенъ указъ Казанской духовной консисторіи 1775 г., которымъ сообщается, что сл. синодъ, усмотрѣвъ изъ вѣденія пр. сената отъ 1765 и 1766 г. объ оказавшемся съ Бѣлградской и Воронежской епархіяхъ, между однодворцами непотребномъ обычаѣ за малолѣтнихъ дѣтей своихъ 8, 10 и 12 лѣтъ брать дѣвокъ по 20 и болѣе лѣтъ, съ которыми свекры ихъ впадаютъ въ кровосмѣшеніе, за что нѣсколько таковыхъ на украинской являи и къ смерти приговорено,—учинилъ подтвержденіе найкрѣпчайшее духовнымъ начальникамъ, чтобы незаконно брачавшіеся «отъ супружества были разлучены, а вѣчавшіе ихъ браки священники были запрещены священнослуженіемъ».

мать; женихъ прежде всего отправляется съ старшими боярами къ церкви, обязывается ее три раза и потомъ, сойдя съ лошади, идетъ на шпирть къ церковнымъ дверямъ и цѣлуетъ три раза замокъ, какъ бы благодаря его, что онъ отнесъ ему новую жизнь. Невѣста же съ своими подружками до поздняго вечера гуляетъ пѣшкомъ по улицамъ съ пѣснями, — этимъ она прощается съ вольной жизнью; тутъ вынадесть трудная доля брату невѣсты, или если его пѣтъ, то старшему дружкѣ, котораго посылаетъ молодой и вся компанія изъ дому невѣсты искать ее или, какъ говорятъ малороссы, *загонять*, чтобы *покрыть* ей голову женскимъ очинкомъ; по невѣстѣ какъ бы не хочется разставаться съ своимъ дѣвичествомъ и она прячется въ какой-нибудь чужой избѣ; нерасторопному сыщику приходится долго бѣгать по слободѣ съ розыскомъ. Затѣмъ, когда уже за столомъ въ ея домѣ начинаютъ на нее падѣвать свахи женскій очинокъ, она въ слезахъ и съ отчаяніемъ бьется головой о каравай хлѣба, поставленный передъ нею, и непременно раза три или четыре сбросить съ своей головы къ порогу «немилый очинокъ» и, послѣ долгихъ утѣшаній родителей и всѣхъ гостей, соглашается сдѣлаться женщиной. Послѣ того, когда она должна уже выѣхать, со всѣми участвующими въ торжествѣ, въ домъ жениха, то молодой садится на коня и обязывается три раза весь поѣздъ, готовый тронуться съ мѣста, причемъ бьетъ лошадей нагайкой и затѣмъ, какъ бы мстя молодой женѣ за ея упорство, наноситъ ей слегка, нагайкой, три удара.

Въ с. Сокурѣ, Саратовскаго уѣзда (1885 г.), отецъ каждаго паробка, достигшаго совершеннолѣтія, спрашиваетъ сына, не пора ли ему жениться, такъ какъ въ его годы шлеться паробкомъ «погано»; можетъ быть, нашелъ уже подругу, ходя по вечерамъ, если же хочетъ вѣнчаться тайкомъ, то онъ его проклинетъ. Въ прежнее время бывали нерѣдко случаи, что родители по разнымъ причинамъ не позволяли слюбившимся вступать въ бракъ, почему они и вѣнчались тайкомъ, сговорившись предварительно съ священникомъ; причемъ обрядъ вѣнчанія совершался поздно вечеромъ, при запертыхъ дверяхъ церкви; послѣ вѣнца, при такомъ *самокрутьѣ*, повобрачные скрывавсь и жили у знакомыхъ, подсылая къ родителямъ близкихъ пріятелей, боясь сами показаться имъ на глаза изъ страха побоевъ и брани, что и выпа-

дало на ихъ долю; только получивъ приглашеніе, шли они съ повинной.

Сынъ указываетъ отцу на ту дѣвичу, съ которой спознался на вечерницахъ, и тотъ проситъ близкихъ родныхъ посватать въ указанномъ сыномъ домѣ; сваты берутъ хлѣбъ и, при входѣ въ домъ, отдаютъ его матери невѣсты, что означаетъ, что пришли сватать. Мать невѣсты, не принимая хлѣба, проситъ ихъ садиться, указывая на передній (подъ образами) уголъ хаты, и спрашиваетъ, отъ кого пришли; тѣ заводятъ разговоръ о сватовствѣ съ хозяиномъ дома; мать въ это время спрашиваетъ дочь, которая даетъ утвердительный отвѣтъ, такъ какъ еще раньше согласилась съ парнемъ. Мать передаетъ согласіе дочери сватамъ, беретъ отъ нихъ хлѣбъ и ставитъ его на палицу; сваты вынимаютъ принесенный ими штофъ горѣлки и ставятъ на столъ; посылаютъ за женихомъ, его отцомъ и матерью, которыхъ сажаютъ на почетномъ мѣстѣ и ведутъ рѣчь о *кладкѣ*, доходившей до 5 рублей; не было случая, чтобы изъ-за *кладки* расходилось сватовство. Затѣмъ уговариваются о дняхъ «запой» и вѣнчанія. Запой прочсходитъ обыкновенно на другой же день, причѣмъ собираются всѣ знакомые и родственники обѣихъ сторонъ, и обходится до 50 рублей. День вѣнчанія назначается не далѣе какъ черезъ недѣлю или двѣ. Въ это время невѣста запасаетъ себѣ приданое: 5 и болѣе паръ юбокъ, дюжину рубахъ, пару новыхъ черевикъ и чоботъ, два кожуха и двѣ свиты; все это время женихъ ходитъ ночевать къ невѣстѣ.

Въ день вѣнчанія женихъ идетъ къ невѣстѣ, гдѣ родители ея благословляютъ обоихъ; затѣмъ ведетъ ее въ свой домъ, гдѣ благословляютъ ихъ его родители. Послѣ чего женихъ, сопровождаемый своими товарищами (боярами), невѣста съ подругами, идутъ отдѣльно въ церковь для бракосочетанія, откуда тѣмъ же порядкомъ идутъ въ домъ свекра, который встрѣчаетъ молодыхъ въ дверяхъ съ хлѣбомъ и солью, посыпаетъ имъ головы хмѣлемъ и деньгами, чтобы жилось богато. Затѣмъ вводятъ ихъ въ домъ и сажаютъ за столъ, угощая обѣдомъ, послѣ котораго свекоръ на своихъ лошадяхъ отправляетъ сноху, въ сопровожденіи дѣвицъ, въ домъ ея родителей; молодой же остается дома и угощаетъ своихъ товарищей. Въ это время свахи жениха приваливаютъ къ картузамъ товарищей искусственные цвѣты и поютъ; «Всімъ боярамъ по

квітці, а молодому (такому-то) квітки нема: е у него квітка — молодая жінка (такая-то)». Послѣ угощенія, молодой вмѣстѣ съ боярами садятся верхами на лошадей и катаются.

Негѣста въ свою очередь катается съ подругами въ саянхъ или телѣгѣ парой. Катанье съ пѣснями длится до вечера; тогда молодая ѣдетъ къ своимъ родителямъ, гдѣ садится за столъ, а подруги опять поютъ ей пѣсни. Молодой продолжаетъ кататься съ своими товарищами по той улицѣ, гдѣ живетъ его тесть; дружка нѣсколько разъ предлагаетъ ему вѣхаться во дворъ и идти къ молодой для совершенія обряда «покрыванія», но молодой на это не соглашается; тогда дружка приглашаетъ двухъ товарищей (поддружье), ловятъ молодого, для чего протягиваютъ посреди улицы веревку и ею схватываютъ его лошадей, берутъ ее подъ уздцы и ведутъ во дворъ тестя, ставятъ у крыльца. Тесть и теща выходятъ на крыльцо и подносятъ молодому стаканъ браги; тотъ, взявъ ее, не пьетъ, а передаетъ черезъ правое плечо старшему дружкѣ, который давитъ его объ луку сѣдла, со словами: «самъ не пью, въ гриву коню лью», брага разливается по гривѣ лошади. Молодой соскакиваетъ съ коня, идетъ въ домъ и садится за столъ рядомъ съ женою. Старшій дружка отводитъ лошадей подъ вавѣсь, привязываетъ и остается караулить ихъ. Какъ молодые садутъ рядомъ, свахи берутъ въ руки серпанокъ (бѣлое полотно), становятся на лавку по обѣ стороны молодыхъ и начинаютъ макать надъ головами новобрачныхъ, причемъ поютъ: «покрывалочка плаче, покрываться хоче, не такъ покрываться, якъ поціловаться». Повторяется это три раза и послѣ каждого молодые цѣлуются; затѣмъ на молодую надѣваютъ очинокъ (родъ кокошника) и поютъ: «Білая лебедичко, ктожъ тобі покривъ; покрыли мене молодиці, дві сестриці». Послѣ того родители новобрачныхъ благословляютъ своихъ дѣтей, причемъ родители молодой даютъ ей правоученіе. «Гляди, дочка, бережи своего мужа, якъ свое десное око; хату мети, а соръ на улицу не носи», чѣмъ даютъ ей понять, чтобы домашніе дрязги не передавала постороннимъ. Родители молодого говорятъ ему: «А ты, сынку, купишь молодую матку, води подъ усокъ, а долго поводья не пускай», т. е. не давай воли женѣ. Послѣ того выводятъ на дворъ, гдѣ дружка даетъ молодымъ въ руки полотенце, берется за него самъ и три раза обводитъ вокругъ

кадушки, нарочно для этого приготовленной. Затѣмъ молодую вѣстѣ съ приданнымъ везуть въ домъ свекра, въ сопровожденіи свашекъ, а молодой ѣдетъ къ церкви, гдѣ, слѣзши съ лошади, цѣлуетъ икону и возвращается къ себѣ въ домъ. Въ воротахъ, чтобы отогнать вѣдъмъ и всякую злую силу, разжигается костеръ, черезъ который проѣзжаетъ молодая, а за нимъ и его жена; затѣмъ оба вмѣстѣ вводятся въ домъ, гдѣ садятся ужинать, послѣ чего отираются спать въ отведенное имъ помѣщеніе. На другой день они ходитъ по роднымъ и знакомымъ, которые дарятъ имъ овецъ, птицъ и хлѣба. Гулянье длится около недѣли. Бываютъ случаи, что молодая послѣ вѣнчанія остается у своихъ родителей около недѣли, пока не придетъ за ней мужъ.

У хохловъ не было прежде осмотра бѣлья, но теперь вводится: дружка и свашки будятъ молодыхъ (поднимаютъ ихъ) и рубашку невесты дружка несетъ въ полѣ къ свекру и свекрови, потомъ несутъ ее къ матери молодой. Горшки бьютъ ва малороссійской свадьбѣ, все равно, чѣмъ бы ни кончался осмотръ. Подача вина въ дырявой чаркѣ, описанная выше, теперь существуетъ и у хохловъ (с. Сокуръ 1886 г.).

Въ старину малороссійянки с. Сокуръ носили плахты, а головной уборъ у замужней былъ очипокъ (родъ кокошника, сдѣланнаго изъ парчи), который обвязывается преимущественно чернымъ платкомъ; такіе очипки теперь уже рѣдкость (подобный экземпляръ я подарилъ въ Саратов. Радищевскій музей); а плахтъ совсѣмъ не носятъ, замѣнивъ ихъ юбкамъ. Пояса носили красные, которые хохлуши сами окрашивали находимымъ около Сокура, краснымъ, круглымъ и мелкимъ какъ дробь корнемъ растенія *черницъ*, которое не встрѣчается теперь болѣе, по словамъ старухъ, въ окрестностяхъ Сокура.

Мордва далеко не принадлежитъ къ числу племенъ вымирающихъ, она только замѣтно руссѣетъ: не далѣе какъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, мордва, хотя и крещеные, справляли еще многіе языческіе обряды и почти не говорили по-русски; теперь они большею частью отличаются усердіемъ къ церкви, порядочно выражаются по-русски, кромѣ женщинъ, и допускаютъ (въ Хвалынскомъ уѣздѣ) смѣшанные браки. Мордовскія дѣвушки до замужества пользуются полною свободою; по сообщенію кн. О. С. Голи-

цина («Саратов. Сборникъ», I, стр 183), на святкахъ собираются по вечерамъ въ особую избу дѣвки и парни на играща, причемъ поютъ и пляшутъ; а въ концѣ вечера «тушатся огни и веселье кончается въ потьмахъ» (Хвалынской уѣздъ). На этихъ играхъ сводятся знакомства, часто оканчивающіяся свадьбой. Мордва женится рано: какъ только парню исполнится 18 лѣтъ, ему отыскиваютъ невѣсту; перѣдки случаи, что они просятъ разрѣшенія женить и 17-лѣтнихъ ребятъ. Невѣсты большею частью старше жениховъ; мордовки рѣдко выходятъ замужъ ранѣе 22 — 24 лѣтъ, почему случается видѣть «молодого», чисто еще мальчишку, передъ пожилой бабой — женой. Въ старину за мальчика лѣтъ 10—12 *) сватали дѣвку лѣтъ 20 — 25, и случалось даже не такъ давно, видѣть пожилую бабу, нянчавшуюся съ ребенкомъ мужемъ.

Въ настоящее время, на мордовскомъ сватовствѣ переговоры вѣдуются черезъ родственника-свата, который, по приходѣ въ домъ невѣсты, садится въ передній уголъ; невѣста, замѣтивъ, затѣмъ пришелъ гость, тотчасъ убѣгаетъ въ сѣни или прячется гдѣ-нибудь въ избѣ; ежели она и родственники ея согласны, то дѣвушка выходитъ и наливаетъ изъ принесенной сватами бутылки воду въ стаканы и подаетъ гостей; при этомъ договариваются о кладкѣ **) со стороны жениха, которая состоитъ изъ денегъ (отъ 5 до 60 рублей, смотря по состоянію), опредѣленнаго количества вина, хлѣба, мяса, тутъ же коты (бапмаки), шуба, нѣсколько красныхъ платковъ и сундукъ; въ это время договариваются относительно даровъ со стороны невѣсты (Хвалынской и Саратовской уѣзды). Подавивъ дѣло, родители «бьютъ по рукамъ», зажигаютъ восковую свѣчу передъ иконами и молятся Богу; съ этого времени дѣло считается оконченнымъ. Вслѣдъ за рукобятіемъ созывается вся женихова и невѣстина родня и начинается общее угощеніе, называемое *тайтиръ симиникъ* (Хвалынской уѣздъ)—по-русски: пропой

*) Г. Ф. Миллеръ, въ описаніи инородцевъ Казанской губ. 1743 г., говоритъ, что въ то время зажиточные Черемисы и Чуваши тоже женили сыновей 5—6 лѣтъ чтобы при домашнихъ работахъ имѣть помощнику; дѣвка же моложе 20 лѣтъ никогда не выходила замужъ. То были времена язычества и допускалось многоженство.

**) Кладка у Эрзя называется—*тинтэ*, у мокши—*той*; у черемисъ — *олонъ*, чувашъ—*толонъ-окен*, у лотыковъ—*каламъ* и у татаръ—*калымъ*.

невѣсты. Въ это время невѣста сидитъ въ чуланѣ и женихова родня обращается къ ея родителямъ: «Товаръ торговенекъ, не втѣнкъ кодама», т. е. товаръ сторговали, а видать не видали, покажите, какой (Хвалынский уѣздъ). Невѣсту выводятъ изъ чулана въ сопровожденіи двухъ подругъ; она кланяется на всѣ четыре стороны и раздаетъ дары жениховой роднѣ, затѣмъ подаетъ своему будущему свекру стаканъ вина, падаетъ ему въ ноги и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не осушитъ стакана, послѣ чего опять уходитъ въ чуланъ и начинается «вопить». Въ этотъ же день отецъ жениха приглашаетъ къ себѣ невѣстину родню, за исключеніемъ родителей; тѣ, вооруженные чѣмъ попало, по приходѣ въ домъ женихова отца, поднимаютъ страшный шумъ и настойчиво требуютъ отъ него выкупа: «Мы пришли къ тебѣ печку ломать; ежели не отдѣлаешься добромъ, разнесемъ ее!» Тотъ ставитъ $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ ведра водки, чѣмъ кончается день «пропоя».

Въ промежутокъ между усватаніемъ и свадьбой у невѣсты идутъ «супрядки» (Саратовскій уѣздъ), на которыхъ родственники и подружки помогаютъ ей шить приданое и наряды: понари, шупаны и проч.; невѣста при этомъ «вопить», вспоминая свое прежнее житье; женихъ все это время можетъ видѣться съ невѣстой только тайкомъ (Хвалынский уѣздъ). Наканунѣ свадьбы подружки водятъ невѣсту въ баню, потомъ они катаются въ телѣгѣ или саняхъ, стоя, взявшись руками, и поютъ пѣсни; на перекресткахъ невѣста причитаетъ; затѣмъ ѣдутъ къ церкви и, остановившись на перекресткѣ, гдѣ идетъ дорога къ кладбищу, невѣста выходитъ изъ телѣги или саней, падаетъ на землю и громко вопить, прощаясь съ умершими родственниками (С. Оркинъ, Саратов. уѣзда. 1880 года). Въ тотъ же день вечеромъ женихова мать зоветъ къ себѣ всѣхъ своихъ родственниковъ, которыя являются съ своими припасами и сообща начинаютъ готовить большой пирогъ, иногда болѣе пуда вѣсомъ, состоящій изъ семи слоевъ: тѣсто съ кашей, творогъ, блины, мясо, яйца, пшеничные блины и крышка съ крестомъ изъ орѣховъ; пирогъ этотъ называется у Эрзи—*курникъ*, у Мокши—*лукиша*. А. Л. Леонтьевъ (учитель Оркинской школы) говоритъ, что «лукиша» готовится наканунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты свахами и родственницами, начинается мясомъ, яйцами, лукомъ, и проч.; при этой стряпнѣ выгоняютъ изъ избы всѣхъ мужчинъ и

пьяныя бабы поютъ разныя сальныя пѣсни съ прибаутками, пироги готовится обязательно при невѣстѣ; на верху «луки», убраннымъ разными украшеніями изъ тѣста, кладутъ кусокъ свѣжаго мяса, солонины или ветчины и относятъ къ матери невѣсты. Въ день вѣнчанія невѣсту наряжаетъ молодежь—мужчины и женщины (Хвалынской уѣздъ): двѣ бабы берутъ чулокъ и только начинаютъ надѣвать его невѣстѣ, какъ на нихъ кидаются дѣвки, отнимаютъ его и передаютъ одна другой; въ свою очередь парни вырываютъ чулокъ у дѣвокъ и передаютъ бабамъ; послѣ долгой потасовки чулокъ наконецъ надѣвается. Тоже самое повторяется съ башмаками, шумианомъ, коспикомъ; по окончаніи одѣванія, парни отправляются готовить свадебный поѣздъ. Въ это время отецъ жениха, съ дружкой и поѣзжанами, отвозятъ въ домъ невѣсты лукшу и установленное количество вина; лукшу прячутъ въ чуланъ, а вино угощаютъ родственниковъ невѣсты; въ это время дѣвки идутъ къ стоящимъ на дворѣ повозкамъ и вытаскиваютъ изъ нихъ кошмы, кнуты и все то, что оставлено было женнковой роднею: отецъ жениха долженъ все это выкупить у нихъ (Хвалынской уѣздъ). Родители благословляютъ дочь, затѣмъ невѣста прощается съ отцомъ, матерью и родственниками, причемъ плачетъ и воитъ: прощается со столомъ, скамейками, печью, ухватами и прочей утварью; выходя на дворъ, прощается со скотиной, телѣгами, савями, сохами, столбами, подиращающими наѣсы двора, и проч. (с. Оркино, Саратов. уѣзда). Невѣстны братья и ближайшіе родственники (*урвлати*) берутъ ее на руки и несутъ въ назначенную для нея повозку; невѣста, покрытая платкомъ, садится задомъ къ лошадямъ. Дружка (въ Хвалынскомъ уѣздѣ съ саблею въ рукѣ) обходитъ поѣздъ кругомъ и дѣлаетъ кресты въ огражденіе отъ нечистой силы; тоже самое повторяется, проѣзжая черезъ ворота. У церкви невѣста ждетъ прибытія жениха, сидя въ повозкѣ.

Въ с. Оркинѣ (Саратов. уѣзда), когда невѣста выѣзжаетъ въ церковь, то дружка обходитъ поѣздъ съ иконою въ рукахъ, а невѣста, лицо которой покрыто краснымъ платкомъ, ѣдетъ стоя въ кругу своихъ подругъ и непремѣнно плачетъ; вводя невѣсту въ церковь, ей расплетаютъ дѣвичью косу, вѣнчаютъ съ распущенными волосами и также ведутъ въ домъ молодого, причемъ оба идутъ въ брачныхъ вѣнцахъ въ сопровожденіи священника и причта,

при перезвонѣ колоколовъ. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ, по прибытіи въ домъ свекра, молодой даютъ ухватъ и кочергу и ведутъ къ печкѣ, къ которой она становится лицомъ, чѣмъ свекоръ приглашаетъ невестку принять участіе въ домашнемъ хозяйствѣ; затѣмъ молодая угощаетъ молодого яйцами, лепешками и лукшею, которыя привозятся въ сундукѣ съ добромъ невесты. Пока идетъ шпръ, свахи готовятъ брачное ложе—несмотря на осень или зиму, въ холодномъ строеніи (амбарѣ или чуланѣ); куда вскорѣ отводитъ молодого, а потомъ берутъ молодую и, подойдя къ дверямъ амбара, говорятъ: «вѣргись, вѣргнись, на тонинъ рѣвъ» (волкъ, волкъ, на тебѣ овцу), повторяя это до трехъ разъ, послѣ чего толкаютъ молодую въ дверь, гдѣ ее схватываетъ молодой. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ бабы, родственницы молодого, ведутъ къ нему новобрачную подъ музыку и пѣніе, та первоначально сопротивляется и упирается ногами въ косяки дверей, но вскорѣ упирается; молодому даютъ кнутъ, которымъ онъ слегка бьетъ жену, приговаривая «слушайся родителей моихъ и меня». Когда они истанутъ, то молодой плетутъ волосы въ двѣ косы и надѣваютъ *шлыганг* (или *шлыган*); въ Оркинѣ же шлыганъ, т. е. бабій головной уборъ, молодая (урюка) надѣваетъ лишь черезъ годъ и становится тогда бабой (уряшъ).

Въ старину, какъ разсказываютъ мордва, бывали часто случаи, что ежели невеста или ея родные не соглашались отдать дѣвушку, то ее брали и вѣнчали силою, причемъ родственники жениха предварительно уговаривались съ священникомъ и, захвативъ гдѣ-либо невесту, силой привозили ее въ церковь, гдѣ священникъ, чтобы избѣжать шума и драки, запираетъ двери, какъ только ввести дѣвушку, и вѣнчалъ ее съ парнемъ, не смотря на мольбу и упорство перной. Случалось, что изъ-за этого между родственниками той и другой стороны завязывались не только драки, но и цѣлыя побоища: разсказываютъ, что однажды въ полѣ, откуда схватили дѣвушку произошла между той и другой сторонами страшная рѣзня серпами (с. Оркино, Сарат. уѣзда *). Этотъ насильственный

*) Миллеръ говоритъ, что въ Казанской губерніи, въ 1743 г., бѣдные жепики изъ Черемисъ, Чуваши и Вотиковъ, которые не въ состояніи заплатить калымъ за невесту, искали способа добыть силою понравившуюся дѣвушку, для чего подговаривали нѣсколько человѣкъ пріятелей, привалили въ дочь, гдѣ

обычай теперь вывелся, но у мордвы Хвалынского уѣзда въ большомъ ходу браки *уходомъ* *), совершаемые безъ согласія и вѣдома родителей, что случается большею частью при бѣдности жениха на уплату кладки; въ такихъ случаяхъ мордовка заблагодаренно тайкомъ уноситъ свои пожитки къ жениху, который, при первомъ удобномъ случаѣ, увозитъ ее въ церковь; послѣ вѣнчанія повообрачные просятъ прощенья у родителей молодой; мировая оканчивается угощеніемъ.

Обстановка жизни и обряды саратовскихъ пѣмцевъ совершенно своеобразны. При бракахъ колонясты вынесли изъ своей родины слѣдующіе обычаи (Ягодно-Полянская волость, 1880 г., и Скатовка, 1884 года): сынъ, выбравъ себѣ невѣсту, проситъ согласія своихъ родителей; тогда отецъ его, въ качествѣ свата, или вѣсколько друзей его семейства, идутъ къ родителямъ дѣвушки и, послѣ долгихъ переговоровъ, приносятъ отвѣтъ жениху; ежели родители невѣсты согласны, то отъ нихъ берется слово (*Rücksprache*), и когда все улажено и дѣвушка советомъ усватана, то слѣдуетъ предварительная помолвка (*vorläufige Verlobniss*) при родителяхъ обѣихъ сторонъ, причемъ женихъ беретъ у невѣсты голопной платокъ и отдаетъ его своему отцу, она же получаетъ подарокъ или деньги. Затѣмъ слѣдуетъ открытая помолвка мѣстнымъ духовнымъ лицомъ съ торжественнымъ рукобיתьемъ (*feierliche Handschläge*) при родителяхъ и свидѣтеляхъ. У колонистовъ не принято откладывать на долго свадьбу и обрученные остаются женихомъ и невѣстой не болѣе 3 и 4 недѣль; тогда свадебный пригласитель (*der Hochzeitsbitter*) **) вачинаетъ объѣздъ (*Rundreise*) для приглашенія родныхъ и знакомыхъ; ояъ несетъ въ знакъ своей должности налку, укра-

опа жила, и уводилъ ее, причемъ воткну, для большей надежности, тотчасъ же, на дорогѣ, при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, совершали брачное дѣйствіе съ похищенной дѣвушкой.

*) По словамъ Калачова (Архивъ истор.-юридич. свѣдѣній, 1855 г.), мордва въ Нисарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., крещена въ половинѣ XVIII вѣка, т. е. одновременно съ саратовской; мордовскіе браки совершались такъ также *самохрутомъ* — похищеніемъ невѣсты, хотя всегда съ согласія самой дѣвушки и ея матери.

**) Свадебный пригласитель существуетъ въ Баваріи и у чеховъ; а въ Россіи — у латышей.

шенную пестрыми лентами, и въ каждомъ домѣ произносить заученную рѣчь, добавляя ее соотвѣтствующими прибаутками и островами. Къ вѣнцу невѣста идетъ впередъ, на головѣ у нея надѣтъ изстари заведенный обычаемъ уборъ (родъ вѣнца) изъ цвѣтовъ, бусъ, разноцвѣтныхъ и блестящихъ украшеній и пестрыхъ лентъ, спускающихся широкимъ пучкомъ до половины спины; ее ведутъ два шафера, *Brantführer*, въ шапкахъ, обшитыхъ лентами; за ней двѣ дѣвушки, *Brantjungfern*, ведутъ жениха, на которомъ картузъ обшить яркими красными или пестрыми лентами, а съ боку его, съ правой стороны, прикрѣплена кокарда изъ лентъ и блестящей фольги, съ непремѣнными тремя павиными перьями, на груди же у него приколоты длинныя красныя ленты. Пока ведутъ ихъ въ церковь, сопровождающіе ихъ стрѣляютъ изъ ружей. Обрядъ вѣнчанія короткій и несложный: стоятъ обыкновенно нѣсколько паръ, пасторъ прочтетъ молитвы, всѣ присутствующіе въ киркѣ пропоютъ гимны; пасторъ обмѣняетъ кольца каждой пары и благословитъ молодыхъ. Изъ церкви идутъ уже въ обратномъ порядкѣ: впереди ведутъ молодого, а за нимъ молодую въ знакъ того, что жена должна подчиняться мужу, тогда какъ невѣста имѣла преимущество надъ женихомъ. Послѣ того въ домѣ молодого начинается свадебный пиръ: обѣдъ изъ трехъ перемѣнъ, музыка и танцы. Празднество продолжается дня три; но уже въ первый вечеръ, молодая снимаетъ свой уборъ невѣсты и присутствуетъ на пирахъ слѣдующихъ дней въ обыкновенной одеждѣ. У нѣмцевъ нѣтъ обычая провожать молодыхъ къ ихъ брачному ложу, нѣтъ и другихъ циническихъ обычаевъ, и ежели дѣвушка окажется не дѣвственницей, то это остается тайной между нею и мужемъ. До введенія общей воинской повинности молодежь женилась въ самомъ раннемъ возрастѣ, но съ тѣхъ поръ рѣдко отдають за не отбывшихъ повинность или не ушедшихъ отъ нея по годамъ; за то изъятые отъ рекрутства по льготамъ, тѣлеснымъ недостаткамъ, или взявшіе дальніе жеребьи становятся женихами на расхватъ. Мѣстные пасторы хорошо отзываются о нравственности нѣмецкихъ дѣвушекъ.

Не останавливаясь на извѣстныхъ похоронныхъ и поминальныхъ обрядахъ, приведу только нѣсколько обычаевъ, которые встрѣчаются рѣже въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Въ дер. Алексѣевкѣ (Широкинскаго прихода, Аткарскаго уѣзда, 1858) принято со старинны: послѣ умершаго выѣшивать на 6 недѣль бѣлый платокъ за окно той избы, гдѣ былъ покойникъ, въ томъ убѣжденіи, что душа умершаго человѣка все это время ластаетъ въ домъ плакать о своихъ грѣхахъ и утирается выѣшеннымъ платкомъ. Въ с. Вѣдняковкѣ (Аткарскаго уѣзда, въ 1860 годахъ), въ сороковой день послѣ смерти человѣка, домашніе дѣлаютъ поминки, созывая родныхъ и знакомыхъ; послѣ панихиды, домашніе берутъ блюдо съ кутьей, идутъ изъ избы съ плачемъ и причитаніями за ворота и обращаясь лицомъ въ ту сторону, гдѣ погость (кладбище), кланяются: это называется—*проводжать душу*. На поминъ души покойника, болѣе зажиточные крестьяне заказываютъ заупокойный *сорокоустъ*, т. е. 40 обѣденъ. Русскіе крестьяне хоронятъ умершихъ въ повыхъ лантихъ; относя гробъ съ покойникомъ на кладбище, оставляютъ носилки на его могилѣ. Въ деревняхъ Оедоровкѣ и Ивановкѣ, Полчаниновскаго прихода (Саратовскаго уѣзда, 1885), старуха изъ семьи покойнаго, слѣдуя за гробомъ, несетъ подъ полою курицу, которую по возвращеніи отдаетъ бѣдному семейству; смыслъ этого тотъ, что когда покойникъ будетъ разлагаться, то появятся на трупѣ черви, которыхъ уничтожить курица.

Русскія деревенскія кладбища содержатся въ отыратительномъ видѣ: канавы не поновляются, изгородей нѣтъ, кресты ломаются бродящимъ по могиламъ скотомъ, ни одного деревца и кустика; у нѣмецкихъ же колонистовъ, во всѣхъ селеніяхъ, онѣ содержатся въ большемъ порядкѣ: обнесены прочными заборами, могилы обложены дерномъ и расположены правильно, памятники выкрашены и на кладбищахъ всегда зелень и кусты. Когда умретъ колонистъ-нѣмецъ, то старухи обмываютъ его, одѣваютъ въ бѣлую коленкорную рубашку, черныя, изъ бумажной ткани, штаны и бумажныя бѣлыя чулки; потомъ кладутъ его въ гробъ и ставятъ въ передній уголъ. Въ это время собираются въ домъ нѣмцы, садятся за столъ, поставленный около покойника, и одинъ изъ нихъ читаетъ молитвы, а другіе слушаютъ, затѣмъ всѣ поютъ заунывные стихи. Покойникъ лежитъ въ домѣ три дня и все это время, попеременно, надъ нимъ читаютъ и поютъ, а въ кѣрхѣ звонятъ въ колокола; на третій день выносятъ тѣло на дворъ, пасторъ или учи-

тель читаетъ молитвы, потомъ несутъ его на могилу, гдѣ и зарываютъ; въ кирхѣ во время выноса безостановочно перезваниваютъ. Послѣ преданія тѣла землѣ, народъ расходится по домамъ и около обѣда кто-либо изъ семейныхъ умершаго ходитъ по роднымъ и приглашаетъ ихъ на обѣдъ. Женщины хоронятъ, одѣвая ихъ въ бѣлые платья; голову умершей дѣвicy подруги убираютъ цвѣтами, дѣлая изъ нихъ вѣнокъ; потомъ на гробъ кладутъ также вѣнокъ и несутъ къ могилѣ: молодую дѣвицу — молодые ребята, а женщину — женатые колонисты. На могилахъ умершихъ парней и дѣвушекъ кладется вѣнецъ (Кроне), сдѣланный изъ разноцвѣтной бумаги: бѣлой, красной, зеленой и голубой, имѣющій форму короны или колпака; эта *крона* такъ и остается на могилѣ, взять ее оттуда — грѣхъ и не хорошо. Въ колоніи Побочной рассказываютъ (1888 г.), что одна женщина не умѣла сдѣлать такой вѣнецъ и взяла его съ кладбища; ночью покойникъ, съ могилы котораго онъ былъ снятъ, пришелъ къ ней и потребовалъ возвращенія его «кроны». Вообще взять что-либо съ кладбища считается большимъ грѣхомъ; нѣкоторыя молодыя женщины и дѣвушки боятся даже рвать ягоды на кладбищахъ, чтобы ночью не пришелъ къ нимъ покойникъ. Стружками отъ подѣлки гроба вабиваютъ подушку подъ голову покойнику, остальные сжигаютъ; пока готовятъ еще гробъ, покойника кладутъ на лавку, подстилая подъ него солому или посылая лавку пескомъ, послѣ чего солому сжигаютъ въ кучкѣ на дворѣ, а песокъ зарываютъ въ землю.

Во всей Саратовской губерніи чтутся православными извѣстные, установленные церковнымъ обрядомъ, дни для общаго поминанія усопшихъ; называются они *родительскими* и бываютъ нѣсколько разъ въ году. Самая главная «родительская» считается послѣ Пасхи, на Троицкой недѣлѣ, во вторникъ: есть повѣрье, что пока открыты царскія врата въ церкви всю пасхальную недѣлю, то души умершихъ освобождаются отъ мукъ, но какъ только закрываются въ воскресенье (на Красную горку), то они опять подвергаются всѣмъ мученіямъ ада, почему эта родительская и признается самой главной въ нашемъ народѣ. Вторая родительская бываетъ въ субботу передъ Троицей; даѣе въ субботу передъ масляницей и въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста.

Каждую «родительскую» прихожане собираются къ обѣдѣ и подаютъ «поминанья»; затѣмъ служитъ въ церкви общія панихида, причемъ на аналоѣ ставится кутья, а кругомъ на полу, принесенные каждымъ, блины, которые и подаются священнику и причту, а также многими раздаются нищимъ. Теперь на могилахъ поминакъ въ родительскую не бываетъ, а поминають умершихъ дома, съѣдая блины, которые въ эти дни пекутся обязательно въ каждой семьѣ. Подъ именемъ *родительскій* поминаются вообще исѣ родные, что сохранилось съ глубокой старины: въ XVII и XVIII столѣтіяхъ «родительскія поминки» дѣлались тоже цѣлыми приходами и завершались пѣнствомъ на «родительскихъ кладбищахъ»; теперь послѣднее у русскаго деревенскаго населенія не дѣлается, но въ г. Саратовѣ до сихъ поръ сохранился обычай на главную родительскую, во вторникъ на Оумной, ѣхать и идти изъ города, послѣ обѣдни, на могилы Пизугинскаго кладбища и тамъ служить панихиды. Народу собирается пропастъ и всѣ священники изъ Саратова; на могилахъ ставятъ блины, булки или крендели, чашку или стаканъ меду, иные кутью и непременно по одному или парѣ крашенныхъ яицъ; во время панихидъ зажигаютъ восковыя свѣчи, воткнутыя въ могилы или прикрѣпленныя къ блюду; все это поны собирають потомъ въ телеги и везутъ къ себѣ домой; міряне, преимущественно женщины, обязательно «вопятъ», плачутъ и расходятся затѣмъ по домамъ. Прежде на этихъ поминкахъ на кладбищѣ пили много вина, но теперь кладбищенское духовенство гонитъ такихъ съ могилъ; съ самоварами, чаемъ и закусками размѣщаются здѣсь многіе.

Малороссы (с. Сокуръ, Саратов. уѣзда) тоже чтутъ родительскіе поминальные дни: на Вознесеніе они ходятъ на «могилки» (погостъ), гдѣ готовятъ обѣды и служатъ панихиды. Въ этотъ день со всѣхъ окрестныхъ деревень собираются богомольцы съ цѣлью побывать на могилкахъ и помянуть усопшихъ.

Похоронные обряды *мордвы* отличаются полною своеобразностью. Лишь только больной начинаетъ томиться (с. Оркино, Саратов. уѣзда), какъ торопятся перенести его въ передній уголъ, а на столъ или около окна ставятъ чашку съ водой, чтобы душа умершаго, какъ только вылетитъ изъ тѣла, могла омыться въ ней; сказываютъ, что нѣкоторыя бабы «изъ досужихъ» (знахарки и мо-

нашествующія въ селѣ дѣвки) видѣли, какъ колыхалась вода въ этихъ чашкахъ, лишь только умереть человѣкъ и душа вылетитъ *). Тѣло покойнаго обмываютъ, надѣваютъ чистое бѣлье и обуваютъ въ лапти; къ умершему собираются съ разными стѣстными припасами родственники, знакомые, сосѣди и прежде всего бабы — старухи; плакать по умершимъ считается обязанностію женщинъ; каждая приноситъ съ собою по пирогу (хлѣбу); вошедшая молится Богу, потомъ плачетъ и причитаетъ надъ покойникомъ; плачущую унимаютъ и она послѣ долгихъ увѣщаній, переставъ наконецъ рыдать, отламываетъ кусокъ отъ принесеннаго хлѣба, ѣстъ, и тѣмъ поминать покойника. Такъ дѣлаетъ каждая вошедшая и, какъ только она начнетъ причитать, старшая въ домѣ покойника женщина (въ Хвалынскомъ уѣздѣ, старикъ) беретъ грошъ или трешникъ и, ставъ предъ лицомъ покойника, начинаетъ ножомъ скоблить мѣдъ, приговаривая: «вотъ тебѣ деньги, дѣлай на нихъ тамъ все, что хочешь; пойдешь, можешь, въ бесѣду, на крестины, свадьбу, или еще куда, поворожи за васъ (живыхъ) тамъ и кланяйся тамъ Ивану, Дарьѣ»... и проч., называя всѣхъ родственниковъ. Если умершій былъ самъ знахарь (а въ Оркинѣ ихъ много, особенно между бабами), то просятъ поворожить изъ томъ свѣтъ о живыхъ, а также просятъ покойника, чтобы онъ объ этомъ передалъ прежде умершимъ знахарямъ, чтобы они тоже поворожили о живыхъ. — Когда вся родня въ сборѣ, то посылаютъ за священникомъ, который отпѣваетъ покойника. Настаетъ ночь, собравшіяся бабы сидятъ вокругъ по лавкамъ и ведутъ шопотомъ разговоры, преимущественно о покойномъ; нѣкоторые зажиточные мордва приглашаютъ чтецовъ — читать псалтырь. Поздно ночью, нѣсколько бабъ ложатся спать и проснувшись, рассказываютъ сны, какъ кто видѣлъ покойника; по этимъ снамъ судить о томъ, въ чемъ онъ

*) У Чуди, когда человѣкъ умираетъ, ставятъ на окошкѣ ковшъ воды, чтобы душа покойника, по выходѣ изъ тѣла могла омыться въ ней; корелы тоже ставятъ для умирающаго на окно чашку съ водой, а на край ея кладутъ лучинку, чтобы было по чемъ душѣ забраться въ чашку. Новгородцы и другіе обитатели озерной области, когда умираетъ человѣкъ, закрываютъ двери и окна, открывая лишь печную отдушину, передъ которой ставятъ ковшъ воды, чтобы душа при вылетѣ въ отдушину — омылась, а чтобы утерлась, то нѣкоторыя бабы вѣшаютъ тутъ же полотенце («Живонис. Россія»).

нуждается, чѣмъ надо помпнать его и что подать за него. — Въ былое время, лѣтъ 20 тому назадъ, вмѣстѣ съ покойникомъ клали въ гробъ лепешки, яйца, лапти, кочедыкъ (чѣмъ плетутъ лапти) и даже трубку, такъ какъ по тогдашнему вѣрованію мордвы все это пригодится на томъ свѣтѣ. — Покойника выносятъ въ церковь, а въ домѣ, скамейку, на которой онъ лежалъ, посыпаютъ въ ковцѣ, къ переднему углу, золой и втыкаютъ топоръ или ножъ, чтобы «укрѣпить мѣсто для другихъ», чтобы не умирали (с Оркнво, 1880 года); у хвалынской же мордвы для этой цѣли, тамъ гдѣ лежалъ покойникъ, кладутъ топоръ и подушку; соръ съ полу выметають и вмѣстѣ съ вѣпникомъ и щепами оставшимися послѣ подѣлки гроба, вывозятъ за околицу и сваливаютъ гдѣ-либо по близости отъ кладбища при дорогѣ *). По окончаніи погребенія (Хвалынской уѣздъ) присутствующіе располагаются около могилы умершаго и, въ честь его, начинается общее угощеніе, дѣлають и наверху могилы ямку, кладутъ въ нее куски хлѣба, мяса, льють вино и брагу. Возвращаясь съ похоронъ домой, родственники умершаго останавливаются у только-что сваленной кучи сора изъ избы покойнаго, кидаютъ въ нее кусочки сѣстныхъ припасовъ и гроши, послѣ чего кланяются до земли щепамъ. — «Суевѣрный мордвинъ,—говоритъ кн. Ѳ. С. Голицынъ,—указывая такое уваженіе къ покойникамъ и заботясь о томъ, чтобы они были сыты и пьяны на томъ свѣтѣ, чувствуетъ такой страхъ къ вывезенному изъ избы сору, что боится дотронуťся до него, и если кому случится нечаянно коснуťся щепы, тотъ считаетъ себя несчастнымъ и ждетъ на свою голову всякихъ бѣдъ; въ подобныхъ случаяхъ устраиваются старухами особые *моляны*, для избавленія несчастнаго суевѣра отъ ожидаемой *притки*».

Послѣ похоронъ у мордвы (с. Оркнво) дѣлають обѣдъ—помянки, на который собираются всѣ родственники, являющіеся непременно съ своимъ хлѣбомъ, и съ начала каждый поминаетъ принесеннымъ, а потомъ уже собирають обѣдъ и помпнають хозяйскимъ. — На 3-й, 9-й и 40 й дни тоже поминають умершаго, причемъ всѣ

*) У русскихъ, щепу, оставшуюся отъ подѣлки гроба, сжигаютъ, а стружки кладутъ въ гробъ въ голову покойнику; у нихъ же послѣ выноса тѣла, за гробомъ уносятъ и черепокъ (глиняная лохань), изъ котораго обмывали покойника, и бьютъ его бросая объ землю.

родственники выходятъ на дворъ или на улицу, и здѣсь передъ избой, старшая въ домѣ баба, разломивъ яйцо, бросаетъ его на землю и потомъ скоблитъ ножомъ мѣдный грошъ, поминая всѣхъ умершихъ, какъ своихъ, такъ и пришедшихъ на поминки родственниковъ. Въ Хвалынскомъ уѣздѣ мордва, на 40-й день смерти, *проводжаетъ душу* покойнаго (обычай этотъ мало-по-малу выводится): въ этотъ день родственники и знакомыя, обыкновенно старухи, приносятъ въ домъ покойнаго разныя печенья, ставятъ ихъ на столъ и молятся Богу передъ образами; въ это время хозяйка дома окурпваетъ глиняной ладавицей три раза столъ, на которомъ разставлены кушанья, столько же разъ обводитъ его ножомъ и, нашептывая, прикладываетъ платокъ ко всѣмъ яствамъ. По окончаніи молитвы, начинается угощеніе: сначала съѣдаютъ принесенное старухами, а затѣмъ разставленные хозяйкой мисо, кашу и прочія яства. Послѣ обѣда, изъ среды присутствующихъ выбираютъ старуху или старика, смотря по тому, кого поминуютъ, изображающихъ изъ себя душу умершаго — *эзе-можай*, сажаютъ на самодѣльное кресло, выносятъ изъ избы и ставятъ среди двора лицомъ къ воротамъ. Всѣ участвующіе падаютъ передъ мнимою душою, не касаясь лицомъ земли, на четвереньки и въ такомъ положеніи остаются до тѣхъ поръ, пока изображающій изъ себя душу умершаго читаетъ молитву, въ которой проситъ Бога, чтобы были деньги, родились лошади, коровы, овцы, свиньи, гуси, куришки (индѣйки), утки и куры, чтобы выходило изъ земли больше ржи, пшеницы, овса, гороха и гречи; по окончаніи этихъ причитаній, сидящій старикъ или старуха вновь считаются простыми смертными; всѣ встаютъ и обращаются къ «пятному», противополному, столбу, падая передъ нимъ на колѣни, начинаютъ плакать и прощаться съ душою умершаго, которая, по понятіямъ мордвы, уходитъ въ это время по столбу на небо. Затѣмъ всѣ ѣдутъ на кладбище и, вернувшись оттуда въ домъ умершаго, пляшутъ и поютъ, чтобы радостно жилось новому хозяину *).

На родительскую послѣ Пасхи и на Дмитріевъ день Оркннская мордва ходитъ на могилы, куда приносятъ брагу, водку, блины и другую пищу, поминаютъ покойниковъ и служатъ на могилахъ

*) Саратовскій Сборникъ, т. I, «Хвалынскій уѣздъ», князя Ѳ. С. Голицына.

панихиды; на кладбище ходятъ обыкновенно бабы и ребятники; поплакавъ и помолвшись надъ могилой, разстилаютъ кусокъ холста и, выливъ стаканъ водки или браги въ могилу, нѣютъ потомъ сами и ѣдятъ *). Плакать («вѣнать») надъ могильнымъ крестомъ во весь голосъ считается обязанностію, а потому во время родительскихъ поминовій на мордовскомъ кладбищѣ стоитъ стонъ отъ бабьяго вола и рыданій. Часть блиновъ, лепешекъ и прочаго оставляютъ на могилахъ, а нѣкоторые и бѣлье: рубаху, штаны и т. под., причемъ говорятъ: «на вотъ тебѣ одежду, можетъ, тамъ нужно». Все это собираютъ потомъ нищіе, а наряду съ ними и собаки.

Обряды *чувашъ* Саратовской губерніи мнѣ неизвѣстны; приведу лишь доставленное мнѣ А. Н. Никитинымъ, изъ Самарской губерніи, описаніе ихъ обряда *поминовенія умершихъ*:

Въ с. Покровскомъ, Самарской губерніи и уѣзда, мѣстныя книжки С. А. Щербатовой, гдѣ поселены чувашъ вмѣстѣ съ русскими, въ бытность А. Н. Никитина управляющимъ съ 1853 по 1855 годъ, ему приходилось видѣть, какъ чувашъ совершали поминовеніе усопшихъ родныхъ. Осенью, на *Семень-день* **) собираются въ домъ умершаго родственники, друзья и сосѣди на *молянъ*, который всегда бываетъ ночью, часовъ съ 8 вечера и до утра другого дня. На этотъ молянъ приглашаются музыканты: скрипачъ, балаласчаникъ и «пузырникъ» (дудки съ пузырями) въ числѣ не менѣе трехъ человекъ; хозяинъ дома приготовляетъ обѣдъ, покупаетъ водки и варитъ брагу; къ правому косяку избы, при входѣ, прилѣпляется восковая свѣча, приготовляемая самими чувашами съ конопляными (вмѣсто бумажныхъ) фитилями, въ такомъ числѣ, сколько въ этомъ дому онъ можетъ припомнить умершихъ. Часть водки и браги ставится въ посудѣхъ на коникѣ (при входѣ вправо), здѣсь же кладутъ перину и подушки, въ ведрѣ браги находится ковшъ, а подлѣ водки — рюмка; чувашъ дѣлаютъ это для того, что ихъ умершій родственникъ невидимо является къ нимъ на молянъ, садится на коникъ, выпьетъ водки и браги и,

*) Поливаніе могилъ виномъ, оставленіе на нихъ пищи, табаку, одежды и прочаго, и разговоры съ покойникомъ, у мордвы Инсарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, упоминаетъ Н. В. Калачовъ въ «Архивѣ», 1855.

**) *Семень-день* (пр. Симеона Столипника), 1 сентября, у чувашъ — праздникъ поминовенія усопшихъ.

лежа на перивѣ, смотритъ какъ идетъ молянѣ.—Собравшіеся родственники и пріатели начинаютъ молянѣ пляскою подъ музыку, попарно, прежде мужчины, потомъ женщины. На столѣ приготовлено кушанье, водка и брага, а по срединѣ стола горитъ восковая свѣча, особо приготовленная съ коноплянымъ фѣтилемъ, длиною около двухъ аршинъ, толще обыкновенной пяти-копѣечной, и сложенная въ кружокъ (спиралью); ее поправляютъ по мѣрѣ горѣнія до окончанія молива.—Въ избѣ находятся любимая покойникомъ собака: ежели она вспрыгнетъ на столъ и схватитъ какое-либо кушанье, преимущественно блинъ, то чуваша хлопаютъ руками. По окончаніи молива каждая пара должна сдѣлать другъ другу низкій поклонъ, послѣ чего выходитъ другая пара и исполняетъ тоже.—Утромъ слѣдующаго дня хозяинъ дома, приготовивъ лучшее кушанье, запрягаетъ въ рыдванъ пару лошадей, кладетъ перину, подушки, водку и брагу, а женщины садятся по наклескамъ рыдвана, впереди ихъ верховой изъ молодыхъ ребятъ, и отправляются на «мазары» (кладбище), гдѣ приготовлены временные столы: перину и подушки кладутъ на могилу и женщины начинаютъ плакать, «вопить», причитая по-чувашски. Въ могилу льютъ водки, кладутъ табакъ для умершаго, а къ цѣю (вмѣсто креста на могилѣ) прилѣпляютъ восковыя свѣчи на приготовленное для того на цѣѣ мѣсто и вбиваютъ мѣдную монету (грошъ, въ тогдашнее время)—умершему на табакъ. Во время пиршества на мазаркахъ происходятъ скачки, верхомъ на лошадяхъ: скачутъ молодые ребята, по одному отъ каждого умершаго, на извѣстное разстояніе отъ конца мазарокъ—въ поле; кто во время скачки упадетъ съ лошади, тотъ неизрѣнно «выливтъ» (умретъ) въ этомъ году; къ упавшему тотчасъ со всѣхъ мазарокъ собираются и плачутъ, преимущественно родные, считая его уже приговореннымъ къ смерти, и самъ упавшій паренъ падаетъ духомъ.

Молянѣ на «Семень-день» собирается ежегодно по всему селу у тѣхъ чувашъ, у которыхъ кто-либо умеръ изъ семьи въ этомъ году, и считается праздникомъ *поминовенія* усопшихъ. Чуваша бьвають въ восторгѣ, если кто изъ постороннихъ приходитъ на ихъ молянѣ, и считали за честь, когда г. Никитинъ заходилъ къ нимъ въ этотъ праздникъ.

Чтобы довершить характеристику народных понятий и повѣрій, приведу еще нѣкоторыя черты релігіозныхъ заблужденій мѣстнаго населенія по архивнымъ свидѣтельствамъ и разсказамъ очевидцевъ.

Расколъ уже давно свлѣгъ себѣ гнѣздо по Хопру и Медвѣдицѣ; въ Тамбовской Арх. комиссіи (журн. 18 августа 1886) имѣется изъ Московскаго главнаго Архива отписка 7194 г. (1685) тамбовскаго воеводы Нарышкина о раскольникахъ, пріѣзжающихъ съ Дона. Изъ нея видно, что помѣщенные въ Тамбовѣ и тамбовскихъ крѣпостяхъ по Хопру, поставленныхъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, стрѣльцы, казаки и всякихъ чиновъ служилые люди стали бѣгать на Хоперь, Медвѣдину и другія «запольныя» рѣчки; къ нимъ стали уходить крестьяне и бобыли изъ дворцовыхъ слободъ, селъ и деревень. Затѣмъ въ Тамбовѣ и тамбовскій уѣздъ стали пріѣзжать съ Дона и Хопра воровски, тайно, всякихъ чиновъ люди и съ рѣки Медвѣдицы раскольники, «совращая и подговаривая многихъ крестьянъ, женъ отъ мужей и дѣвокъ покидать свои тяглые жеребья и бѣжать въ ихъ казачьи городки на Хопрѣ, Медвѣдицѣ и иныхъ запольныхъ рѣчкахъ», уводить лошадей и крадутъ оружіе, такъ что край по рѣкамъ Хопру и Медвѣдицѣ наполнился людьми и въ городкахъ, считавшихъ еще недавно по 15 и 20 человекъ, теперь 200 и 300 человекъ и «женскаго полу много». До этого тамъ не сѣяли хлѣба, а возилъ его изъ русскихъ городовъ и «кормились звѣрьми и рыбкою», въ настоящее же время, они, казаки, завели пашню и къ нимъ бѣгутъ дворцовые, помѣщичьіе, вотячинные и монастырскіе крестьяне, бобыли и боярскіе холопы. «Въ этихъ Хопровскихъ и Медвѣдицкихъ городкахъ много *раскольниковъ* и отступниковъ отъ православной вѣры, не покланяющіеся иконамъ». Съ тѣхъ поръ вѣроятно ведется расколъ и въ Саратовскомъ краѣ.

Въ Аткарскомъ уѣздѣ много разныхъ сектъ. Больше всего распространены старообрядцы и молокане. Послѣдніе двухъ толковъ: *Воскресники* и *Субботники* (іудействующие); изъ старообрядческихъ сектъ больше распространены въ уѣздѣ *Было-поповская* и *Поморская*. Раскольники не курятъ и не нюхаютъ табаку и терпѣть не могутъ, когда при нихъ употребляютъ это «дьявольское зелье»; поморцы выбриваютъ себѣ макушки. Кромѣ того въ уѣздѣ есть *Примуны*, *Хлысты* и другіе толки, больше малочисленные, чѣмъ пер-

вые, но превосходящіе ихъ вѣлѣшностью своихъ ученій и обычаевъ. Примѣромъ того, до какого изступленія могло доходить подобное сектантство, укажу на происшествіе въ селѣ Львово-Копѣны (Аткар. уѣзда) на рѣкѣ Медвѣдицѣ. Въ 1820 годахъ явился туда двое, какъ полагаютъ, бѣглыхъ изъ Сибири каторжниковъ и стали проповѣдовать на текстъ Евангелія: «аще кто хочетъ душу свою соблюсти, погубитъ ю»; они толковали, что нужно погубить себя, чтобы спасти душу. Эти изуверы успѣли до того фанатизировать народъ, что многіе соглашались добровольно на лишеніе жизни. Въ выходѣ изъ овина, другіе говорятъ—въ погребѣ, была устроена плаха и, изступленные проповѣдью, фанатики давали рубить себѣ головы; ужаснѣе всего, что родители приносили на плаху дѣтей; такимъ образомъ отрублено было до 40 головъ взрослыхъ и младенцевъ. Въ одномъ изъ овиновъ изуверы хотѣли предаться самоожженію: туда набралась масса людей, но одной молодой женщины стало жаль своего младенца, котораго принесла съ собою на сожженіе; она насильно вырвалась отъ фанатиковъ и бросилась въ селеніе, гдѣ объявила народу; когда сбѣжались, то овинъ, обложенный соломой, былъ уже зажженъ и надо было силой выгонять изступленную толпу изъ пламени. Одинъ изъ проповѣдниковъ, по павшему на него жеребью, былъ срубленъ на плахѣ своимъ товарищемъ; преданіе говоритъ, что послѣдній, когда удалялся отъ Копенъ, дѣлался слѣпъ, а когда шель назадъ, то прозрѣвалъ, такъ что онъ не могъ отойти отъ Копенъ и былъ схваченъ въ этомъ селеніи. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ протоіерей В. Д. Турковъ кій и переписка должна храниться въ Пензенской консисторіи, куда въ то время принадлежалъ епархіей Аткарскій уѣздъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права число послѣдователей разныхъ сектъ увеличилось; такъ въ Ахтубѣ (с. Малой Дмитріевкѣ), Радушной, Киселевкѣ и другихъ бывшихъ барскихъ селеніяхъ появилась въ значительныхъ размѣрахъ хлыстовщина въ самыхъ безобразныхъ формахъ. Приведу здѣсь нѣсколько документовъ, которые прошли черезъ мои руки, какъ лица должностного.

— При рапортѣ Мало-Дмитріевского волостнаго правленія, я получалъ актъ отъ 8 апрѣля 1868 г., составленный волостнымъ старшиною Паськовымъ, священникомъ Леонидовымъ, старостой, сотникомъ и понятыми, въ томъ, что: «солдатка, проживающая въ

с. Малой-Дмитріевкѣ (Ахтуба тожѣ), Марья Васильева, по мужѣ Кафтайсова, явивсь въ волостное правленіе, добровольно и чисто-сердечно объявила, въ присутствіи всѣхъ вышеписанныхъ лицъ, что она, назадъ тому мѣсяца три, какѣ начала ходить для слушанія пѣнія и чтенія собиравшихся крестьянъ и крестьянокъ с. Малой-Дмитріевки. Въ теченіи этого времени ничего противнаго и никакого богохульства не замѣчала, а наконецъ на шестой недѣлѣ великаго поста сего 1868 г., по какому числу, не упомянуть, поздно вечеромъ было собраніе вышеписанныхъ крестьянъ, а именно: Ѳедоръ Суковъ съ женою, Григорій Рябковъ съ женою, Савелій Филмопенковъ съ женою, Петръ Лазовой съ женою и дочерью, Тимофеемъ Лазовой (малороссы), и сверхъ того еще было на собраніи молодыхъ женщинъ и дѣвокъ человѣкъ десять и, можетъ, болѣе, въ томъ числѣ и она, Кафтайсова, въ домѣ вышеупомянутаго крестьянина Григорія Рябкова. Когда они всѣ собрались въ домъ для слушанія божественныхъ стиховъ, сѣли по лавкамъ, то изъ числа ихъ, бывший на собраніи, Ѳедоръ Суковъ, вышелъ на средину избы, началъ кружиться по всей избѣ; покружившись, сталъ на одномъ мѣстѣ, а крестьяне Рябковъ, Филмопенковъ, Лазовой выходили каждый съ своею женою на средину избы, кланялись Сукову въ ноги, цѣловались между собой, а также цѣловали его, Сукова; а послѣ нихъ и всѣ бывшіе на собраніи подходили къ Сукову и кланялись ему въ ноги, потому цѣловали его; по примѣру ихъ и она, Кафтайсова, тоже самое исполняла. Когда это кончилось, всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ, Ѳедоръ же Суковъ сталъ на средину избы; привели къ нему теленка, поставили поперекъ избы, Суковъ взялъ нитку, привязалъ за хвостъ теленку, самъ сѣлъ на полъ и началъ тащить теленка за привязанную нитку, а между тѣмъ теленокъ мычалъ; по окончаніи сего, нитку отвязали и отвели его въ свое мѣсто. Суковъ взялъ съ полки икону преподобнаго Митрофанія, обвязалъ оную этой ниткой и положилъ подъ столъ. Черезъ нѣсколько времени вынулъ изъ-подъ стола икону и началъ совать всѣмъ сидящимъ на лавкѣ мужчинамъ между ногъ; окончивши это, началъ за припязанную нитку таскать икону по полу; протащилъ взадъ и впередъ раза три и бросилъ оную къ порогу дверей, потому положилъ на нее ухватъ и кочерги, а самъ отошелъ на средину избы и началъ кружиться; покружившись на срединѣ, пошелъ

къ двери, взялъ икону св. Митрофанія, выставилъ впередъ правую ногу и положилъ икону на ногу внизъ лицомъ, а самъ началъ со всѣми сидящими на лавкахъ припѣвать какіе-то неизвѣстные канты; послѣ того взялъ икону съ ноги и бросилъ подъ столъ, а самъ Суковъ началъ кружиться вокругъ сидящихъ на собраніи зрителей. Когда это кончилъ, взялъ икону изъ-подъ стола, поставилъ на полку въ свое мѣсто, а самъ началъ также кружиться по избѣ; покружившись, *покатился* по всѣмъ сидящимъ зрителямъ, которыхъ онъ называлъ: мои братья и сестры; потомъ послѣ этого приклонился изъ числа всѣхъ сидящихъ къ Савелію Филимонову и Тимоѣю Лазовому и затрясся, какъ будто-бы отъ какой-либо болѣзни и вытнулся среди избы на полу. Полежавши нѣсколько времени, всталъ и началъ пѣть; окончивъ пѣніе, поклонился всѣмъ сидящимъ съ произнесеніемъ словъ: «простите меня, братія и сестры», а они ему въ отвѣтъ сказали: «отецъ тебя прощаетъ и мы тебя прощаемъ». Потомъ начали пѣть божественный стихъ: *выньи отпущаети раба твоего*... и т. д. Послѣ пѣнія поцѣловали всѣ Сукова и поклонились ему въ ноги, потомъ вторично его цѣловали и сказали ему: «прости насъ», а онъ имъ отвѣчалъ: «отецъ васъ прощаетъ и я васъ прощаю». Тѣмъ самымъ всѣ ихъ моленія кончились; но для чего ставилъ Суковъ теленка и танцилъ за привязанную къ хвосту нитку, а также для чего онъ накладывалъ на икону пренедобнаго Митрофанія ухваты и кочерги, таскалъ ее взадъ и впередъ по полу и клалъ на ногу, того Марья Кафтайсова не знаетъ и Суковъ этого пикому изъ зрителей не объявилъ; но солдатка Кафтайсова, видя такое безобразіе и богохульство, не желая болѣе въ это собраніе ходить, по возвращеніи своемъ изъ безумнаго собранія, тотчасъ объявила родному отцу своему Василию Чепенкову и потомъ заявила въ волостномъ правленіи о всемъ происходившемъ; нашу же православную вѣру, вынесказанные участники въ собраніи называютъ *окаянкой*, а святія иконы — *болванами*. Слѣдуютъ подписи.

— Января 18-го 1874 года явился ко мнѣ, какъ къ мѣстному мировому судѣ, крестьянинъ д. Киселевки (Алексѣевка тожъ), Колѣвской волости, Аткарскаго уѣзда, Егоръ Филипповъ Бушкинъ, женатый, отъ роду болѣе 30 л. и заявилъ, что онъ чистосердечно хочетъ сказать мнѣ о *хлыстахъ*, которые завелись у нихъ въ Ки-

селевкѣ, уже года съ четыре: «много, — говорилъ онѣ, — разныхъ вѣръ и моленій, а ужъ какое это моленіе, такъ просто безобразіе».

Я записалъ слова Бункина: «Я уже испѣмъ заявилъ, — началъ онѣ, — и старостѣ, и священнику о томъ, какъ они совращали меня въ свою вѣру и что у нихъ дѣлается. Ищутъ хлысты своего бога; богъ у нихъ *Кузьма Семеновъ*; какой онъ такой, этого никто изъ насъ не знаетъ, должно — идолъ какой. По осени прошлаго 1873 г. былъ у насъ въ Киселевѣ Канабѣвскій овчинникъ, что живетъ въ Ахтубѣ, Потапъ Ивановъ; онѣ — хлыстовскій попъ; заходитъ онѣ къ отцу моему и говоритъ намъ, чтобы обратились въ настоящую вѣру; мы ему отвѣчаемъ, что нельзя, молъ, видѣть, какъ вы молитесь, къ вамъ и за 20 сажень не подойдешь, вездѣ сто-рожать. Потапъ Ивановъ уговаривалъ насъ обратиться по слуху, поговѣть три дня: «въ теченіи которыхъ ни чего не ѣшь, и я *запущу духъ* на тощій желудокъ, а на сытый онѣ не пойдетъ, за это я прошу долъ пять рублей». Спусти въкоторое время, Потапъ спрашиваетъ отца: «*скобмися-ли* ты три дня, или *принесъ рубанокъ*?» отецъ отвѣчаетъ: «Рубанокъ принести могу.» — «Не то, — говоритъ попъ, — это значитъ: очистился-ли ты говѣньемъ?» Отецъ сказалъ ему на это: «началъ, да брюхо стало болѣть, я и поѣлъ». Сталъ Потапъ уговаривать насъ идти въ хижину ко вдовѣ Аннѣ Звѣрковой, что на задахъ живетъ; мы спрашиваемъ: «какія, молъ, дѣла у васъ тамъ дѣлаются?» Тотъ говоритъ: «придешь — поцалуй Анну вдовую, потомъ въ ноги ей поклонись и дѣвокъ всѣхъ перецалуй». Пришли, поцаловались съ Анной, ей въ ноги поклонились и она тоже, потомъ всѣ стали цаловаться и давай всѣ въ землю кланяться, какъ понало. Аннушка крѣико меня за ребра схватила, раза два, потомъ пѣть стали Богъ знаетъ что, все Бога Саваоа сначала поминали, а потомъ невѣсть что заѣли. — Въ другой разъ къ брату Анны Звѣрковой ходили, Никитѣ Юдну; тамъ пошло представленіе и вдругъ на меня *дрѣма* панала: что за пропасть — ни съ то ни съ сего, остальныхъ тоже дремота одолѣла, они подѣзли на полати и мнѣ тоже захотѣлось, да словно что не пускаетъ, сижу на мѣстѣ. Подремали мы, стали потомъ пѣть. Пришла Дуня; ихъ двѣ у нихъ Дувьки, обѣ дѣвки молоды, красивы; эта — Авдотья Герасимова Мокарцева, у нихъ *пророчица*, живетъ она у вдовой Аннушки Звѣрковой, дѣвка здоровая и очень

красивая, лѣтъ 20 съ небольшимъ; нейдетъ она замужъ, а охотники на нее есть; не слышать у насъ, чтобы она распутничала, но больно вѣрой занялась. Вотъ эта-то пророчица Дуни пришла въ избу къ Юдипу и начала ходить по хатѣ; сняла коты (бапмаки), чтобы легче ноженъкамъ си было; взяла утиральникъ и все ходитъ; ходила, ходила и говоритъ Аняѣ Звѣрковой: «прости меня!» Та ей отвѣчаетъ: «ежели Кузьма Семеновъ (это ихъ-то Христосъ или богъ) прощаетъ, то и я прощаю», потомъ хлѣстъ объ полъ, тоже повторили и другіе, такъ все собраніе и все на Кузьму Семеновича ссылались, въ ноги кланялись; послѣ того всѣ стали ходить по избѣ. Дуня подошла ко мнѣ, положила руку на мою голову и говоритъ: «самъ тутъ, а *мѣнѣе* (т. е. духъ-то) дома, иди на мой слѣдъ». Потомъ Дуня дуже шибко стала ходить и говорить по небесному, ломается, юбку поднимаетъ, крутитъ, грызетъ ее зубами; сѣла на корачки, вертится и оглядывается по полу, словно что ищетъ; встала и поставила Родіона (Звѣркова) съ кумой парой рядомъ и покрыла ихъ утиральникомъ, а Ѳедосью съ Ѳеклой, тоже рядомъ, другой парой, и покрыла ихъ платочкомъ; прошла и говоритъ Ѳедосьѣ съ Ѳеклой: «вы не достойны этого дѣла»; сорвала съ нихъ платочки и забросила, сняла и утиральникъ; они всѣ врознь руками сучить и мотать стали: кто къ верху, кто впередъ, даже до мокраго поту, а Родіонъ все себя руками по груди сучить, да какъ хляснется объ полъ и пу кататься и коверкаться, до неприличности открылся при всѣхъ; бился, бился опъ и упалъ безъ памяти. Нашелъ и на меня *духъ*: разслабъ я весь, а все руками хлопаю и кричу: «эхъ! эхъ! эхъ!»... А бабы все руками машутъ. Пророчица Дуни шибко по избѣ ходить. Я, молъ, говорю: «что это такое?» А та все твердитъ: «дѣла божіи, дѣла божіи!» Явилась у меня тутъ сильная похоть; Дунька бросилась задомъ ко мнѣ на колѣни, дрыгается, прыгаетъ на мнѣ, ломается, теребитъ; перекупается, обойметъ, схватитъ за волосы; крѣпко обнялъ и ее, такъ и стиснулъ и только твержу: «душенька, миленькая моя!» Да такъ вцѣпился въ нее, не пускаю. Грѣха однако между нами не было. Слѣзла и отошла, глядитъ на меня. Я опять захопалъ руками, кричу: «миленькая, Дуни, иди ко мнѣ!» та опять ко мнѣ на колѣни, такъ и смотритъ мнѣ въ глаза, обняла и давай крѣпко, крѣпко целовать, я даже память потерялъ;

она опять слѣзла, отошла. Опомнися я: «что, молъ, это такое дѣлается?» А Звѣркова говоритъ мнѣ: «дѣла божіи, дѣла божіи!» Собрались мы еще какъ-то; представленіе было тоже, гляжу, а Дунька сѣла къ тому калекѣ, что въ Киселевкѣ на палкахъ и на корачкахъ ходитъ, отцу другой Дуньки, тоже красивой дѣвки; но у него она не такъ вертѣлась и ломалась, какъ у меня на колѣняхъ. Тутъ у меня въ глазахъ помутило, навожденіе было: огонь горитъ, а мнѣ кажется, что потухъ и темно; сталъ я тутъ отмахиваться: «отойди, отойди», говорю; ну прошло, смотрю — свѣтло; опомнися, сталъ креститься. Вижу я, что это вовсе не христіанская вѣра, а нечистая; говорятъ — молятся, а развѣ тутъ молитва, больше плотское навожденіе — дьяволу служить. Мучили они меня такъ до осени, совсѣмъ отъ дѣла отбился. Вросилъ я теперь эту хлыстовщину и готовъ все доказать суду. — Трудно только подстеречь ихъ: на гумнахъ и задахъ дворовъ свои представленія дѣлаютъ и зорко сторожатъ во время своихъ собраний, никого не подпускать. Эти представленія они называютъ молитвой, а какой — просто нечистому поклоняются; мы-де, говорятъ, не хлысты, а *христы*; а развѣ тутъ есть что Христово, просто навітіе нечистаго. Въ Киселевкѣ больше собираются у Никиты Юдина; бываютъ многіе, пріѣзжаютъ и странніе; были какъ-то двое въ военной одеждѣ, говорятъ, молъ, что жандармы съ Кавказа. Когда Никита Звѣрковъ не бываетъ, то его *духъ* бываетъ на собраніи. Попъ Канабѣвскій Потанъ Ивановъ пріѣзжаетъ изъ Ахтубы (с. Малая Дмитріевка). Звали меня на главное собраніе, куда собираются *хлысты*, въ д. Радушную къ Федору Чекрышеву, да я не поѣхалъ» *).

Бушенинъ простоватъ и изъ словъ его видно, что онъ сильно вѣрить въ дьявольское навожденіе при обрядахъ описанной имъ секты. Онъ кончилъ свой рассказъ, обратясь ко мнѣ съ просьбой: «ве вели ты сѣчь Дуньку, а вели насильно замужъ выдать; одинъ молодой парень больно на нее охотится, да она говоритъ: ежели

*) Въ Трудахъ Рязанской Архивной комиссіи 1887 г. № 5, изъ дѣлъ Зарайскаго уѣзднаго суда и Рязанской уголовной палаты 1837 г., А. В. Селивановъ приводитъ интересныя свѣдѣнія о *хлыстовской* ереси въ с. Каринѣ, Зарайскаго уѣзда, въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ.

бы вышла, то только по своей вѣрѣ». Онъ былъ правъ: мѣстнымъ властямъ подсторожить хлыстовъ не удалось.

А— Въ 1887 году крестьяне срединной полосы Саратовскаго уѣзда стали говорить, что не у однихъ русскихъ, но и у нѣмцевъ завелись *культуры* (раскольниковъ). Въ концѣ того же года сообщили мнѣ, что очень много изъ колоніи Побочной «ушло въ расколъ», охватившій и другую колонію той же Ягодно-Полянскои волости—Скатовку. Я поручилъ своему писмоводителю М. А. Волкову, бывшему нѣмецкому старшинѣ Ф. К. Штраубу и волостному писарю Г. Г. Шнейдеру разузнать на мѣстѣ, по возможности лично пропикнуть въ собранія сектантовъ и доставить мнѣ вѣрныя свѣдѣнія о нѣмецкомъ расколѣ. Добытыя ими данныя привожу здѣсь дословно. По словамъ бывшаго волостнаго старшины Ф. К. Штрауба, къ нѣмцамъ-колонистамъ с. Скатовки занесена въ 1886 году секта *штундистовъ* изъ колоніи Побочной Егоровъ Егоровымъ Кайлемъ и имѣетъ здѣсь къ 1888 году послѣдователей до 40 человекъ мужчинъ и женщинъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ жила въ Побочномъ старая нѣмка, уроженка Камышинскаго уѣзда, которая первая начала проповѣдывать штунду въ с. Побочномъ. Секта эта, по словамъ Штрауба, не отличается отъ лютеранской вѣры; штундисты—горячіе поклонники церкви и гораздо прилежнѣе ходятъ въ все, чѣмъ остальные колонисты; они не пропускаютъ ни одной обѣдни и первыми приходятъ къ богослуженію. Пообѣдавъ по окончаніи обѣдни, они собираются къ одному изъ домохозяевъ, читаютъ молитвы и поютъ священныя пѣснн; книги ихъ тѣже, что употребляютъ при церковной службѣ. Моленія ихъ происходятъ какъ днемъ, такъ и вечеромъ не позже 10 часовъ, затѣмъ всѣ выходятъ разомъ изъ того дома, гдѣ совершалось ихъ собраніе; при моленіи участвуютъ, какъ мужчины, такъ и женщины и дѣвчнцы, допускаются и посторонніе; послѣднихъ штундисты даже сами приглашаютъ на свои молитвы, отвлекая тѣмъ, въ праздничное время, отъ пьянства и гульбы. Въ собраніяхъ они всѣ равны и называютъ другъ друга братьями, никакихъ безобразій и безчинствъ не допускается. Какъ только въ домѣ соберется нѣсколько человекъ, одинъ изъ нихъ начинастъ читать молитвы, а затѣмъ всѣ поютъ священныя пѣснн. Вино и разныя увеселенія строго запрещаются у штундистовъ; ни одного изъ нихъ не дозовешься въ гости, гдѣ

играетъ музыка и пьютъ вино; штундистъ не пойдетъ на свадьбу даже къ родному брату лютеранину, ежели у него пируютъ и есть музыканты. Свадьбы штундистовъ безъ всякихъ увеселеній и музыки; они довольствуются однимъ обѣдомъ, при которомъ читаютъ священныя молитвы. Секта эта, при своемъ распространеніи, могла бы уменьшить пьянство и разгуль; она нѣмѣтъ не преслѣдуется и мѣстный пасторъ Шиллингъ совѣтуетъ имъ только не собираться на молитвы въ разныхъ домахъ, а обратиться въ консисторію съ просьбой о разрѣшеніи имѣть одинъ опредѣленный для молитвы домъ. Недавно былъ случай перехода штундиста въ секту *баптистовъ*: лѣтомъ 1887 г. молодой парень Федоръ Шнейдеръ (взятый въ полбръ того же года въ рекруты) ѣздилъ въ Саратовъ къ одному старшему изъ секты баптистовъ—Гусману, тотъ водилъ его съ другимъ парнемъ, изъ Побочной Руды, на Волгу и тамъ крестилъ, для чего ввелъ ихъ въ воду въ бѣлихъ сорочкахъ, читалъ молитвы, послѣ чего они окунали головы въ рѣку. Баптисты отпускаютъ крещеніе въ возрастѣ не моложе 15 лѣтъ.

Г. Г. Шнейдеръ такъ передавалъ дознанное имъ чрезъ разспросы достовѣрныхъ лицъ и видѣнное имъ самимъ въ *братскихъ* собраніяхъ, куда онъ ходилъ нѣсколько разъ. «Въ Ягодно-Полян-ской волости появилась религіозная секта такъ называемыхъ *братьевъ* и *сестеръ* или *штундистовъ*, занесенная сюда изъ нѣмецкихъ колоній Камышинскаго уѣзда, гдѣ она существовала уже лѣтъ 30 тому назадъ *). Туда явилось въ то время двое книготорговцевъ, разносчиковъ книгъ священнаго писанія, изъ колоній Бессараб-

*) Религіозное ученіе Штунды (Stunde) впервые появилось въ концѣ XVII столѣтія въ Германіи, гдѣ его распространялъ пасторъ Филиппъ Яковъ Шюлеръ, образуя кружки «братьевъ христіанъ». Штунда не имѣла ничего сектаторскаго, а лишь сближала христіанъ въ болѣе тѣсный кружокъ и быстро расширялась, въ особенности въ Виртембергѣ, откуда ученіе это занесено въ Россію въ 1817 году и гнѣздомъ ея была колонія Рорбахъ въ Одесскомъ уѣздѣ, пасторъ которой Бокемпферъ въ продолженіи 24 лѣтъ энергично распространялъ необходимость учрежденія «братьевъ друзей божіихъ». Штунда укрѣпилась на берегахъ Чернаго моря, проникла въ сосѣднія губерніи и захватила не только нѣмецкія колоніи, но и русскія селенія. По свѣдѣніямъ «Церковнаго Вѣстника», 1883, № 37, она существуетъ теперь въ губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской, Кіевской, Бессарабской, Полтавской, Подольской, Волынской, Минской, Черниговской, Орловской, Могилевской, на Кавказѣ, въ Закавказскомъ краѣ и даже въ Москвѣ.

ской губерніи и начали распространять новое ученіе, которое впрочемъ ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ лютеранскаго исповѣданія. Впослѣдствіи нѣкоторые руководители секты стали дополнять новое ученіе сообразно съ своими понятіями и все болѣе и болѣе отклонялись отъ церкви. Вслѣдствіе ежедневнаго чтенія они скоро достигли значительнаго знанія священнаго писанія, но толковали его по своему, почему между ними и передовыми не-сектантами ладу не было, и вмѣсто того, чтобы наконецъ согласиться между собою, они расходились все болѣе и болѣе и наконецъ дошли до положительной вражды. Такъ какъ сектантовъ было еще мало, то общества, по соглашенію съ пасторами, начали преслѣдовать расколъ, наказывая розгами тѣхъ, кто не желалъ отказаться отъ «братства». Результатомъ преслѣдованія и розогъ было не искорененіе секты, а напротивъ—увеличеніе и усиленіе ея: *братья* признавали себя мучениками, страдальцами за святую вѣру, какъ первые христіане отъ іудеевъ и язычниковъ. Преслѣдованіе продолжалось два-три года, потомъ оставили сектантовъ въ покоѣ и они продолжали размножаться; но скоро между ними возникли значительныя разногласія и они раздѣлились на нѣсколько группъ, изъ которыхъ каждая считала себя лучшей, презирая другія. Были *умѣренные*, оставшіеся при первомъ ученіи, ходившіе въ церковь на общественное богослуженіе, а по вечерамъ и въ праздничные дни по полудни собиравшіеся въ извѣстный домъ, лѣтомъ же на дворѣ, для религіозныхъ бесѣдъ и пѣнія; при этомъ обыкновенно читали главу изъ священнаго писанія и болѣе развитые изъ нихъ толковали прочитанное. За умѣренными слѣдуютъ *танцоры* (Tänzer): они на общественное богослуженіе уже не ходили, собирались у кого-нибудь на дому, гдѣ, послѣ чтенія главы изъ священнаго писанія и короткаго толкованія, начинали пѣть религіозныя пѣсни, подбирая такія, которыя содержаніемъ оправдывали бы ихъ убѣжденіе, что «христіанинъ всегда долженъ быть радостнымъ, памятуя, что онъ спасенъ и искупленъ Христомъ, а слѣдовательно ему грѣшно быть печальнымъ, даже въ самомъ затруднительномъ положеніи». Пѣли они очень скоро, подъ тонъ народныхъ пѣсенъ, при чемъ хлопали руками, топали ногами и наконецъ, вскочивъ, схватывались за руки и начинали плясать *кружкомъ* отъ 10 до 15 человекъ. Самое боль-

шое значеніе они придавали взаимной любви, почему установили цаловаться при каждой встрѣчѣ въ собраніяхъ, а нѣкоторые соблюдали это и на улицѣ; послѣднее послужило поводомъ къ расколу въ этой сектѣ: скоро менѣ красивыя сестры замѣтили, что братья охотиѣ и нѣжниѣ цалуютъ красивыхъ и молодыхъ сестеръ; послѣдователь раздѣлъ этой группы — одна часть прекратила цалованіе, другая же продолжала. Далѣе слѣдуютъ *перекрещенцы*, не признававшіе своего крещенія и вообще крещенія младенцевъ, считал его неправильнымъ, такъ какъ въ священномъ писаніи нѣтъ примѣра, чтобы въ первое время христіане крестили дѣтей; при томъ лютеранское крещеніе они признаютъ неполнымъ, такъ какъ младенца окропляютъ только подою, между тѣмъ какъ крещаемого, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ опускать въ воду всѣмъ тѣломъ. Эти перекрещенцы въ то же время и танцоры, и, въ дополненіе нѣнія при танцахъ, ввели музыку, такъ какъ танцовать и въ то же время пѣть веселія пѣсни оказалось труднымъ. Сначала танцовали *кружкомъ*, а затѣмъ начали попарно — мужчина съ женщиной, какъ въ обыкновенныхъ танцахъ. Въ этой сектѣ за послѣднее время тоже замѣчается упадокъ.

«Братьевъ и сестеръ Ягодно-Полянской волости до сихъ поръ можно считать *умѣренными*; *танцоровъ* вовсе нѣтъ, а *перекрещенцевъ* пока всего двое: одинъ скатовскій, а другой — побочинскій. Всѣ сектанты Ягодно-Полянской волости очень усердно посѣщаютъ общественное богослуженіе въ церкви, послѣ чего собираются въ частномъ дому, гдѣ ведутъ поучительныя бесѣды, читаютъ по главамъ изъ библіи или Евангелія, толкуютъ прочитанное и поютъ церковныя пѣсни, хоронимъ и стройнымъ напѣвомъ; но танцевъ у нихъ нѣтъ. Въ прошлую зиму, въ здѣшней сектѣ повторилось нѣсколько разъ замѣчательное явленіе, которое ставило въ тупикъ не только постороннихъ, но и самихъ братьевъ и сестеръ: нѣкоторые молодые дѣвушки, ходившія въ штунду, до такой степени восхищались своимъ воображаемымъ положительнымъ спасеніемъ и увѣренностью въ своей святости, что отъ восторга волновались до истощенія силъ и падали въ собраніяхъ, во время молитвы, на полъ, шепча какія-то несвязныя слова о небесномъ раѣ; большею же частью, какъ передаютъ очевидцы, слова этихъ *восхищенныхъ* относились къ предметамъ или личностямъ изъ не-

сектантской среды; такъ наврѣмѣръ они говорили: «вижу дерево, пастора, шульмейстера», или кого другого: «дерево хорошее, зеленое» или «дерево это съ одной стороны повило, дерево сухое» и т. д. Явленіе это лѣтъ двадцать тому назадъ было замѣчено въ колоніи Усть-Кулалинкѣ (Галка тожъ, на Волгѣ, Камышинскаго уѣзда), въ другихъ же селеніяхъ ничего подобнаго не было, хотя во всѣхъ много сектантовъ того же толка. Теперь этого не слышать.

«Ягодно-Полянскимъ сектантамъ-братьямъ вѣроятно скоро также предстоить раздѣлиться вслѣдствіе возникшаго разногласія двухъ передовыхъ братьевъ—Штеркепа и Лагница: первый не желаетъ допустить, чтобы женщины-сестры произносили молитву въ собраніи, говоря, что по ученію Апостоловъ этого не должно быть, а послѣдній находитъ, что если Духъ Святой внушаетъ сестрѣ молитву, то она должна произносить таковую гдѣ бы то ни было, дома или въ собраніи». (Доставлено въ январѣ 1888 года).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введеніе.—Краткій этнографическій очеркъ.—Народности, населяющія Саратовскую губернію: русскіе; малороссы; вѣмцы; инородцы—мордва, чуваша, мещера, цыгане. Мѣстности, занимаемыя каждымъ изъ племенъ (стр. 1—3). Типы, жилье, одежда у русскихъ (3—8), малоруссовъ (8), мордвы (9—10), вѣмцевъ (11—12).

Народныя повѣрья.—Колдуны (стр. 13—16). Колдуны—разбойничьи атаманъ (17—18). Малорусскіе чаровники (18—19). Знахари и знахарки (19—20). Проклятыя, лѣшіе (20—21). Русалки (21—22). Домовой, хозяинъ (22—23). Огненный змѣй (23—24). Оборотни и вѣдьмы у русскихъ и малоруссовъ (24—28). Суевѣрія мордвы (28—29).

Преданія о кладахъ и разбойникахъ.—Клады и разрывъ-грава, «сырыгъ», «Петровъ-крестъ» (стр. 29—31). Разрываніе кладовъ въ пещерахъ и оврагахъ (31). Разбойничьи клады (32). Преданія о Кудеяровой горѣ и самомъ разбойникѣ Кудеярѣ (33—37). Будапова гора (37). Курганъ Стеньки Разина; «Турьма» или «Дурманъ» (38—39). Уракова гора (39—40). Курганы, «мамы», «могили» въ разныхъ мѣстностяхъ Саратовскаго края: Кладуша, Дорониха, Дѣвичьи горы, Высокая могила, Мамаевъ яръ, Тарасова могила, Перезданская могила, Царскія могилы-нищи, Быкъ-гора, Улановъ оврагъ (40—43). Змѣй—хранитель клада; Змѣевы горы (43—45).

Ворожба и гаданье. Повѣрья. Народное леченіе.—Гаданье на наукѣ, на углѣ, на вяхлѣ, башмачкомъ и др. (стр. 45—46); повѣрья объ огнѣ, о сѣменахъ для посѣва (46); гаданья у мордвы (46—47). Вороженіе и гадальщицы (47). Вѣра въ предзнаменованія; примѣты; заговариванье зубовъ, клоновъ, крысъ, мышей и пр. (47—49). Порча, ириворотныя зелья и корень; примѣты по крику птицъ,—перейти путь и пр. (49—50). Средство противъ засухи—бросить въ воду или оврагъ опойцу (50). Средство противъ смертности дѣтей—«истрѣчные крестные»; «прикалыванье» дѣтскихъ болѣзней; предохраненіе ребенка отъ вѣдуна или отъ болѣзни у мордвы (50—52). «Грамотка отъ лихорадки» (52—54). Суевѣрныя средства отъ болѣзней и скотскаго падежа—у русскихъ, вѣмцевъ, мордвы (54—57).

Апокрифическія сказанія и рукописи (стр. 57).—Сказаніе объ Адамѣ (58—60). Сонъ Богородицы—рукописный (60—62), какъ заговоръ (62—63), какъ стихъ, имѣющій также значеніе охраны (63—65); варіантъ рукописи (65—67). Святокъ Іерусалимскій (67—69). Сказаніе о мукахъ (69—70). Видѣніе ап. Павла, въ пересказѣ (70—72). Списокъ

дней, добрыхъ и злыхъ (72). Слово отъ хожденія пр. Богородицы (тоже «Сказаніе о мукахъ», въ вариантѣ) и пр. (72—75). «Дѣцѣнадцать пятницевъ годовыхъ» (75—76). Псалмы (76). Историческія справки о степеніи образованія духовенства въ старину (77—80). Пѣсня странника нищаго (80).

Заговоры.—Мужчины на женщину, чтобы тосковала о немъ и не могла безъ него жить;—на примиреніе мужа съ женой;—о томъ, чтобы мужъ не билъ свою жену (стр. 80—82). Заговоры о пчелахъ (82—84). Заговоры противъ стрѣлъ, ядеръ и пушекъ (84—85). Молитвы: отъ лихихъ враговъ; отъ напасти; отъ грижи; отъ лихорадки; Кресту, Богу-Отцу; по имя Господне; отъ выпаса запойства; аще кто возненавидитъ, мужъ-жену или жена мужа; отъ падежа скота и лошадей и отъ сѣдѣнія звѣрей; отъ зубной боли (85—88).

Праздничные обычаи, обряды и пѣсни.—Новый годъ, пѣсня «таусень» (стр. 88—90). Рождественскіе обычаи у русскихъ и мордвы; мордовская коляда (90—93); Рождественскіе обычаи и пѣсни у малоруссовъ (93—99); у пѣмцевъ (99—100). Масляница (100). Весенніе праздники и обычаи; великій постъ и пасха у русскихъ и малоруссовъ (100—102). Преполовенье, Вознесеніе, Троицынъ день—обычаи и пѣсни; кумовство между женщинами (102—105). Русальское воскресенье; Иванъ Купала у русскихъ и малоруссовъ (105—107). Десятая пятница; Первый Спасъ; Споживки; Спаса Преображеніе; день св. Флора и Лавра; Иванъ Постный; Рождество Богородицы; Воздвиженіе (107—109). Мордовскіе обычаи на Покрытѣ, ссылчины (109—110). Дмитрова суббота; осеннія вечеринцы у малоруссовъ; Козьма и Демьянъ (110—111). Мѣстные праздники—престоль (111). Посты (111—112). Мордовскіе моляны (112—114).

Свадебные обряды.—У русскихъ: смотрины, «осмотръ уголковъ», запой, свадьба. Продажа невестиною косы и пр. (стр. 115—120). Свадьба у малоруссовъ (120—124). Свадебные обычаи у мордвы; браки «уходомъ» (124—129). Свадебные обычаи у пѣмцевъ (129—130).

Похоронные обычаи. У русскихъ и пѣмцевъ; кладбища русскія и пѣмецкія (стр. 131—132). Помяновенье умершихъ; «родательскія» у русскихъ и малоруссовъ (132—133). Похоронные обычаи мордвы (133—137). Обычаи чувашъ (137—138).

Секты у русскихъ и язѣмцевъ (стр. 139—150).

Библиографический список трудов А. Н. Минха по этнографии и фольклору Саратовского края

Аткарский уезд//Сарат. губ. вед. — 1880. — № 58, 60, 63, 69, 75, 94, 111, 117. — Перепечат. в «Сарат. сборнике». — Саратов, 1881. — Т. 1. — С. 65—176.

Кладбища в Саратове//Сарат. губ. вед. — 1881. — № 203, 205.

Саратовский уезд: I. Пограничные местности в Петровском уезде. II. Ягодно-Полянская волость//Сарат. сборник: Материалы для изучения Сарат. губ./Изд. Сарат. стат. ком. — Саратов, 1882. — Т. 11. — С. 203—327.

Легендарные урочища волжского побережья в пределах Саратовского края//Сарат. листок. — 1888. — № 258.

Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861—1888 годах//Записки Импер. Рус. Геогр. Общ. по отделению этнографии. — Т. XIX. — Вып. 11.

Отд. оттиск. — СПб., 1890. — 8°. — 11—152 с.

Этнографический очерк народностей, населяющих Саратовскую губернию//Адрес-календарь Саратовской губернии на 1891 год. — С. 8—17.

Предания об основании городов Саратовской губернии//Сарат. листок. — 1891. — № 53.

Легенды о Кудеяре в Саратовской губернии//Там же. — 1891. — № 99; 1894. — № 151.

Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии//Этногр. обозр. — 1892. — № 4. — С. 116—128.

Реней в народных обрядах и песнях//Там же. — 1893. — № 2. — С. 191—192.

Снохачество и снохачи//Труды Сарат. ученой арх. комиссии. — 1903. — Вып. 23. — С. 31—34.

Быт духовенства Саратовского края XVIII и в начале XIX столетия//Там же. — 1908. — Вып. 24. — С. 55—73.

Описание села Оркина Саратовского уезда//Мордовский сборник, составленный А. А. Шахматовым (Изд. Императ. Акад. Наук. — СПб., 1910. — С. 681—720.

Список подготовила Т. Н. Молева.
При составлении списка был
использован указатель С. Д. Соколова
«Саратовцы писатели и ученые»*.

* См.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1916. — Вып. 33. — С. 264—268.

Александр Николаевич Минх

**НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ, СУЕВЕРИЯ, ПРЕДРАССУДКИ
И ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯН
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ**

СОБРАНЫ В 1861—1888 ГОДАХ

Художник **Е. И. Бочаров**
Редактор **Т. Н. Молева**

Сдано в набор 10.08.94 г. Подписано к печати 4.10.94 г. Формат 70×
×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Пе-
чать офсетная. Усл. печ. л. 13,54. Тираж 2000. Заказ 572. 4000 =

ГП «Полиграфист». 410730, Саратов, пр. Кирова, 27.